

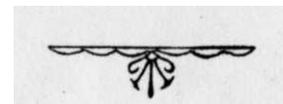
Атрий в доме Обелия Фирма.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

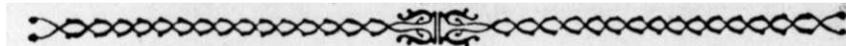
М. Е. СЕРГЕЕНКО

ПОМПЕИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • 1949 • ЛЕНИНГРАД

Под общей редакцией Комиссии АН СССР по изданию
научно-популярной литературы

Председатель Комиссии президент Академии Наук СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*

Зам. председателя член-корреспондент Академии Наук СССР
П. Ф. ЮДИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

В I в. н. э., при одном из страшных извержений Везувия, был разрушен землетрясением небольшой город древней Италии, близ нынешнего Неаполя, — Помпеи. Дата катастрофы нам хорошо известна: август 79 г.

Помпеи исчезли с лица земли: над развалинами уничтоженного города образовались за время долгих столетий новые пласты земли. Но в XVIII в. на месте пропавшего города приняты были сперва случайные, а затем и правильные научно-организованные раскопки, и, постепенно ширясь и технически совершенствуясь, раскопки эти вернули из-под земли на свет многое из того, что в момент гибели Помпей было в них, так сказать, законсервировано благодаря павшему на них плотному, непроницаемому для воздуха слою горячего пепла, вырвавшегося в момент извержения из кратера вулкана и со всех сторон окружившего собой и людей, и предметы. Взорам исследователей предстали остатки городских площадей, жилых помещений, домашней утвари. Прочтены были надписи, вырезанные, по обычаю древних, на камне, обнаружены частично пострадавшие фрески и статуи, а в иных случаях оказалось возможным даже восстановить внешние очертания некоторых из погибших и засыпанных пеплом людей и животных, тела которых обратились в прах, но оставили ясные следы своих форм.

Вместе с дальнейшим ростом раскопочно-разведывательных работ на месте древних Помпей все полнее приоткрывалась былая жизнь древнеиталийского муниципального города эллинистической эпохи, причем приоткрывалась она с такой стороны, которая почти всегда оказывается плотно от нас занавешенной ревнивым покровом времени, — со стороны будничной жизни античной городской общины. Вышли из-под обломков остатки то совсем мелких, то более крупных различного рода мастерских с их производственным инвентарем, орудиями и образцами самой продукции, обозначились развалины пекарен, булочных, красилен, магазинов, гладиаторских казарм, общественных и частных зданий, скромных квартир помпейского бедного люда

и домов богачей с комнатами, специально отводившимися в них рабам. Ясно обнаружилась также картина обслуживания городом культурных нужд жителей, например система городского водопровода и уличных городских фонтанов, подававших населению Помпей воду. Словом, в бесконечном множестве интереснейших мелочей бытового уклада, с такой полнотой зафиксированных документально-вещественными памятниками, шаг за шагом, с несомненной научной точностью воссоздается во всей ее сложности общая картина социальной, политической и культурной жизни древнеиталийского города эпохи рабовладельческого строя.

Представить читателю основной характер этой жизни, протекавшей в широком разнообразии противоречивых общественных группировок с их острой классовой борьбой, и попытаться дать в какой-то мере на основании археологических данных общую картину повседневного быта Помпей — такова непосредственная задача, поставленная автором настоящей книги. По этим данным мы можем воссоздать типичные черты жизни не только населения древних Помпей, но и человеческого общества вообще в эпоху рабовладельческой общественно-экономической формации. Именно в этом и состоит огромное познавательное значение памятников материальной культуры, открытых в Помпеях, а следовательно, и главная ценность книги Марии Ефимовны Сергеенко, увлекательно повествующей об этом историческом городе. Глубокое знание материала и удивительное умение писать даже и о самых сложных вещах одинаково просто, живо и ясно помогли М. Е. Сергеенко преодолеть трудности избранной ею темы.

Выпуском настоящей книги издательство Академии Наук отмечает двухсотлетие со времени (март 1748 г.) начала производства первых раскопок в Помпеях.

Академик *И. Толстой.*

Глава I

ГИБЕЛЬ ПОМПЕЙ

Везувий, погубивший в конце августа 79 г. несколько кампанских городов, уже давно известный географ Страбон, проехавший по Италии в начале нашей эры, рассказывает, что Везувий до самой вершины своей был покрыт прекрасными полями, и только сама вершина, «плоская, пепельного цвета, с расщелинами в обожженных, словно изъеденных огнем скалах, позволяет заключать, что здесь раньше были огненные кратеры и все место пылало в огне». Вершина эта густо заросла диким виноградом; здесь нашли себе приют Спартак¹ и его товарищи, бежавшие из гладиаторской школы; будучи осаждены римским войском, они напели из виноградных лоз лестниц и по ним спустились с отвесных скал, возле которых не стояло никаких караулов, потому что скалы считались неприступными. О пробуждении Везувия возвестило страшное землетрясение, происшедшее 5 февраля 63 г. Сенека² вкратце упоминает о бедствиях, причиненных этим землетрясением: в Геркулануме часть построек рухнула, остальные же расшатались; в Неаполе пострадало очень много частных домов; погибло овечьё стадо в 600 голов; были люди, которые сошли с ума. Раскопки в Помпеях показывают, что город в 79 г. был охвачен оживленной строительной деятельностью; разрушения, причиненные землетрясением 63 г., были, по-видимому, очень велики:

еще к 79 г., когда Помпеи были уничтожены, многие общественные здания стояли незаконченными; это, правда, объясняется еще и тем, что городским властям хотелось их отстраивать, руководствуясь требованиями современного вкуса — с большой роскошью и большими удобствами.

Об извержении Везувия, погубившем Помпеи и Геркуланум, имеется свидетельство очевидца: два письма Плиния Младшего,³ адресованные знаменитому историку Тациту. Автору этих писем в 79 г. было 18 лет; вместе с матерью он находился в Мизене (около 25 км от Везувия и около 30 км от Помпей, считая по прямой линии морем), где стоял флотский экипаж, которым командовал его дядя — Плиний Старший, знаменитый своей энциклопедической ученостью (памятником ее остались 37 книг его «Естественной истории») и беззаветной преданностью науке. Он погиб во время катастрофы смертью, достойной воина и ученого: «отправившись на помощь бедствующим, он поспешил туда, откуда другие бежали; направил путь свой прямо на самую опасность, при этом с полным бесстрашием — таким, что отмечал и велел записывать все изменения, происходившие в страшном облаке». Это облако, которое Плиний сравнивает с высокой и раскидистой пинией («вулканическая пиния» над Везувием столь характерная для периодов его деятельности), представляло собой массу горячего пара «местами белого, местами грязного, как бы смешанного с землей или пеплом». В доме Плиниев первая заметила это страшное облако около часу дня 24 августа мать Плиния Младшего, обратившая на него внимание и других членов семьи. Она вместе с сыном осталась в Мизене и после отъезда брата — Плиния Старшего. Ночью началось такое землетрясение, что «казалось, все не только колеблется, а просто переворачивается». Наступило утро 25 августа; вокруг стояли сумерки, здания тряслись и рушились. Плиний с матерью решили, наконец, бежать из Мизена. Сделать это, однако, было не так-то просто. «Наши повозки, находившиеся на совершенно ровном месте, кидало из стороны в сторону; даже с помощью камней нельзя было удержать их на том же месте. Мы видели, как море отходит от берега; земля, сотрясаясь, как бы отталкивала его от себя. Оно

отступало: на песке лежало много морских животных. С другой стороны [т. е. со стороны Везувия] в черной страшной туче там и сям вспыхивали и перебегали огненные зигзаги, и она раскалывалась длинными полосами пламени, похожими на молнии, но большими..* Туча эта стала опускаться на землю, покрыла море, опоясала Капреи [остров Капри] и скрыла их; унесла из виду Мизенский мыс. . . . Стал падать пепел, пока еще редкий; оглянувшись, я увидел, как на нас надвигается густой мрак — не такой, как в безлунную или облачную ночь, а такой, какой бывает в закрытом помещении, когда огни потушены. Слышны были женские вопли, детский писк и крики мужчин: одни звали родителей, другие детей, третьи жен или мужей, силясь узнать их по раздававшимся зовам; одни оплакивали свою гибель; другие — гибель своих: некоторые в ужасе перед смертью молили о смерти; многие воздевали руки к богам, но большинство утверждало, что богов больше нигде нет и что для мира настала последняя вечная ночь. Не было недостатка в людях, которые увеличивали подлинную опасность страшными выдумками. Рассказывали, что в Мизене одно рухнуло, другое горит: это была неправда, но им верили. Чуть-чуть посветлело; это был, однако, не дневной свет: к нам приближался огонь. Он остановился вдаль; вновь настали потемки; пепел посыпался частым тяжелым дождем. Мы все время вставали и стряхивали его — иначе нас раздавило бы под его тяжестью. . . . Наконец, мрак стал рассеиваться, превращаясь как бы в дым или туман; скоро настал настоящий день, и даже блеснуло солнце, но желтоватое и тусклое, как при затмении. Все представилось изменившимся глазам еще трепетавших людей: все, было засыпано, как снегом, глубоким пеплом». Геркуланум вообще исчез с лица земли; на том месте, где стояли Помпеи, кое-где из пепла торчали самые верхушки зданий; под глубоким слоем камешков пемзы И под пеплом лежала долина Сарна (теперь Сарно) и склоны гор, замыкающих ее с юга.

* Эти электрические явления обычны, когда при высоком давлении вырывается огромное количество пара. Описание Плиния и верно и очень живо.

Катастрофа произвела потрясающее впечатление на современников. Марциал⁴ запечатлел в коротких и сильных стихах контраст между прежним цветущим краем и теперешней выжженной пустыней, лежащей «под мрачным пеплом». Тацит, начиная свою «Историю» перечислением бедствий, выпавших на долю его современников, упоминает «провалившиеся или засыпанные города на благословенном кампанском берегу», а Стаций⁵ меланхолически спрашивает: «Поверят ли грядущие поколения, когда эта пустыня вновь зазеленеет, что под ней скрываются города и люди!»

Время шло, рассказ Плиния, которому так удалось передать жестокий и бесстрастный трагизм событий, стал казаться потомкам слишком сухим и бескрасочным. Событие, страшное само по себе, начало обрастать подробностями из страшных сказок: у Диона Кассия⁶ перед началом катастрофы вокруг Везувия бродят и летают по воздуху какие-то гигантские фигуры; люди видят их и во время извержения среди мрака и дыма слышат трубные звуки; «словно бычачий рев стоял над землей; подземные звуки напоминали гром; одновременно загудело море, и эхом откликнулись небеса». Когда после 18 веков молчания и сна Помпеи стали подниматься из своей могилы, воображение тех, кто присутствовал при этом воскресении, слышал или читал о нем, было, повидимому, так поражено судьбой города и в то же время было настолько бессильно представить себе весь ужас происшедшего, что действительность начали дополнять вымыслом, порой высоким, порой сентиментальным: совсем недавно автор одного английского романа вспомнил, вслед за Бульвер-Литтоном, никогда не существовавшего римского часового, которого бушевавший Везувий не смог заставить сойти с поста. История двух влюбленных, погибших в объятиях друг друга, приведенная Брюсовым как документальное доказательство величия и всемогущества любви, сама по себе весьма вероятна, но мы напрасно стали бы искать ее среди подлинных свидетельств о катастрофе. Раскопки сообщили столько страшных и совершенно достоверных подробностей относительно гибели людей

при извержении вулкана, что всякие фантазии по этому поводу кажутся сейчас и неуместными и ненужными.

Помпеи не были залиты раскаленной лавой, как это иногда думают, и не были охвачены огнем. Случайные пожары, возникшие в некоторых местах от разоженного очага или забытой лампы, в счет не идут. Такие предметы, как дерево, хлеб, зерно сохранились в Помпеях обугленными, а не превратились в кучи золы, как это было бы неизбежно при общем пожаре. Свинец найден не расплавившимся, кости и мрамор не кальцинировались. В некоторых домах желтая охра, которой были окрашены стены, изменила свой цвет в красный: такое явление происходит действительно под влиянием жара, но опыты показали, что медленное воздействие воды приводит к такому же результату. Город был погребен под двойным слоем вулканических пород: сначала слоем в среднем до 7 м выпали «камешки» (мелкие кусочки пемзы, величиной от горошины до грецкого ореха; камни диаметром в 30 см и больше попадают очень редко), а затем их прикрыло пеплом на 1—2 м в высоту. В некоторых местах Помпей (например в конце улицы Изобилия, на «Новых раскопках») эти два слоя очень легко различимы.

Население города не было застигнуто катастрофой врасплох; из письма Плиния это совершенно ясно.* У людей было время бежать: вулкан пробудился от своей спячки поутру, но каменный дождь пошел только после полудня. Большинство, действительно убежало. Исходя из числа найденных скелетов, полагают, что в городе погибло около 2 тыс. человек, между тем как все население Помпей исчислялось тысяч в 20—30. Погибли те, кто рассчитывал пересидеть опасность, забившись куда-нибудь в укромный уголок дома, например в глухой коридор или в погреб, или же те, кто вышел слишком поздно — после того, как прошел каменный дождь. С трудом пробираясь по гудам мелких камешков, в которых вязли ноги, они были застигнуты дождем

* Сообщение Диона Кассия, что в это время «в театре сидела толпа», отнюдь не соответствует истине, — это тоже позднейшая выдумка, ярко оттеняющая по контрасту ужас происшедшего.

пепла и, выбившись из сил, задохнулись под ним. Большинство трупов найдено именно в этом верхнем слое пепла.

Одновременно с пеплом или сейчас же после него хлынул горячий ливень; вода, смешавшись с пеплом, образовала массу, которая плотно облепила тела погибших, проникнув во все складки одежды, во все углубления на теле, во все морщины. Масса эта засохла и окрепла, сохранив точный отпечаток лежащего в ней тела. После его разложения и распада в ней осталось пустое место, где лежал скелет погибшего. Один из руководителей раскопок, Фиорелли, придумал заливать эти пустоты раствором гипса: отвердевший гипс представлял собой точный слепок с погибшего и с абсолютной верностью передавал его позу и даже выражение лица в момент смерти.* Эти вытянутые руки со сведенными пальцами, эти искаженные черты красноречивее всяких слов говорят о безнадежной борьбе и мучительной агонии. Вот мужчина огромного роста, — выбившись из сил, он упал на спину, судорожным движением приподняв кверху зажатый в руке край одежды; вот женщина, задохнувшаяся в тяжелых страданиях, о которых говорят запрокинутое лицо, сведенные ноги и конвульсивно сжатая в кулак рука. В коридоре одного дома нашли скелет собаки и растащенные человеческие кости: человек, не будучи в силах выбраться из засыпанного помещения, умер голодной смертью, а собака некоторое время питалась трупом своего хозяина. В доме богатого помпейца, Везония Прима, хозяева, убегая, забыли отвязать цепную собаку, и бедный пес карабкался по нарастающей гряде пепла, пока позволяла длина цепи; выбившись из сил, он упал и погиб в жестоких мучениях, о которых красноречиво свидетельствует сделанный слепок (рис. 1).

Страшная трагедия разыгралась в одном загородном доме — так называемой «вилле Диомеда». Человек с золотым кольцом на пальце, несомненно хозяин дома, в сопровождении раба, который нес фонарь и полотняный мешок с семейным серебром

* Сленки эти хранились до II мировой войны в маленьком Помпейском музее, выстроенном у Морских ворот.

И деньгами, решил искать спасения в бегстве; с ключом в руке он направлялся к садовой калитке, выходящей в поле. Ни ему, ни его спутнику не удалось даже выйти за пределы усадьбы: вблизи от калитки найдено было два скелета. Вся семья — восемнадцать взрослых женщин и двое детей — укрылась в подвальном сводчатом помещении, служившем винным погребом. Все они погибли

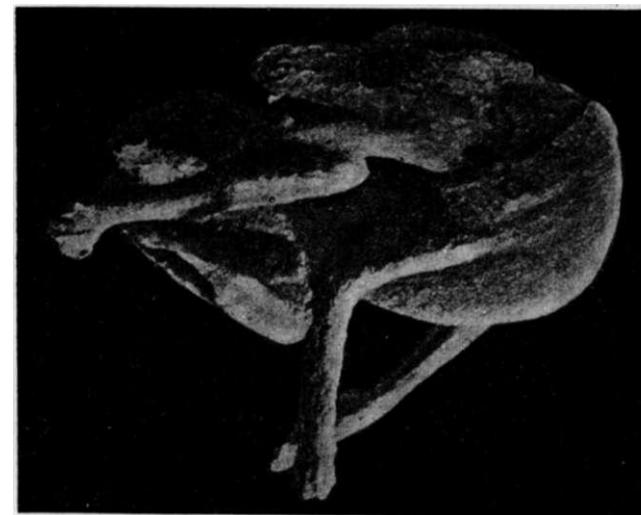

Рис. 1. Погибшая собака Везония Прима (гипсовая фигура, сделанная по методу Фиорелли).

под пеплом, засыпавшим подвал сквозь маленькие окна-отдушины. Удалось сделать слепок с верхней половины туловища одной жертвы; судя по слепку, это была совсем молодая девушка редкой красоты, одетая в тончайшие ткани. Возле нее находилась женщина с ребенком на руках и другим, постарше, который сидел рядом. Защищаясь от горячего пепла, они накинули себе на головы покрывала. В погребке вперемешку с костями нашли кольца, ожерелья и золотые вещи.

В карцере гладиаторской казармы лежало два скелета: нака-
занные не смогли убежать, хотя и были только заперты, а не за-

кованы. В маленькой улочке, недалеко от форума, найдено было несколько скелетов (ее так и назвали «Переулоч скелетов»): молоденькая девушка, в вышитых сандалиях, вместе с матерью, беременная женщина со связкой ключей, запасливо захваченных из дома, и двумя серебряными вазами, солдат — все они, решив сначала переждать катастрофу у себя дома, слишком поздно спохватились и, выбравшись через окна (узкая улочка была уже засыпана на несколько метров — дверей было не раскрыть), погибли, как и остальные, под дождем пепла.

Часть бежавшего населения направилась к гавани, лежавшей в некотором отдалении от города, рассчитывая спастись морем. В 1880—1881 гг. метрах в 500—600 от Стабийских ворот найден был ряд строений и в них очень много скелетов, при которых оказалось большое количество золотых вещей. Предполагают, — и предположение это очень вероятно, — что в то время гавань была именно здесь и сюда в момент катастрофы собралось много людей, тщетно искавших спасения; если в гавани и стояли суда, то они были засыпаны извержениями Везувия.

Когда Везувий затих, все успокоились и страх улегся, пострадавшие начали возвращаться на старые места. Ориентируясь по торчавшим крышам и верхушкам зданий, они искали свои дома, чтобы извлечь оттуда оставшиеся ценности и вообще всякую утварь, которая могла пригодиться и облегчить жизнь на новом месте. Были здесь и хозяева, были, конечно, и воры. Эти первыераскопки засыпанного города, которые велись самими помпейцами, по результатам своим были, надо думать, очень бо-

сооружений на месте уцелели только жалкие остатки. Никаких реальных мер, чтобы помочь пострадавшим, со стороны правительства принято не было. Император Тит назначил комиссию из числа сенаторов «для восстановления Кампании»; «имущество погибших, если у них не имелось наследников, он назначил для восстановления пострадавших городов» (Светоний).⁷ Ничего, однако, восстановлено не было; уцелевшее население нашло себе приют в других городах; с течением времени разведки и раскопки в Помпеях, естественно, прекратились: было взято и унесено все, что можно было взять и унести. Теперь единственной хозяйкой и распорядительницей разрушенного города осталась «равнодушная природа», вновь засиявшая «красою вечною» на опустелом и покинутом месте. Над бывшим городом раскинулся роскошный зеленый покров; вулканический пепел, dokonчивший разрушение Помпей, сообщил почве неиссякаемое плодородие; роскошные виноградники и фруктовые сады протянулись над старыми улицами и площадями. О Помпеях вовсе забыли, и только какое-то безотчетное воспоминание о том, что здесь стоял некогда город, жило в названии этого урочища а Citta» («Город») — названии, смысл которого для ряда веков и поколений оставался непонятным.

Глава II

ИСТОРИЯ РАСКОПОК

В истории наук, занимающихся изучением прошлого, раскопки Помпей принадлежат к числу довольно редких фактов, знакомство с которыми оставляет в душе и глубокое удовлетворение, и спокойную надежду, что сколько бы человек ни блуждал по неверным путям, сколько бы грубейших и часто непоправимых ошибок ни делал, но рано или поздно он выбьется, если ищет, на верную дорогу. Помпейские раскопки, начинавшиеся совершенно разбойничьим способом,* заканчивались в духе строгой научности, а в техническом отношении — с мастерством блистательным. Помпеи и жизнь их обитателей были, действительно, воскрешены и показаны нашим современникам во всей неприкрашенной правде повседневного существования, с его темными и светлыми сторонами, и трудно даже представить себе, сколько ценнейшего материала для истории искусства, быта и экономики дал этот маленький, но деятельный и цветущий городок.

Первым человеком нового времени, который на самом рубеже XVII в. наткнулся на Помпеи, был известный итальянский

* Один из современных ученых справедливо заметил, что все Средние века с их варварством не принесли столько вреда и не уничтожили столько важнейших для истории древности предметов, сколько археологи XVIII в.

инженер и архитектор Доменико Фонтана. Он строил водопровод от реки Сарно к маленькому городку Торре Аннунциата, расположенному к западу от Помпей, и канал, предназначенный для этого водопровода (существующий и поныне), прорезал Помпеи в направлении с юго-востока на северо-запад. Фонтана наткнулся на городскую стену, на остатки домов и на несколько надписей, в которых упоминалось название Помпей. Никому, однако, не пришло в голову, что землекопы Фонтана работают на территории погибшего города, трагическая участь которого была достаточно известна; слово «Помпеи» истолковали, как указание на то, что здесь когда-то была усадьба Помпея, противника Цезаря.

Помпейские раскопки начаты были совершенно случайно, из побуждений, не имевших ничего общего с интересами историческими и вообще научными. В самом начале XVIII в. австрийский князь Эльбеф, построив себе великолепный дворец в Портичи, пожелал украсить его произведениями античного искусства. Прослышав, что какой-то хлебник, копая на своем участке колодезь, наткнулся на древние постройки, он купил этот участок и, заявив, что желает найти хорошую питьевую воду, стал рыть здесь глубокие шахты. Случаю было угодно, чтобы рабочие его сразу же наткнулись (в 1709 г.) на театр в Геркулануме, который Эльбеф и начал беззастенчиво грабить для украшения своих покоев; с точки зрения того времени это было вполне естественно и законно.

Эльбеф вскоре, однако, разочаровался в своих поисках, ему перестало везти, и он продал землю, под которой находился Геркуланум, неаполитанскому правительству. Новые хозяева не были счастливее в своих поисках, и когда директору раскопок, испанцу Алькубиерре, случилось как-то в 1748 г. при инспектировании канала, прорытого Фонтана, услышать, что в этих местах очень часто находят разные старинные вещи, то он немедленно обратился к неаполитанскому королю, Карлу III, с просьбой разрешить ему перенести раскопки в эти места. По его предположению, здесь находились когда-то Стабии. Разрешение было дано, и 30 марта 1748 г. Алькубиерре, получив

в качестве работников 12 каторжников, приступил к раскопкам; с этой знаменательной даты, собственно, и начинается постепенное выхождение Помпей на белый свет. Покопали к северу от Ноланской улицы и на Дороге гробниц, за Геркуланскими воротами; разрыли часть амфитеатра. Алькубиерре был все время убежден, что он раскапывает Стабии, и только в 1763 г., когда нашли надпись, прямо упоминающую «город помпейцев», всем стало ясно, что раскопки производятся на территории древних Помпей.

Историю помпейских раскопок от начала их, т. е. с половины XVIII в., вплоть до 60-х годов прошлого столетия можно рассматривать как некий единый период. Это единство создано самым методом раскопок, общим характером их. Менялось число рабочих: от четырех человек оно доходило до нескольких сот; неаполитанское правительство то живо интересовалось раскопками, то забывало о них; во главе раскопок становились разные люди: бывали невежды, ничего не понимавшие ни в искусстве, ни в древностях, ни в археологии; бывали и хорошие для своего времени ученые. Однако от всего этого основной стиль раскопок менялся мало. Его можно определить одним словом — «кладоискательство», а к этой характеристике, в зависимости от стоявших во главе руководителей, прибавлять различные по силе и выразительности эпитеты. Наиболее варварским и грубым было оно при Алькубиерре и его помощнике Вебере. Хорошие саперные инженеры, старательные и аккуратные люди, они во всем, что касалось искусства и археологии, были совершенно невежественны. Они могли, например, вымерять с поразительным терпением и аккуратностью диаметры разных частей одной и той же посуды, не сказав ни слова о ее форме и не упомянув ее названия; давая планы найденных домов, в качестве указания на их место могли назвать только фамилию хозяина, которому принадлежал участок, где производились раскопки. Копали без всякого плана — то здесь, то там; раскапывали здания кое-как; похищали бронзу, мрамор, картины и мозаику и затем заваливали все землей, часто не сняв даже плана с места произведенных раскопок. Мозаичные

полы, если они не отличались исключительной роскошью, раскапывали на куски, и некоторое количество этих кусков отправляли в корзинах в Неаполитанский музей; стенную роспись, если она худо сохранилась или на вкус директора была плоха, просто сбивали на пол ударами кирки. Винкельман рассказывает, как поступили с одной надписью из Геркуланума, составленной из медных букв: буквы эти сорвали со стены, не потрудившись предварительно списать надпись, и, бросив в корзинку, отправили в музей, где их как попало повесили на стенку: «каждый мог доставить себе удовольствие составлять из них разные слова по своему усмотрению». Однажды нашли все части бронзовой позолоченной колесницы с четверкой лошадей: ее перелили в бюсты короля и королевы, а из остатков, прибавив нового металла, сделали большую лошадь, которую и выставили во дворе музея.

Несколько лучше пошло дело, когда во главе раскопок (с 1764 г.) стал Франческо ля-Вега, прекрасный рисовальщик и образованный человек. Ля-Вега первый начал вести аккуратный дневник раскопок, прилагая к нему тщательно исполненные планы и точные зарисовки, снимаемые им с обнаруженных зданий и с отдельных предметов. Историки сельскохозяйственной жизни древней Италии обязаны ля-Вега вечной благодарностью за то, что он первый обратил внимание на винные и масляные прессы и первый дал им правильное объяснение. Но и ля-Вега был сыном своего времени: основной задачей своей он считал ежедневную поставку в музей хотя бы одной «древности»; поэтому, не находя ценных вещей, он многие здания оставлял разрытыми лишь наполовину, другие же обходил, если почему-либо не рассчитывал на богатые в них находки. Раскопки оставались, таким образом, по существу хищническими. К архитектуре, ко всему, что было найдено в доме, как к чему-то цельному и единому, относились с полным равнодушием, интересуясь только тем, что представляло музейную ценность: бронзу уносили, картины выпиливали, а стены с их росписью оставляли на волю солнца, дождей и ветров. К этому официальному грабежу присоединился

o

Помпеи

еще грабеж тайный: вещи из Помпей выкрадывали и продавали. Гете, бывший в Неаполе и в его окрестностях в 80-х годах XVIII в., рассказывал, как в потайной кладовой английского посланника Гамильтона, где хаотически были свалены всевозможные произведения искусства, он наткнулся на два прекрасных бронзовых канделябра, «затерявшихся здесь из помпейских могил». Известный собиратель древностей, французский граф Келюс, лелеял план ограбления Геркуланума: «Я понимаю трудность этого предприятия, но не надо забывать о нем: что не удалось сегодня, удастся завтра».

Материально раскопки обеспечены были очень скудно: неаполитанское правительство отпускало на них жалкие гроши; больше тридцати двух землекопов никогда не бывало; чаще работало человек восемь, а то и четыре. Обычно это были каторжники или рабы, купленные в Тунисе. Совершенно не заинтересованные в работе, они вели ее медленно, будучи к тому жеотягчены цепями, которыми их сковывали попарно. Винкельман, посетивший Помпеи в 1764 г., в Риме раскапывают за месяц больше, чем в Помпеях за год, и что при таких темпах хватит работы и на правнуков.

Лучшие времена для раскопок настали с начала XIX в., когда неаполитанские Бурбоны были изгнаны и на престоле оказался старший брат Наполеона Иосиф. В 1807 г. неаполитанскому ученому Михаилу Ардити, умному и энергичному человеку, было поручено составить новый план раскопок. Ардити предложил, во-первых, купить на государственный счет все место, где стояли Помпеи, и полосу земли вокруг, куда можно было бы вывозить выкопанный мусор, вместо того чтобы вновь заваливать им уже раскопанные дома; во-вторых, вести раскопки последовательно и систематически, начав от двух точек и двигаясь от них на соединение; в-третьих, повысить ассигнования до 6 тысяч дукатов в год с расчетом держать не меньше 150 рабочих. План Ардити начал успешно осуществляться, получив новую сильную поддержку, когда вместо Иосифа Бонапарта неаполитанским королем стал зять Наполеона Мюрат, жена которого, королева Каролина, очень

заинтересовалась раскопками. Почти еженедельно бывала она в Помпеях, поощряла рабочих, увеличивала суммы, отпускаемые на раскопки, так что количество землекопов доведено было почти до 700 человек. Под ее покровительством работал в Помпеях известный французский архитектор Мазуа, получивший от нее для завершения своей работы крупную денежную субсидию. Три изданные им большие тома («Les mines de Pompei», 1812—1824) до сих пор сохранили большое значение, потому что Мазуа видел и с большой точностью зарисовал многое, что потом бесследно погибло. За короткое время правления Мюрата раскопана была большая часть городской стены, Дорога гробниц, окончены раскопки амфитеатра и отрыто самое сердце города — форум и окружающие его здания.

В 1815 г. вернулись в Неаполь Бурбоны, и работы сначала продолжались как бы по инерции, прежним темпом: раскопки, шедшие от Дороги гробниц, соединились с раскопками на форуме; открыт был изящный храм Фортуны Августы и раскопаны бани возле форума. Вскоре, однако, работы замерли, и Помпеи опять погрузились в сон.

Новой эрой оказался 1863 год, когда с объединением Италии и водворением нового правительства на юге страны во главе раскопок был поставлен известный археолог Джузеппе Фиорелли. Он заявил, что самое интересное в Помпеях — это сами Помпеи, что и роскошный дом, полный первоклассных произведений искусства, и убогий домишко одинаково важны для историка и заслуживают одинаково внимательного и прилежного изучения. Эти требования, представляющиеся ныне каждому археологу азбучными, были тогда неслыханно смелыми и новыми; последовательное проведение мыслей Фиорелли на практике означало, что отныне Помпеи не будут больше рассматриваться только как рудник, единственное значение которого состоит в том, чтобы снабжать музеи художественными вещами. За городом, который катастрофой был погублен для его современников, но сохранен для отдаленных потомков, признано было, наконец, его настоящее научное значение; стало ясно, что эти дома, улицы, площади — живая повесть о безвоз-

вратно погибшем мире. Помпеи становятся богатейшей школой исторического знания; для них начинается эра новой жизни, в историческом отношении более глубокой и важной, чем та, которая оборвалась две тысячи лет назад.

Когда Фиорелли впервые приехал в Помпеи, город напоминал собой разбушевавшееся море, волны которого, взметнувшись, Едруп неожиданно окаменели. Алексей Левшин, побывавший в Помпеях в 30-х годах прошлого столетия и составивший весьма недурную для своего времени книжку «Прогулки русского в Помпеи», должен был, «прогуливаясь», только и делать, что карабкаться на холмы мусора и обломков и скапываться с них в глубокие рытвины. Фиорелли, прежде чем Еести раскопки дальше, решил пройти по следам своих предшественников: убрать мусор, горами лежавший на местах раскопок, укрепить стены, которые, стоя без крыш, подвергались разрушительному влиянию непогоды и грозили обвалом; расчистить проходы к домам. После этих работ он взялся за настоящие раскопки. План его заключался в том, чтобы расчистить промежутки между уже открытыми домами. В результате систематической и терпеливой работы вместо одиноко поднимавшихся домов появились целые группы их, они разрастались, сближались друг с другом и, наконец, слились; отрезки улиц соединились и предстали в виде цельной линии, маленькие переулочки влились в главные улицы; выросли, наконец, целые кварталы. На эту работу ушло 12 лет, но Помпеи теперь были неузнаваемы: вместо отдельных стен и верхушек колонн, торчавших из груд мусора, глазам зрителя предстала часть города в таком виде, который позволял уже судить о его жизни и деятельности (рис. 2).

Фиорелли принес с собой и новый в техническом отношении метод раскопок. Со времени Ардити копали следующим образом: раскапывали отдельные дома; в дальнейшем же, определив общее направление улицы, расчищали ее на определенном пространстве, а затем через двери проникали в дом и начинали выбирать пепел снизу. Верхние, подрывные слои рушились, увлекая за собой и часть дома, особенно его верхний этаж. До

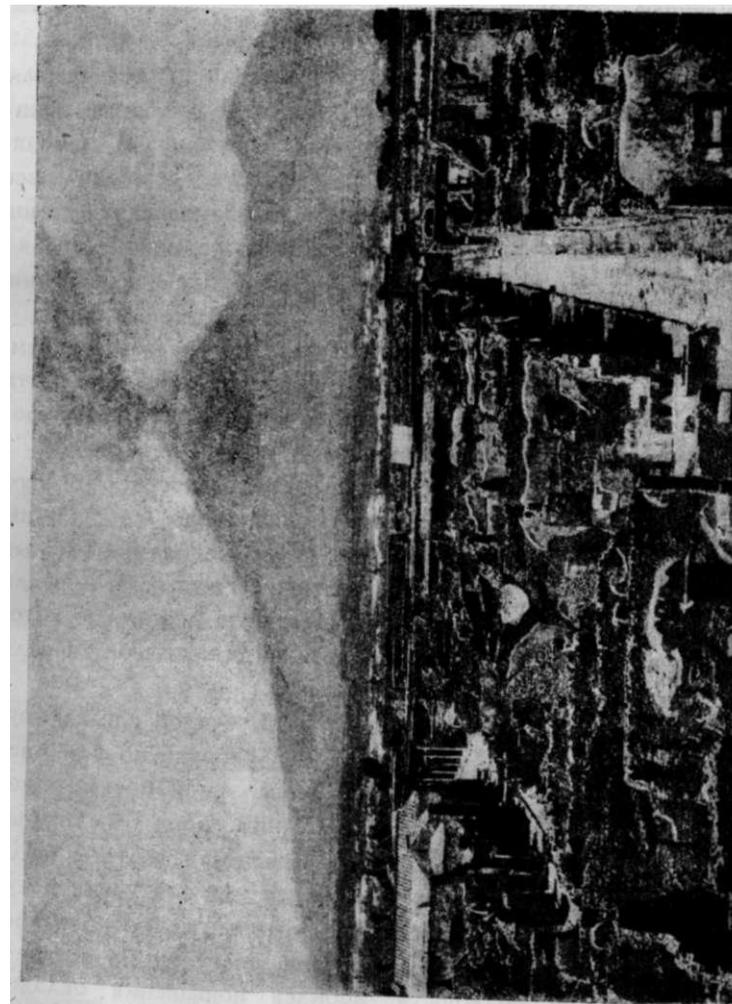

Рис. 2. Панорама Помпей с видом на Везувий.

Фиорелли второго этажа в Помпеях почти не знали; на его существование указывали только лестницы. Кроме того, стены, освобожденные снаружи, не выдерживали давления массы, напиравшей на них изнутри, и часто обваливались. Фиорелли брался сразу за расчистку целого квартала и раскапывал сверху, слоями; все обнаруженные балки и характерные архитектурные части бережно сохранялись, подпирались и заменялись новыми, в которых он, по возможности, соблюдал все детали их прежнего вида. Восстановление помпейских домов с их этажами, крышами и балконами стало возможно только теперь. Тем самым открылась новая страница в истории итальянского зодчества.

Придуманной Фиорелли способ заливки пустот гипсом, о котором мы уже говорили, дал ему возможность получить превосходные слепки с ряда деревянных истлевших вещей: кровельных балок, дверей, лож, сундуков и прочей утвари.

Фиорелли позаботился и о будущем раскопок. До него пепел выносили и сбрасывали около Помпей; горы эти должны были представить собой серьезные затруднения для новых раскопок на окраинах города и в его окрестностях. Фиорелли поэтому решил построить наклонную железную дорогу, по которой вагонетки, двигаясь своей собственной тяжестью, уносили весь мусор далеко от города, за амфитеатр.

Великой заслугой Фиорелли было и то, что он сделал изучение Помпей, которое раньше было очень затруднено для иностранцев, доступным для всех. Организовал он и превосходное обслуживание туристов: по воскресным дням город был открыт бесплатно для всех; в остальные дни посетители должны были платить скромную сумму в два франка. За эту плату они получали прекрасно обученного проводника, который грамотно объяснял им все, что они видели. Фиорелли, сразу же по вступлении в свою новую должность, добился повышения окладов всему своему персоналу, но за то повел энергичную борьбу со всякого рода подачками, на которые так были падки надзиратели раскопок и служащие музея, всегда готовые за хорошие деньги препроводить в карман беззастенчивого посетителя

вещь из раскопок. Фиорелли сумел воспитать у себя на службе честных и преданных делу людей и создать прочные традиции: соблазнить взяткой помпейского проводника стало с его времени делом невозможным.

Фиорелли руководил раскопками вплоть до 1875 г., когда его назначили на место главного директора всех итальянских музеев и раскопок и отозвали в Рим. На помпейском форуме ему поставили статую — честь, им вполне заслуженная. Организация раскопок и после него осталась той же; он создал хорошую школу учеников, и дальнейшие руководители раскопок работали в его духе и по его плану. Со времени Фиорелли в работе археологов все больше и больше намечается поворот в самом характере археологических исследований; теперь мало уже только описывать, надо объяснять, расставляя полученные факты в исторической перспективе. Уже Фиорелли, исследуя материал и технику помпейских построек, установил несколько периодов в жизни города. Немецкий ученый, Август Мау, занявшись изучением стеной росписи в Помпеях, дал историю этой росписи, выделив четыре стиля, последовательно сменявших друг друга. В последние годы археологов особенно привлекает древнейшая история города — лопата поднимает все более древние слои.

К началу первой мировой войны раскопано было значительно больше половины города. К этому надо прибавить ряд античных деревенских усадеб, открытых за чертой города, иногда на расстоянии нескольких километров от него. Усадьбы эти дали богатый материал не только для истории сельского хозяйства древней Италии. В некоторых из них были найдены любопытнейшие произведения искусства: таков, например, знаменитый клад из усадьбы под Боскореале, состоявший из большого количества серебряной посуды высоко художественной работы. Роспись в одной из усадеб, названной по фамилии нынешнего владельца участка, где ее раскопали, «Виллой Итем», оказалась копией с картин какого-то крупного античного художника. Ее сюжет дает редкую и любопытную версию мифа о по-

священии в вакханки. Замечателен образчик эллинистической пейзажной живописи, сохранившийся в другой усадьбе, принадлежавшей Агриппе Пестуму и перешедшей после его смерти в римскую императорскую семью.

Война прервала раскопки, возобновившиеся только после ее окончания. Самый замечательный результат этих «Новых раскопок» (так они официально и называются) — это кварталы на улице Изобилия, к востоку от пересечения ее со Стабиевой улицей.

До «Новых раскопок» утварь и художественные произведения из помпейских домов отправляли обычно в Неаполитанский музей; предметы же менее важные и менее ценные оставлялись в маленьком музее в Помпеях. Кроме того, для фрески, то орнаментальную живопись обычно оставляли на месте, но изображения фигур вырезали и отсылали опять-таки в Неаполитанский музей. Тем самым цельное впечатление от стены исчезало, да и весь дом, лишенный своих украшений и утвари, не мог дать сколько-нибудь полного представления о своей былой жизни. В 1894 г. в доме Веттиев был сделан первый опыт сохранения, а частично и восстановления дома в том виде, в каком он был до своей гибели. В «Новых раскопках» это стало правилом. Во всем своем блеске явились тогда результаты длительной школы, какую прошли поколения археологов, трудившихся над раскопками Помпей: из простой работы по отрыву зданий раскопки превратились в работу по их воскрешению. За раскопщиками шаг за шагом шли реставраторы; они прочно связывали расшатанные части верхних этажей с их нижними основаниями, укрепляли растрескавшиеся и покосившиеся стены, тщательно подбирали и ставили на прежние места (в стенах или на потолке) куски обвалившейся штукатурки; поднимали и чинили упавшие крыши, заделывали дыры, ставили, где это требовалось, перегородки. Теперь ничего уже не уносили; все, до мелочей включительно, оставалось на своих старых местах. Улица Изобилия за Стабиевой улицей некогда являлась самой оживленной торговой частью города: работники «Новых раскопок» сумели показать ее почти в том самом виде, в каком

она была две тысячи лет назад. Реставрация этих кварталов по справедливости может быть названа гордостью современной археологии.

Последняя мировая война не пощадила и Помпей; немцы неоднократно бомбили их и нанесли им немало тяжелых повреждений; пострадал, между прочим, один из лучших, и притом один из старейших домов города, так называемый «дом Фавна»; в большой театр попали три бомбы; в третьем квартале третьего района * совершенно разрушили все лавки и харчевни. Раскопки, однако, не прекращались и в это время; их руководитель, А. Майури, еще раньше поставил своей целью восстановление древней истории города. В 1927 г. ему удалось найти остатки древнейшей стены, возведенной вокруг города; за период 1938—1945 гг., раскапывая форум и рынок, он нашел остатки построек, которые относятся ко II в. до н. э. и которые позже, уже в римское время, были переделаны или отстроены заново.

Скажем еще несколько слов, чтобы ориентировать читателя в прилагаемом в конце книги плане. Раскопанные улицы получили от археологов названия или по своему направлению (например Стабиева, Ноланская — это улицы, идущие в сторону города Стабий, города Нолы и т. д.), или по наиболее важным и характерным зданиям, которые на эти улицы выходили (улица Евмахии — от шерстяного крытого рынка, выстроенного Евмахией; улица Висячего балкона, названная так по дому, чей выступающий закрытый балкон определил собой вид целого переулка), или, наконец, по своему общему виду (Кривой переулок). Улица Изобилия была названа по изображению на одном колодце, находящемся в начале ее (изображение это приняли за фигуру Изобилия). Город на современном плане разделен на районы, обозначенные римскими цифрами (всего девять районов). Кварталы внутри каждого района и дома в каждом квартале имеют свои номера. Наиболее замечательные дома носят еще дополнительные названия, данные им по при-

* План в конце книги.

чинам часто совершенно случайным: нередко, например, дом получил свое условное обозначение по имени того или иного важного посетителя, в присутствии которого его раскапывали; так, имеется дом Иосифа II, есть дом русской императрицы. Иногда же дом получал свое название по тем или иным особенно интересным или характерным бытовым вещам или предметам искусства, какие были в нем найдены: дом Хирурга, дом Мелеагра (в передней комнате фреска, изображающая Мелеагра). Иные названы по имени античного их владельца, часто ошибочному (дом Саллюстия). Только в конце XIX в. начали появляться на помпейских домах мраморные доски с именами их бывших владельцев; свидетельству этих досок можно верить, потому что в большинстве случаев они дают имя, засвидетельствованное или именной печатью владельца, найденной в доме, или какими-либо другими документальными указаниями.

Глава III

КАМПАНИЯ И ПОМПЕИ

Если читатель взглянет на карту древней Италии, то он увидит к юго-востоку от Лация узкую равнину (рис. 3), прилегающую к морю; с восточной стороны она граничит с Луканией,⁸ от которой отделена рекой Силаром. Высокие отроги Самнитских гор заслоняют ее от холодных северных ветров. В древности этот край назывался «Кампанией», т. е. «луговой» или «равнинной» страной («сампус» значит «поле», «равнина»), и получил прозвище «счастливого»: «счастливая Кампания» — «Campania felix». Когда у античных историков и географов заходит речь об этой области, то в рассказ их, обычно спокойный, врываются ноты такого восторга, что деловито-сухое повествование превращается в одушевленное славословие: они говорят, что холмы Кампании покрыты виноградом, дающим вино, прославленное во всем мире; там земля, оставленная под паром, одевается розами, пахнущими слаще, чем садовые, а маслины так щедро снабжают людей маслом, что его остается для приготовления ароматов больше, чем по другим местам для еды. Один из замечательнейших историков древности, Полибий, человек острого и трезвого ума, заговорив об этих краях, вспомнил древние легенды о том, как боги спорили между собой за отдельные области и города: «скорее всего об этих равнинах мог быть спор у богов — так они прекрасны и плодородны». Почва Кампании — вулканического происхождения — отличалась неистощимым плодородием. Ветре-

чались места, где круглый год снимали жатвы, одну за другой: ячмень сменяло просо, за ним шла репа, после нее сеяли опять ячмень или пшеницу. Лучшие итальяские вина готовились в Кампании, и к старым знаменитым сортам, прославившимся на весь мир, кампанские виноделы, прилежно следившие за требованиями и вкусами рынка, прибавляли с течением времени еще новые сорта, которые, правда, уступали Фалерну и Массику, но были, по оценке знатоков, отнюдь не плохи. Города были опоясаны огородами и садами: кампанцы исстари славились как превосходные садовники, умело ходившие за плодовыми и декоративными растениями. По всей Италии известны были их каштаны и вишни, их спаржа, дыни и особенно капуста — любимый итальянский овощ, обязательное блюдо на столе у богача и у бедняка. Разведением капусты занималось несколько кампанских городов, выведших каждый свой особый сорт. Лучшее оливковое масло шло опять-таки из Кампании. Море у ее берегов изобиловало хорошей рыбой. Прекрасный климат, теплый и мягкий, обилие солнца и здоровое дыхание моря — все это давало древним основание считать, что «не было страны прекраснее Кампании не только в Италии, но и в целом мире» (Флор).⁰

Путешественник, едущий с севера вдоль берегов Кампании, обогнув Мизенский мыс, попадает в залив, который теперь называется «Неаполитанским», а в древности именовался «Кумским» (от близлежащего города Кум) или «Кратером» за свое сходство с чашей (греческое «сrateg» значит «чаша»). Везувий делит равнину, прилегающую к заливу, на две неравные части: восточная оказывается как бы запертой между ним, между высокими, круто обрывающимися к морю горами Соррентского полуострова с юго-востока и цепью горных отрогов с севера. Сама природа указывала жителям этой равнины на море, как на самый удобный путь для общения с остальным миром. К морю приводил Сарн — единственная река этого района, которая и в наше время обильна водой, а тогда была судоходной.

В какие-то незапамятные времена поток лавы, текший от Везувия на юго-восток к морю и постепенно застывавший на своем пути, образовал метров в 500 от моря довольно высокий холм

(42,53 м в самой высокой точке). На этом холме и были когда-то основаны Помпеи.

Такой благодатный край, как Кампания, должен был, конечно, издавна привлекать людей. Древнейшее население Кампании, которое известно под именем «осков», мы знаем мало

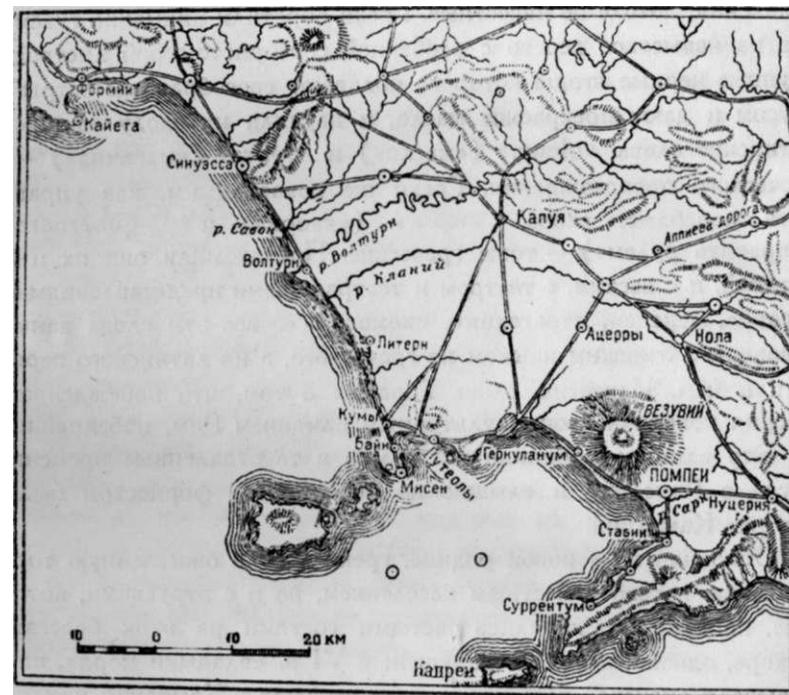

Рис. 3. Карта Кампании.

и плохо. В VIII в. до н. э. сюда заехали греческие переселенцы, гонимые неурядицами на родине, жадной наживы, безудержной любознательностью и такой же страстью к приключениям. Недалеко от нынешних Пуццол, на крутой скале, одиноко поднимающейся среди прибрежной равнины, вырос город, названный по имени далекой родины — Кумами. Поселенцы возделывали землю и занимались торговлей; для местного населения город

их стал школой, куда в науку пошли сначала ближайшие соседи, а затем и дальние: Лациум и Этрурия. О том, чему выучились в этой греческой школе италийские племена, есть много красноречивых свидетелей: прежде всего алфавит, заимствованный из Кумы, а затем ряд греческих слов, которые местному населению пришлось взять у пришельцев, чтобы обозначить ими предметы и явления, дотоле не известные. Греки обратили внимание туземцев на невысокое дерево с особенной серебристо-серой листвой, крупные черные ягоды которого обладают своеобразным острым вкусом и дают прекрасное масло, и научили их уходу за ним: латинские слова «oleum» («масло») и «oliva» («маслина») — греческого происхождения. Греки же показали им, как управлять кораблем: слова «ансога» («якорь») и «gubernage» («править рулем») — тоже греческие. Познакомили они их и с монетой, и с весами, с театром и театральными представлениями: «театр», «сцена», «трагедия», «комедия» — все эти слова заимствованы латинским языком из греческого, а из латинского перешли к нам. Известны слова Горация о том, что побежденная Греция покорила своим культурным влиянием Рим, победивший ее. Это влияние проникло в Италию в те отдаленные времена, когда о Риме еще и слышно не было, и его форпостом была как раз Кампания.

Обжившись на новой родине, греки повели оживленную торговлю не только с местным населением, но и с этрусками, которые, повидимому, являлись частыми гостями на этих берегах. Вскоре, однако, мир был нарушен: в VI в. «владыки моря», как называли этрусков того времени, выступают в Кампании уже не в роли купцов, а в качестве завоевателей: они захватывают всю равнину между Кумами и Капуей и утверждают еще в нескольких городах. Греки не сдавались; завязалась упорная борьба, и в 524 г. этруски были разбиты под Кумами, а в 474 г. потерпели у тех же берегов тяжелое поражение в морской битве. Но воюющие стороны не ожидали грозы, надвигавшейся совсем с другой стороны.

В горах, закрывающих Кампанию с северо-востока, жил ряд родственных между собой племен, объединяемых под общим-

именем «самнитов» или «сабеллов». Суровые горцы, едва тронутые культурным влиянием своих соседей, живущих на равнине, были лихими воинами и бедными людьми, которым часто не хватало пропитания на их бесплодных скалах, между тем как внизу, у подножия этих скал расстился край, дышащий изобилием. Волна за волной самниты начинают спускаться с гор, и города Кампании один за другим переходят в их руки. В 445 г. они захватили Капую, этрусские основатели которой, по словам Ливия,¹⁰ «успев от войны, приняли их в гражданство и наделили землей». Новые граждане, улучив удобный момент, перебили старых хозяев и стали полновластными господами богатого цветущего города. Семнадцать лет спустя под их напором пали Кумы, а Неаполь продолжал сохранять свою свободу только по имени. Вся Кампания стала оско-самнитской (самниты и оски между собой родственны).

Новые завоеватели были щедро одаренным, восприимчивым народом, быстро освоившимся с греческой культурой, которая прочно утвердилась в этом крае. От греков они заимствовали многое, но, как всякий сильный народ, бережно сохраняли и свое национальное достояние. Господствующим языком по всей Кампании стал оскский. Греческие надписи на монетах сменились оскскими, но изображения богов, которые на них выбивались, остались греческими. Греческой была архитектура храмов, и италийская планировка частных домов начала обогащаться греческими элементами. Молодежь увлекалась спортом на греческий манер; в кампанских городах строили палестры. Римское завоевание Кампании проложило сюда в III в. до н. э. дорогу латинскому языку и римским обычаям, но не нанесло ущерба этой богатой и своеобразной культуре: оскский язык остается по-прежнему господствующим и живет своей жизнью.*

* Еще в середине I в. до н. э. Цицерон мог противопоставлять прекрасные города Кампании бедным городкам Лация. Даже Рим, «расположенный на холмах и в оврагах, с его неказистыми улицами и узкими переулками» несравним был с Капуей, «привольно раскинувшейся по ровной местности».

За все это время мы не знаем в жизни Помпей ничего, что выделило бы их среди остальных городов: их история растворяется в общей истории Кампании. Мы не знаем времени, когда Помпей были основаны, и не можем с полной уверенностью объяснить самое имя их. Его производят от оскского слова «*rompe*», которое означает «пять и соответствует латинскому «*quinque*», означаящему тоже «пять». Как от «*quinque*» образовалось имя видного римского рода Квинтиев, так в Кампании от «*rompe*» пошло прозвище рода Помпеев (имя «Помпей», между прочим, было очень частым в тех местах). Если это объяснение верно, то Помпей первоначально могли быть поселением, принадлежавшим роду Помпеев: так, Тарквиниями¹¹ владел когда-то могущественный этрусский род Тарквиниев. Так почти повсюду в Кампании, и в Помпеях последовательно хозяйничали оски, этруски и самниты. Вот все, что известно нам о Помпеях за период времени в несколько веков. Впервые имя Помпей упоминается Ливием под 311 г. — в разгаре войны самнитов с Римом, но это голое упоминание одного имени ничего не дает. Помпей продолжают оставаться в тени и в мирную пору, и во времена войн. Мы не знаем, как вели они себя, когда Ганнибал¹² вторгся в Италию: переметнулись ли, по примеру Капуи, на его сторону, или остались верны Риму, подобно соседним городам: Нуцерии, Ноле, Ацеррам. И только Союзническая война (90—88 гг. до н. э.) вписала в жизнь города страницу, повествующую о событиях, не имевших решающего исторического значения, но благородную и героическую.

Причины Союзнической войны общеизвестны. Итальянские племена, не вынося больше того угнетенного положения, к которому привел их «союз» с Римом, поднялись против притеснителей. В 89 г., когда италики добились от Рима значительных уступок и большая часть их, получив права гражданства, уже сложила оружие, в Кампанию, упорно дравшуюся против Рима, послано было войско под начальством Суллы.¹³ Сулла разорил Стабии и осадил Помпей. Город, видно, держался крепко; правда, ни один историк не рассказывает об этой осаде, но воспоминание о ней сохранили до нашего времени городские стены

и дома Помпей: Сулла вел осаду, как обычно, с помощью разных стенобитных машин, и на довольно большом пространстве крепостной стены (между Везувиевыми и Геркуланскими воротами) видно и по сей час много выбоин и круглых дыр диаметром от 1,2 см до 1,5 см, — это раны, которые некогда нанесены были помпейским стенам каменными ядрами Суллы. Много таких ядер разного размера найдено было и в различных местах города; их подбирали, очевидно, на память, так же как в блокаду ленинградцы подбирали осколки неприятельских снарядов. Помпей, повидимому, были центром, куда из окрестных мест стекались восставшие: в целях лучшей их ориентировки в незнакомом городе красной краской выведены были на углах домов надписи на оскском языке, указывавшие направление и помогавшие защитникам находить дорогу к своим военным постам. Таких надписей сохранилось шесть. Вот перевод одной из них: «по этому обходу [очевидно, главные улицы были предусмотрительно забаррикадированы, и движение шло кругом, переулками и узкими улочками] или к месту между десятой и одиннадцатой башней, где стоит Тит Фисканий [вероятно начальник данного участка]».

Помпей стойко сопротивлялись, и Сулла, в конце концов, предпочел снять осаду. В 87 г. до н. э. он отплыл в Азию для борьбы с Митридатом¹⁴ и вернулся в Италию только спустя четыре года. Зимой 83—82 года он провел вместе со своим войском в Кампании; можно представить себе, что приходилось выносить населению от его солдат. Последнее сопротивление италиков было, таким образом, сломлено. В 80 г. Сулла отправил в Помпей в качестве колонистов некоторое число своих выслужившихся ветеранов, которым он и отдал в собственность часть земель и домов, принадлежавших до того местным жителям. Устройством всех этих дел и улаживанием споров с населением ведал родственник диктатора — Публий Сулла. Из речи, которую лет 20 спустя произнес в его защиту Цицерон (Публия обвиняли в том, что он был причастен к заговору Катилины), можно извлечь кое-какие подробности, касающиеся совместной жизни на первых порах коренного и пришлого элементов города.

Выводя колонию в Помпеи, Сулла рассчитывал не только наградить своих старых солдат и обеспечить их на чужой счет. Его ветераны должны были стать отныне крепким оплотом новой власти; вместе с ними в старый самнитский и эллинистический город входил Рим, входил со своим языком, обычаями, со всем строем и складом своей общественной и государственной жизни. Встреча отнюдь не была дружественной: сразу же начался затянувшийся на несколько лет спор относительно права голоса, а попутно и относительно места, отводимого для общественных прогулок. Последний пункт остается неясным: по всей вероятности колонисты желали использовать это место для каких-то целей, важных и близких только им; вряд ли можно предположить, чтобы та или другая сторона притязала на исключительное право прогуливаться по этому месту. Зато спор о праве голоса для нас более или менее понятен: Рим желал сделать своих людей достаточно влиятельными в управлении городом, а исконное население изо всех сил этому противилось. Мы не знаем, чем этот спор решился, но можно не сомневаться, что Рим не дал своих колонистов в обиду.

Уже в первые годы после выведения колонии во главе городского управления становятся римские выходцы — Квинтий Вальг и Марк Порций. Надо отдать справедливость колонистам, видимо стремившимся не обострять положения. Старые вояки, многое повидавшие на своем солдатском веку, быстро сообразили, сколько выгодных возможностей предлагает им новая родина и как важно для осуществления этих возможностей жить в мире с ближайшими соседями. На первых же порах стремятся они, как об этом свидетельствует хотя бы мемориальная надпись обоих упомянутых римлян, показать, что город помпейцев только выиграл, приняв в число сограждан деятельных, богатых и благожелательных людей. Вальг и Порций «на собственные деньги в благодарность за оказанную им честь построили для колонии [Помпеи, после введения сюда колонистов, получили официальное наименование «колонии»] место для зрелищ и отдали его навеки колонистам», — так гласит надпись, в двух экземплярах поставленная в амфитеатре. Надо вспомнить, каким увлека-

тельным зрелищем для италийца тех времен были гладиаторские игры, чтобы понять, как высоко должны были оценить жители Помпей постройку амфитеатра в их городе. Те же Вальг и Порций и примерно в то же самое время по распоряжению городского совета построили крытый театр. Тогда же были вымощены улицы в Помпеях. Около 70 г. отремонтировали и переделали наново старые Стабийские бани. Если, по выражению Цицерона, «благо колонистов было несовместимо со счастьем коренных жителей Помпей» и если старому населению пришлось, действительно, многим пожертвовать в пользу пришельцев, то все же мало-помалу обе враждующие стороны притерпелись одна к другой и сжились: для пришельцев новое место стало настоящей родиной, интересами которой они жили, которую стремились возвеличить и украсить.

Старые раны постепенно затягивались, забывались старые обиды и счеты. Ежедневные встречи на рынке, в термах, в заседаниях суда или совета, общие дела и веселые встречи на досуге, нередко возникавшая взаимная приязнь, дружба и брачные связи — все это постепенно и неуклонно уничтожало рознь между пришельцами и старожилами, и ко времени империи от этой розни не осталось и следа. Помпеи зажили тихой жизнью маленького провинциального города, где выборы магистратов приводили в волнение всех жителей, а драка в амфитеатре представлялась событием исторической важности.

Глава IV

ГОРОД

Общий план

Помпеи расположены на высоком холме, который в какие-то незапамятные времена образовала лава, потоком шедшая в эту сторону от Везувия и постепенно застывшая. Люди, выбравшие себе для жилья этот холм с почти отвесными сторонами, знали, что они делали. Здесь можно было чувствовать себя в безопасности и от зверя и от лихого человека. В наше время все преимущества этого холма, превращавшие его прежде, даже при отсутствии стен, в крепость, не бросаются в глаза, потому что позднейшие извержения почти сравняли с ним уровень соседней поверхности земли с северной стороны; кроме того, море значительно отошло от старого берега. Но в те отдаленные времена люди, сидевшие на этом холме, держали в своих руках и тех, кто проходил по равнине, и тех, кто плыл по морю и заезжал в устье Сарна. Холм, который поселенцы выбрали для жилья, конечно, только потому, что он обеспечивал им относительно безопасное существование, вскоре был ими высоко оценен и в другом отношении: место это было очень выгодно не только в смысле стратегическом, но и в торговом. К этому надо прибавить, что оно лежало в плодороднейшей округе: маленький городок, естественно, становился центром, где местное население про-

давало продукты своего хозяйства, приобретая взамен товары, привозимые торговцами из других городов и стран.

Мы говорили уже, что первоначальным населением всей Кампании вообще и Помпей в частности были оски. Судя по тому, что уже в VI в. город был украшен храмом греческой архитектуры, можно думать, что от основания его и до этого времени прошел срок немалый.

В жизни Помпей мы отчетливо различаем два периода, о которых рассказывает нам план города. Опытному глазу достаточно взглянуть на этот план, чтобы увидеть в нем две совсем несходные части: одну — старую со всеми признаками произвольной застройки, другую — новую с правильными улицами и кварталами, разбитыми по определенному плану.

Старая часть, т. е. как раз первоначальное поселение осков, занимала наиболее выгодный в смысле безопасности юго-западный угол холма (нынешние VII и VIII районы). Улицы здесь извилистые и кривые; кварталы представляют набор самых причудливых геометрических фигур. Строились, видимо, так, как кому было удобно, повинувшись собственной прихоти или уступая требованиям грунта. Можно проследить первоначальные границы этого старого города: они шли по переулку Лупанара (к северу от Треугольного форума), западному отрезку улицы Августалов, и по переулку Надсмотрщиков. Пространство это, площадью около 10 га, разделено было на четыре части двумя пересекающимися в центре улицами: улица с запада на восток шла в направлении нынешней Морской улицы и западной части улицы Изобилия, улица с севера на юг — в направлении Форумской улицы Школьной. укреплением, но никаких следов его пока не найдено.

В начале V в. город расширился до своих нынешних пределов. По своему плану новая часть резко отличается от старой: перед нами прямые улицы и правильные прямоугольные кварталы. Главные улицы старого города протянулись дальше на север; продолжая Форумскую улицу, пошла улица Меркурия, которая в течение какого-то периода была главной осью города его «поворотной линией» — «cardo» как называли римляне глав-

ную улицу, шедшую с севера на юг. Улица Меркурия заканчивалась у ворот в городской стене. Скоро, однако, эти ворота вовсе уничтожили, так как к ним из города вел очень крутой спуск; ворота устроили в другом месте и провели в ложбине Стабиеву улицу, которая северным концом подходила к Везувиевым воротам, а южным — к Стабиевым. Улица, шедшая с запада на восток, пошла значительно дальше (это — улица Изобилия); параллельно ей вытянулась прямая, как стрела, Ноланская улица. Город теперь занимал внушительную площадь почти в 65 га, значительно превосходя по размерам средние итальянские города [Геркуланум 10,5 га, Суррент 24,3 га; римские колонии, основанные позднее, — Флоренция 18,6 га, Лукка 21,8 га, Аоста 40,5 га, Турин 10,9 га.

Помпеи почти равнялись Остии во времена Суллы (70,8 га) и уступали только таким городам, как Капуя (178 га) и Неаполь (101 га)].

Почему город так разросся и так изменился по своему плану? Кто был виновником этих перемен?

Мы не располагаем еще материалом, который позволил бы ответить на этот вопрос с полной уверенностью. В последнее время высказаны были три гипотезы: одни ученые считают, что город постарались усилить и увеличить греки, потому что он явился для них прекрасным опорным пунктом в борьбе с этрусками; другие думают, что это сделали как раз этруски, стремившиеся создать из Помпей промежуточную станцию для своих торговых сношений с южной Италией и военный форт для отпора грекам; третьи полагают, что город значительно расширился, когда в нем пожелали основаться спустившиеся со своих гор самниты-завоеватели.

Есть одно обстоятельство, которое сразу же позволяет сбросить греков со счета, — это план Помпей, в котором неизменно (и в старом и в новом городе) имеются две пересекающиеся в центре главные оси, ориентированные по четырем странам света. Такое расположение прекрасно известно по разбивке римских военных лагерей, и оно может считаться типично

италийским.* Греки так своих городов не планировали. Древний Неаполь, например, насколько можно представить себе по остаткам, открытым под современным городом, имел три главные улицы, шедшие параллельно морскому берегу. Геркуланум считался основанным неаполитанцами; план этого города действительно напоминает Неаполь: одна главная широкая улица, параллельно которой идут второстепенные, более узкие; их пересекают под прямым углом улицы, к ним перпендикулярные и еще более узкие; главной улицы, которая выделялась бы своей шириной, среди них нет. Если бы греки планировали в Помпеях «новый город», то не было бы ни *cardo* (улица, идущая с севера на юг), ни *decumanus* (улица, идущая с запада на восток), да и новые кварталы отличались бы еще большей, строгой правильностью.

Такое место, как Помпеи, обладало, конечно, само по себе большой притягательной силой. Землевладелец находил здесь сбыт для продуктов со своего участка, ремесленник — покупателей, не дававших залеживаться его товару, купец — широкий рынок для продажи и покупки. Местоположением была гарантирована известная безопасность. Люди сами тянулись на этот лавовый холм, господствовавший над морем и окрестными долинами. И разрастание города было, конечно, в интересах того народа, который стремился использовать его выгодное положение для своих военных и торговых целей. Таким народом были этруски: это они, говоря языком римских землемеров, «лимитировали» Помпеи, т. е. тщательно вымерили пространство нового города, определили линии и направление улиц, назначили места для храмов и разбили кварталы. Они свято сохранили две главные оси города — *cardo* и *decumanus* — и провели другие, параллельные им улицы. Почему, однако, считать в данном случае градостроителями именно этрусков, а не самнитов?

Те, кто устраивал расширившийся город, естественно дол-

* Возможно, что оно идет от этрусков, но возможно, что этруски нашли уже этот принцип планировки у племен италийских.

жны были позаботиться и об его укреплении — о возведении первых стен вокруг разросшегося города. Строителями же этих стен, как мы сейчас увидим, были именно этруски.

Стены

Поселенцы, устроившиеся на холме из отвердевшей лавы, выбрали его для жилья потому, что искали, прежде всего, безопасности. Холм этот сам по себе обещал надежную защиту людям, которые ему доверялись. Им хотелось, однако, сделать свое поселение еще надежнее, и они, вероятно, по обычаям тех отдаленных времен, выстроили кремль, куда с наступлением опасности всем можно было собираться. Он находился на том месте, которое теперь называется «Треугольным форумом». Подобно афинскому Акрополю, и этот кремль стал не только укрепленным, но и самым священным местом города, которое находилось под непосредственным покровительством божества, обитавшего здесь в построенном для него храме. По своему архитектурному типу этот храм строгого дорического стиля, очень напоминающий знаменитый храм соседней Посидонии (Пестум), принадлежит VI в. до н. э. Был ли в дальнейшем обведен весь старый город (нынешние VII и VIII районы) стеной, мы не знаем, хотя и можем предполагать, что так и было. Для полной уверенности в этом требуются еще раскопки в слоях, значительно более глубоких. Что же касается стен, которые и поныне частично окружают Помпеи, то они возведены гораздо позже и охватывают город, уже разросшийся: при всех своих перекладках и починках они неизменно проходили по одному и тому же месту — там, где мы видим их в настоящее время. Кто же и когда возвел эти стены?

Об этом надо спрашивать у них же, но язык камня не всегда внятен для человеческого уха, и в повести, рассказываемой стенами, есть места, которые ученые археологи толкуют по-разному. Одни считают первоначальными строителями стены осков, другие этрусков, третьи самнитов, а время возведения стен относят то к VI, то к V в. до н. э. Трудность решения вопроса усугуб-

ляется тем, что античных раскопанных стен, относящихся к глубокой древности, крайне мало, и мы, таким образом, не располагаем достаточным количеством аналогий. Постараемся же разобраться в доступных нашему наблюдению фактах и в различных гипотезах, избрав в качестве исходной точки рассуждения то, что представляется бесспорным.

Таких бесспорных фактов имеется два: сами стены и пространство, ими охваченное. Последнее слишком велико для первоначального осковского городка. Такую площадь Помпеи могли занять только тогда, когда население их уже значительно увеличилось и когда появились новые, хотя бы и не целиком застроенные, правильные кварталы северной части города. Определить это время нам помогает древнейшая стена, остатки которой были найдены при раскопках 1926—1927 гг. Она состоит собственно, из двух стен — наружной и внутренней, промежуток между которыми засыпан землей. Толщина обеих стен вместе с засыпкой равна приблизительно 4 м, и, судя по остаткам лестницы, ведущей наверх, она была не выше 3,75 м. Сложена она из прямоугольных глыб разной величины, вытесанных из местного известняка (рис. 4).

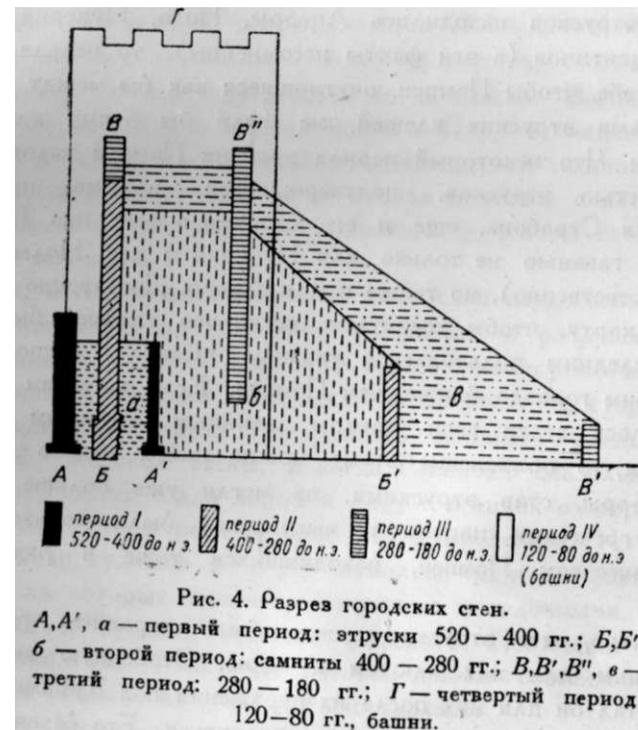
Люди, выстроившие такую стену, учились фортификации явно у греков. Именно в греческой школе усвоили они систему крепостных сооружений, которые состояли из двух стен и промежутка с засыпкой между ними. Повинуясь ее урокам, отказались они от вала, этого обязательного элемента всякой чисто италийской крепости. Ученики, однако, не сумели или не смогли в точности следовать наставлениям своих учителей: стена вышла у них слишком приземистой, словно она расплзлась в обе стороны; греки сделали бы ее вдвое выше. Для засыпки строители употребляли, в отличие от греков, не щебень, а землю; практиковавшаяся же ими кладка из разнокалиберных глыб, то массивных, крупных, то сравнительно небольших и плоских, вызвала бы, конечно, резкое неодобрение греческих инженеров, строивших свои крепости из правильных квадр. Строители этой стены ставили, видимо, прочность выше

красоты, используя собственные возможности и средства, по видимому более скудные, чем у греков. Кто же они были? — укрепления и элементы

Мы слышали три разных ответа на этот вопрос и уже отказались признать осков строителями этой первой стены. Большинство ученых приписывает ее возведение самнитам. Послушаем рассказ самой стены о ее дальнейшей судьбе: это будет вторая глава из ее биографии.

Строителей старой стены сменили люди, которые отнеслись к ней с презрением и недоверием; на эту низкую неуклюжую ограду, по их мнению, нельзя было положиться, трудно было рассчитывать, что она сдержит вражеский натиск. Решено было ее перестроить. Наружную стену разобрали и переложили заново, подняв ее почти вдвое (на высоту от 8 до 10 м), а чтобы она была прочнее, в нее вделали с внутренней стороны высокие крепкие контрафорсы. Внутреннюю стену оставили на месте, но засыпали ее, сделав почти вровень с наружной новой прочный вал, верхушка которого, плотно утрамбованная, образовала довольно широкую (метров в 5) площадку, где могли стоять и свободно передвигаться воины, защищавшие город. Площадка эта у края обрывалась под тупым углом к земляному откосу, ведущему на нее. У его подножия, чтобы не позволить земле сползать, была выведена невысокая каменная стена. Наличие вала определенно говорит о том, что перед нами укрепление чисто италийского типа; можно не сомневаться, что его строили италийцы, в данном случае самниты. В основном — это те же конструкции, какие мы встречаем в Риме в так называемой «Сервиевой стене».¹⁵ Возможно ли предполагать, что эти же самниты двумя или тремя поколениями раньше, завладев Помпеями, решили сразу же принять систему фортификации, совершенно для них чуждую, и обвести город стеной невиданного ими типа? И почему же, спрашивается тогда, они ее через некоторый промежуток времени опять переделали по своему? Мы увидим в дальнейшем, что, войдя в близкие сношения с греками и уже многое от них усвоив, они тем не менее остаются верны своей исконной системе укреплений; понадобился длительный опыт, чтобы они согласились внести в свои

греческого крепостного строительства. Естественнее думать, что строителями первой стены были не самниты, а этруски. Правда, этруское владычество в Помпеях, засвидетельствованное одним только Страбоном, некоторыми учеными резко оспаривается. Большой поддержкой для них служит отсутствие чисто этруских находок в нижних слоях

почвы. И все-таки отрицать пребывание этрусков в Помпеях трудно. Что они были в Кампании — это несомненно: путь их в этом крае отмечен городами, либо ими основанными, либо ими захваченными (Капуя, Ацерры, Нола, Нуцерия). Взглянув на карту, мы увидим, что в руках этрусков оказалась равнина в глубине страны: к морскому берегу их не пускали греческие колонии, прочно утвердившиеся на побережье. Между тем, выход к морю для этрусков суще-

ственно необходим, так как они, будучи заинтересованы в торговле с Сибарисом,¹⁰ стремились установить с ним непосредственные сношения. Помпеи, отгороженные Везувием от остальной Кампании и расположенные вдали от греческих колоний, были именно тем местом, которое могло стать для них опорным пунктом при поездках в южную Италию. Если в руках этрусков находились Ацерры, Нола, Нуцерия и область пицентинцев (а эти факты несомненны), то нельзя представить себе, чтобы Помпеи, очутившиеся как бы между двумя половинками этруских клещей, не были бы этими клещами захвачены. Что некоторый период времени Помпеи находились под властью этрусков, подтверждается, помимо прямого сообщения Страбона, еще и его словами о том, что Помпеи служили гаванью не только для Нуцерии и для Нолы (что вполне естественно), но также и для Ацерр. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, насколько удобнее было бы этим последним пользоваться гаванью Неаполя, расположенного к ним гораздо ближе, чем Помпеи. Если жителям Ацерр приходилось везти свои товары длинным круглым путем в Помпеи, то объяснение этому можно найти только в том, что Ацерры, став этрускими, не могли уже больше иметь дела с греческим портом и вынуждены были пользоваться посредничеством Помпей, находившихся тоже в руках этрусков.

Понятно, что этруски должны были дорожить городом, служившим для них ключом к морю. Особенную важность приобретал он для них после их поражения под Кумами, когда стало ясно, что с греками им¹ не справиться. Его безопасность и его усиление становились для них предметом живой заботы. В одном из наших источников сохранилось смутное воспоминание о том, как этруски собирали в Помпеи «умбров,¹⁷ давнов¹⁸ и всех прочих варваров» в целях борьбы против Кум. Если скептически настроенные историки и подвергают это свидетельство сомнению, то позволительно все же думать, что город, ставший важным торговым пунктом, должен был привлекать новых и новых поселенцев. Город расширялся. Именно

при этруских достиг он тех размеров, которые и определили возведение стены на обнаруженном раскопками месте. Иначе говоря, мы вправе предполагать, что стена эта была возведена во времена греко-этрuscoй борьбы, вероятно в первые десятилетия V в. до н. э.

Итак, древнейшие стены вокруг Помпей были выстроены этрусками. Самнитам, новым хозяевам Помпей, эти необычного вида стены без привычного вала, разумеется, показались ненадежными, и они переделали их по-своему. Вероятно, в те годы, когда грозила Италии война с Пирром, надвигавшимся на нее во всеоружии военной эллинистической техники, в историю стены и была вписана та вторая ее глава, с которой мы уже знакомы. Биография ее, однако, еще далеко не была тем самым закончена.

Вал, насыпанный самнитами, имел свои неудобства: во-первых, нижняя стена постоянно трескалась и разрушалась, не выдерживая давления земляного откоса; во-вторых, все время обваливалась верхняя площадка, не имевшая со стороны города никакого упора. Приходилось признать преимущество двойной греческой стены, и когда Ганнибал оказался в Кампании и Помпеи стали лицом к лицу с военной опасностью, то крепостные стены решено было опять переделать. Их немного приподняли, уложив по верху несколько рядов туфовых плит, многие из которых помечены какими-то загадочными для нас значками и буквами оскского алфавита. Поставили вторую, внутреннюю стену, наличие которой давало возможность значительно поднять вал, что и было сделано.

После окончания ганнибаловой войны для Италии начался длительный период покоя. Ни один враг не вступал больше на ее землю: войны шли за морем. История помпейских стен, казалось, была закончена; в них не было больше нужды, и для них наступила пора медленного умирания. Они постепенно обривались от старости, а кое-где их просто разбирали на постройки. Им не суждено было, однако, погибнуть так незаметно и бесславно; еще раз послужили они крепким оплотом Родному городу и историю свою закончили с честью.

Когда на Италию налегли тени надвигавшейся Союзнической войны, жители Помпей кинулись чинить свои стены. Раскопками к востоку от Везувиевых ворот удалось установить часть этих поправок; позднейшие дома, взбиравшиеся на самый вал, были сломаны, и разный, на скорую руку нахватанный материал

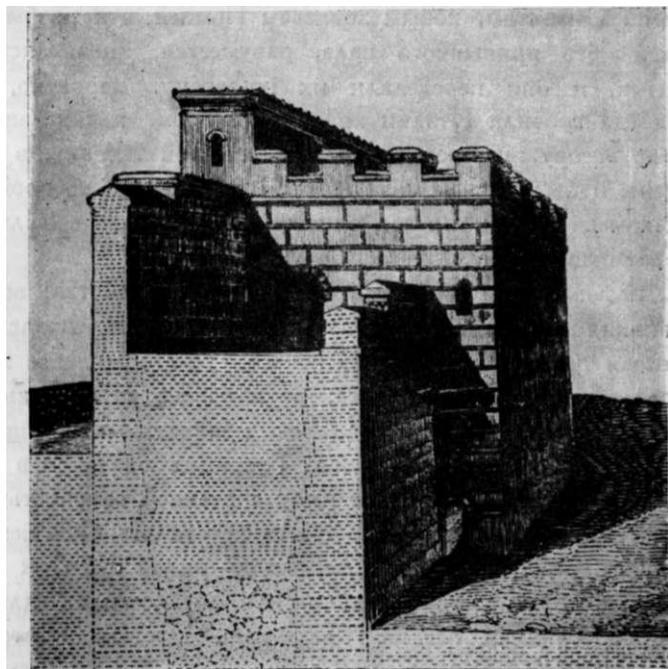
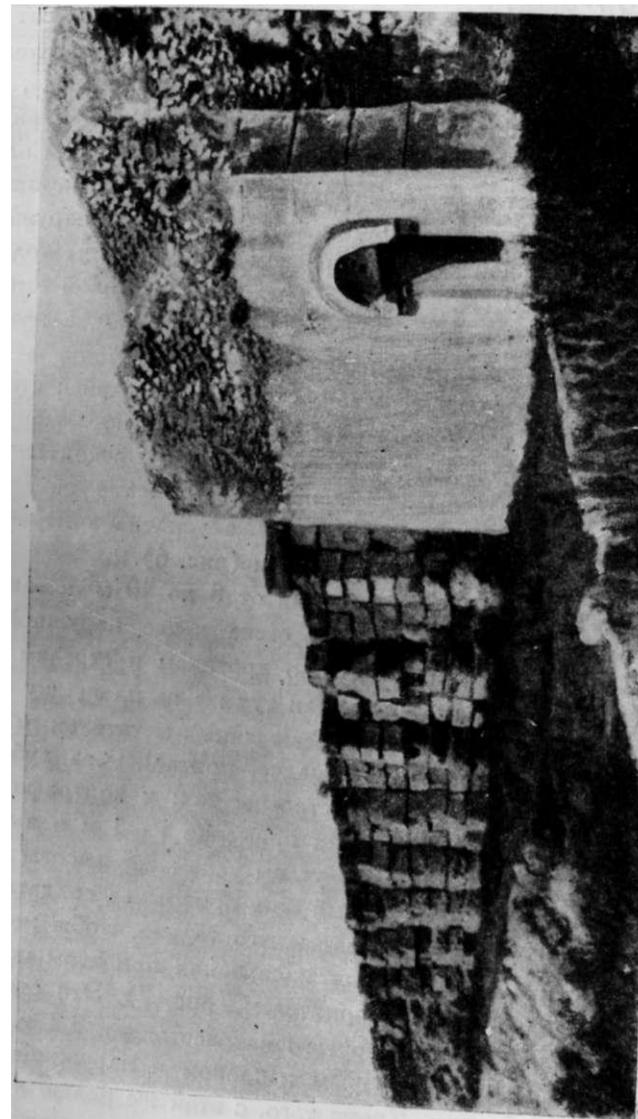

Рис. 5. Разрез стены и башня.

и обломки этих домов пошли на спешную починку стены. На западной стороне города стену к этому времени успели уже вовсе снести, строить ее сейчас наново не было, видимо, ни времени, ни средств; решили положиться на природную крутизну холма. Тем больше внимания уделено было остальным ее сторонам, особенно северной, наиболее уязвимой, потому что здесь стены шли не по окраине холма, а по его пересечению. Обвалившиеся места наскоро заделали (новая кладка из маленьких

лавовых кирпичей резко отличается от старой с ее крупными глыбами из туфа или известняка) и боевую мощь стен усилили, введя в систему их укрепления новый греческий элемент — башни. Помпейские стены приняли лишь тогда тот окончательный вид, какой раскопки и обнаружили в первую очередь, — мощное сооружение, состоящее из двух стен, наружной и внутренней, идущих параллельно друг другу на расстоянии 6 м одна от другой. Пространство между ними заполнено внизу камнями, на которые насыпана земля вплоть до самого верха наружной стены. Толщина каждой стены в среднем (внизу стены толще, чем вверху) равна 70 см; вместе с земляной засыпкой стены образуют твердую толщину внизу от 6,5 до 6,6 м, а вверху в 6,07 м (рис. 5). Для укрепления наружной стены в нее вделаны контрафорсы, обращенные в сторону внутренней стены. Из последней навстречу контрафорсам выступают мощные каменные быки шириной 1 м и длиной 2 м; вместе с контрафорсами наружной стены быки засыпки на стены. Внутренняя стена тоже усилена контрафорсами с стороны города и об-

Высота наружной стены колеблется от 8 до 10 м в зависимости от уровня почвы. Внутренняя стена выше наружной на 2,6 м: такое устройство не позволяло дротикам и стрелам противника залетать в город; они падали тут же на площадку стен. Таким образом, сам враг снабжал осажденных метательным оружием. Солдаты, стоявшие на площадке, прятались за зубцами наружной стены, которые были устроены так: к контрафорсам, выступавшим из земляной засыпки примерно на 1 м в высоту, были присоединены под прямым углом такой же высоты столбики. Этот своеобразный каменный щит прикрывал солдата спереди и сбоку; он высовывался из-за него только, чтобы метнуть копье, и сейчас же прятался опять, сохраняя при этом полную возможность наблюдать за неприятелем (рис. 7). Эти стрелковые посты отстояли один от другого на расстоянии 3,2 м. Площадка сделана была с некоторым наклоном к наружной стене для стока дождевой воды. Кроме того, с этой же целью в стену были вделаны через каждые 2,7 м каменные сточные трубы. На

вал поднимались по наружным лестницам и через башни. Последние были сложены из мелких туфовых или лавовых кирпичей на цементном растворе и оштукатурены. Высота каждой примерно 14 м, а ее площадь равна 9,5 X 7,6 м.

В каждой башне по три этажа; в нижнем имеется потайной ход для вылазок на тот случай, если враг подведет совсем близко стенобитные машины. Во втором и в третьем этажах проделаны бойницы, и отдельные этажи связаны между собой

Рис. 7. Зубцы на стенах.

внутренней лестницей. Во втором этаже, пол которого приходился как раз на уровне стеной площадки, устроен был в каждой башне сквозной ход, чтобы можно было, проходя через башни, обойти всю стену. Башни значительно выступали вперед за линию наружной стены; это давало возможность обстреливать неприятеля и в лоб, и с флангов. Расположены башни по стене без всякой заботы о симметрии; строители были озабочены главным образом безопасностью города и способами его наилучшей защиты. Поэтому на небольшом, но особо опасном пространстве между Геркуланскими и Везувиевыми воротами (метров 300) они поставили три башни, а между Везувиевыми воротами и Капуанскими их не было ни одной, потому что сами эти ворота играли роль укрепленных пунктов. Всего башен, судя по оскским надписям эпохи Союзнической войны, о которых речь шла выше, было двенадцать.

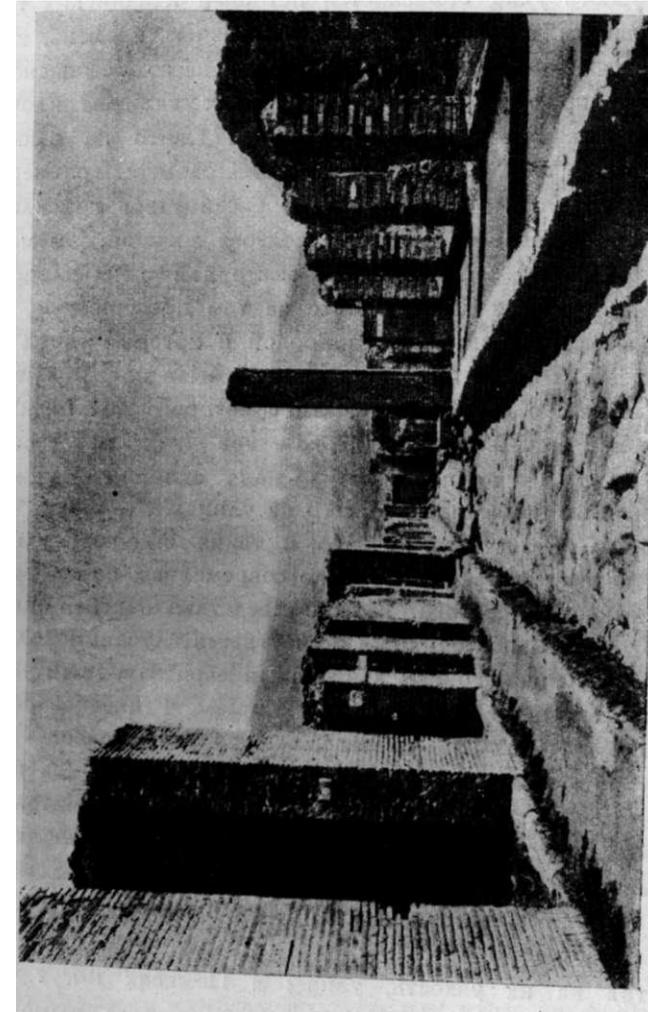
После Союзнической войны, вместе с вводом в Помпеи римской колонии заканчивается и история помпейских стен — город в них больше не нуждается. Для Помпей наступил период длительного мира: разраставшееся население спокойно устраивалось теперь в новых пригородах за чертой стен. Стены перестают быть военным оплотом города, его надеждой и стражем его свободы. Они оставались стоять только как граница городской территории, служа лишь таможенным и фискальным целям, ветшая и все больше и больше обваливаясь. И не дожили они до того времени, когда от них осталось бы всего несколько камней только потому, что Везувий успел их прикрыть своим хранительным пеплом.

Улицы

Самая широкая аристократическая улица в Помпеях, так называемая «улица Меркурия», не достигает 10 м ширины. Ширина Стабиевой улицы колеблется между 8,46 и 6,83 м, Ноланской — между 8,66 и 6,3 м, улицы Изобилия — между 8,25 (у базилики) и 7,09 м (восточный конец).* Тротуар на Большом проспекте Петроградской стороны в Ленинграде в некоторых местах чуть уже этих улиц, а они были самыми оживленными и торговыми. Ширина остальных улиц колеблется между 6 и 3 м (рис. 8).

Узкие улицы в древней Италии отнюдь не составляют особенности одних Помпей. Главная улица такого торгового и многолюдного города, как Остия, была шириной 7 м, а вместе с тротуарами — 9 м; в «золотом Риме», в мировой столице, улицы не превышали в среднем 4,5—5 м ширины. Священная дорога,

* Из приведенных цифр ясно, что ширина одной и той же улицы не всюду одинакова. Объясняется это несколькими причинами. В древнейшую пору улицы представляли собой только проход между домами, и никто не помышлял о том, чтобы вытянуть этот проход по безукоризненно прямой линии: одни здания выдавались вперед, другие отступали назад. Домовладельцы часто норовили захватить под постройку полосу городской земли; городские власти вмешивались только в крайних случаях. К этому надо прибавить и особенности грунта в Помпеях: люди нередко считали, что им выгоднее отойти в сторону и уступить каменному пласту.

шедшая мимо форума, одна из оживленнейших улиц города, имела в ширину 6,5 м.

Такая узость улиц объясняется историей италийских городов, строившихся в те отдаленные и грозные времена, когда люди для своего жилья искали прежде всего безопасности. Города — это крепости, в которых дорожат каждым клочком земли. Италийский город, выстроившийся где-то на высокой скале, на долгие века предопределил свои размеры размерами этой скалы: спуститься вниз и вольно раскинуться по склонам и в долине он не посмеет в течение долгого времени. Он может строиться, разрастаться, выкраивать место для своих площадей и храмов, для улиц и домов только на том пространстве, границы которого обведены самой природой и которые город еще укрепил, возведя стены. Площадь Помпей была предопределена величиной занятого ими плато, сойти с которого они рискнули только в конце республики, несколько веков спустя после своего основания. Тут не до проспектов — надо экономить каждую пядь земли, и экономят прежде всего на улицах.

Древние не нуждались, конечно, в таких широких улицах, как у нас, потому что у них не было современных видов транспорта, требующих простора. Можно представить себе, однако, в какой водоворот с постоянными несчастными случаями должны были при оживленном конном движении превратиться эти узенькие улочки. Поэтому всякая езда по улицам в дневное время была запрещена — ездить разрешалось только ночью. Таким образом, улицы оказывались днем в распоряжении одних пешеходов, и это сразу же делало их безопасными и в значительной степени уменьшало уличную давку. А так как в обычаях тех времен было или ходить пешком, или передвигаться на носилках, то такое запрещение никого не обижало и не несло с собой никаких неудобств.

Несмотря на их узкость, улицы в Помпеях могут быть названы вполне благоустроенными: они почти все вымощены и снабжены тротуарами. Это — старая традиция городской жизни Италии. Раскопки показали, что уже в VI в. до н. э. в городах имелись мостовые с тротуарами и что мостовую

определенных местах пересекали ряды высоких камней для перехода с одной стороны улицы на другую. В Риме начали мостить улицы с начала II в. до н. э. (в 174 г. вымостили Капитолийский склон), и такой крохотный городок, как Алетрий, получил мостовые около 120 г. до н. э. В Поццуолах найдены остатки мостовой, сделанной во времена Суллы. По закону Цезаря, регламентировавшему вопросы городского благоустройства, улицы вообще полагалось мостить. Помпеи были замощены уже после Суллы, но когда — в точности не известно. В двух местах на плитах из туфа, уложенных по краю тротуара, видимо при ремонте, выбита пометка, которая в переводе гласит: «с 1-го Квинтилия». Квинтилий (пятый месяц римского года, который в древности начинался с 1 марта) с 44 г. до н. э. был переименован в «июль» в честь Юлия (Iulius) Цезаря; следовательно, улицы в Помпеях были вымощены еще до Цезаря.

Материалом для мостовой в Помпеях служили многоугольные плитки, высекавшиеся из лавы; их тщательно пригоняли одну к другой, и, если между ними оказывалось хоть маленькое отверстие, то его засыпали мелким щебнем или вгоняли туда железный костыль.

По обеим сторонам мостовой шли тротуары, ширина которых варьирует обычно приблизительно от 1 до 2 м. Тротуары приподняты над мостовой иногда очень значительно (до 1 м). Сделано это для того, чтобы дождевые потоки, заливающие улицы осенью и зимой, не могли добраться до тротуаров, а чтобы пешеходу не приходилось переправляться вброд через затопленную мостовую, через нее перекинуты своеобразные мостки: положено несколько больших плоских камней (иногда три, иногда пять, в очень узких улочках — по одному) одинаковой высоты с тротуарами. Находятся они один от другого на таком расстоянии, чтобы колеса повозок могли свободно пройти между ними. Тротуары окаймлены по краю широкими (0,3—0,4 м), отвесно поставленными глыбами из туфа или известняка; за ними идет плотно убитая земля, иногда присыпанная просто песком, а иногда вымощенная кирпичом или каменными плитками. Некоторые тротуары сделаны

с толченым кирпичом, и в этой массе камешками или разноцветными кусочками битого мрамора выложены различные узоры.

Такое разнообразие объясняется тем, что починка и забота о хорошем состоянии мостовой и тротуаров лежали на обязанности горожан: каждый домовладелец должен был смотреть за участком, прилегающим к его дому. Повинность эта была не из легких, и помпейские граждане справлялись с ней в меру своих сил, кто как мог и успевал; случалось поэтому, что на одной и той же улице в одном месте мостовая находится в безукоризненном состоянии, а тут же рядом в отвратительном. Городские власти имели право производить ремонт, сдавая его с подряда и заставляя нерадивого гражданина уплачивать требуемую сумму. Впрочем, судя по состоянию мостовой, они в Помпеях далеко не во всех случаях пользовались этим своим правом.

Водоснабжение

На холме из окаменевшей лавы, на котором стояли Помпеи, не журчало веселых ручьев. С водой здесь было плохо: люди должны были рыть колодцы и собирать дождевую воду, для чего почти в каждом доме имелась цистерна. Что значило в Помпеях вырыть колодезь, об этом красноречиво рассказала следующая счастливая находка.

В один из апрельских дней 1928 г. несколько рабочих были заняты около Везувиевых ворот обычным для Помпей весенним делом — выпалыванием травы, упорно пробивающейся между плит всюду, куда доходит солнечный свет. Вдруг они почувствовали, что почва под ними куда-то едет. Они сняли плиты, лежавшие на полустгнившем деревянном перекрытии и обнаружили глубокий, не засыпанный землею колодезь.* Глубина его

* Находка этого колодца оказалась сущим благодеянием для работников раскопок, так как ею разрешался вопрос о поливке цветов и растений, которые на «Новых раскопках» неизменно сажают во внутренних дворах, стремясь воссоздать античный облик последних. Электрический двигатель для накачивания воды спрятали в заднюю кладовушку ближней лавки, чтобы он не портил своим современным видом стилия античных улиц, и провели воду к «Новым раскопкам».

вместе с водой, которой всего 3,5 м, равняется 38,25 м. Если бы этот колодезь вынуть из земли и поставить на ее поверхности, то он подошел бы под крышу современного шестиэтажного дома (рис. 9).

Выражение «рыть колодезь» для Помпей не подходит. В этом каменистом грунте колодцы не рыли, а прорубали. Прорубить напластования различных каменных пород «а глубину почти 40 м требовало и громадных усилий и высокого технического мастерства. Обнаруженный в 1928 г. колодезь проходит, между прочим, через два слоя лавы, выброшенных Везувием еще во времена доисторические: один толщиной 10,7 м, другой — 5,1 м. Оба они состоят из крупных кристаллов такой крепости, что вырубить в них стенки колодца прямо по отвесу оказалось совершенно невозможным. За последним слоем лавы лежит слой пепла и мелких камешков (тоже следы доисторической деятельности вулкана), а за ними идет пласт желтого и пласт серого туфа. Во всех породах, исключая лаву, стенки колодца проведены совершенно прямо, а в слоях туфа они отделаны и выгла-

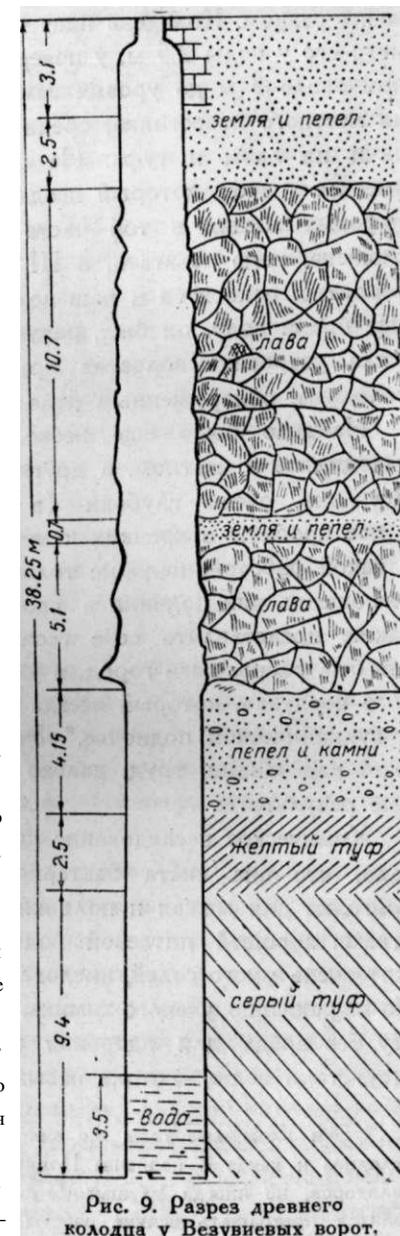

Рис. 9. Разрез древнего колодца у Везувиевых ворот.

жены резцом. Колодезь Идет несколько расширяясь книзу: диаметр его у воды 2,5 м, у поверхности земли 2,07 м. На расстоянии около 3 м до уровня земли стены его обложены брусками из местного известняка, среди которых иногда попадаются кирпичи из лавы и туфа. На одном из таких туфовых камней имеется значок, который неоднократно встречается на таких же туфовых камнях в той части городской стены, которая была сложена, надо полагать, в III в. до н. э. К этому же времени, вероятно, относится и наш колодезь. В то время, когда из нег еще брали воду, он был, разумеется, обведен стеной и над ним была устроена сводчатая крыша, как над другим таким же колодезем, обнаруженным недалеко от Геркуланских ворот.

Найдено было еще несколько колодезев, из которых одни находились в частном, а другие в общественном пользовании. Все они очень глубоки (в самом мелком до воды 21,75 м) и все пробиты в крепких каменных породах. Чтобы справиться с такой работой, надо не только быть умелыми каменотесами, знающими, как подчинить своей воле любой камень, но надо также представлять себе геологическое строение того участка, где был расположен город, и уметь бороться с опасностью «дурного воздуха», который всегда подстерегает людей, работающих в вулканической подпочве.* Этот тяжелый, соединенный с риском для жизни, труд, далеко не всегда, однако, давал желанные результаты.

Химическое исследование колодезной воды в Помпеях показало, что она чиста бактериологически и химически, вполне пригодна для мытья и поливки, но отнюдь не отличается свойствами хорошей питьевой воды: она слишком жестка, содержит очень много солей, кисловата на вкус и неприятна на запах. По выражению ученого-химика, производившего ее анализ, «воду эту без вреда для здоровья можно пить только иногда, при отсутствии воды, не столь насыщенной солями». Неплохой питье-

* Эти зловонные газы до сих пор мешают полному обследованию колодезев и канав в подпочве Помпей. Борются с ними при помощи вентиляторов, но иногда удушающее зловоние бывает так велико, что приходится прекращать всякие работы.

вой водой являлась для Помпей дождевая. Но часто ли идут в Помпеях летом дожди?

Иными словами, чтобы обеспечить себя действительно хорошей питьевой водой, помпейцам надо было откуда-то провести ее, нужен был водопровод. Итальянцы были знатоками водопроводного дела и большими мастерами в этой области. В Риме первый водопровод был проведен в 313 г. до н. э.; в городе и доныне действует несколько водопроводов, «сработанных еще рабами Рима». Жители Пуццол и сейчас еще пользуются водопроводом, линия которого в некоторых частях проложена еще во времена республики. Уже во II в. до н. э. водопровод имелся в таких маленьких городках, как Анций и Алетрий. Помпеи сильно задержались с проведением водопровода: это было осуществлено только в I в. до н. э., может быть уже во времена Августа. Воду надо было вести издалека, из города, по видимому, не хватало средств, чтобы стоять. Когда стали строить большой акведук, начало которого приходится километрах в 20 восточнее Нолы (около современного городка Авеллино) и который должен был, обойдя Везувий с севера, пройти к Неаполю, Путеолам и дальше на запад, помпейцы воспользовались случаем и в каком-то месте отвели от него водопроводную линию к себе в город. Она входила в город около Везувиевых ворот; место ее вхождения, равно как и главные артерии помпейского водопровода, до сих пор еще раскопками не установлены.

В нашем распоряжении имеются только отдельные детали, фрагменты водопроводной системы города, которые, однако, позволяют довольно точно представить ее и в целом виде.

Требовалось, чтобы вода, вступавшая в город после длительного пути по водопроводным каналам и трубам, предварительно, до своего употребления, несколько отстаивалась и очищалась. Для этого в городе устраивали водораспределительные башни, служившие одновременно и распределительными узлами, откуда вода расходилась в разные стороны, и фильтровальными станциями. Римляне называли эти башни «castella», т. е. «крепостцами», вероятно, потому, что эти уединенно поставленные, закрытые.

со всех сторон здания несколько напоминают маленькие укрепления.

Остатки таких башен сохранились в ряде городов, между прочим и в Риме, где они были роскошно отделаны, и в Пуццолах, и в Ниме (Франция). В 1902 г. около Везуевых ворот в Помпеях найдена была такая же «крепостца» (рис. 10). Мостовая перед ней была совершенно разрыта, а в самой башне не оказа-

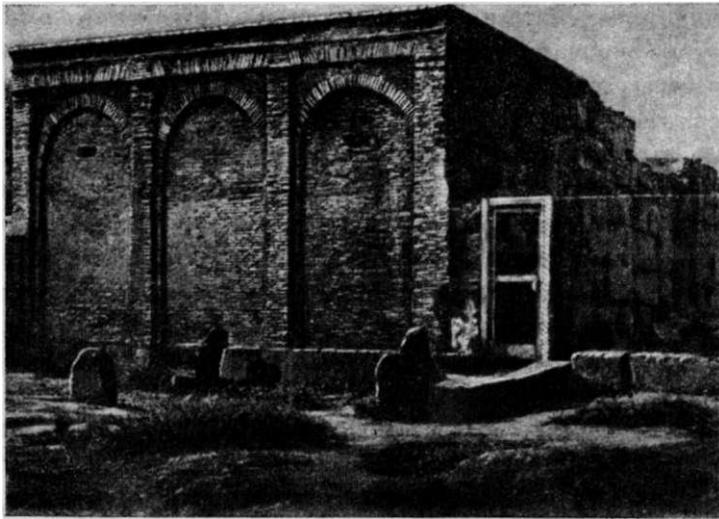

Рис. 10. Водораспределительная башня.

лось ни одной металлической части, до труб включительно. Решили, что башня была когда-то ограблена, но последние раскопки заставляют думать иначе: по всей видимости, перед самой гибелью города в этой части водопровода производился крупный ремонт. Башня находится в таком состоянии, что мы прекрасно можем представить себе всю ее былую работу.

Башня эта представляет собой небольшое прямоугольное здание, постройка которого относится к эпохе Августа. Внутри в полу как бы вписан круг, над которым поднимается потолок, сделанный в виде купола (самая верхняя точка в куполе отстоит

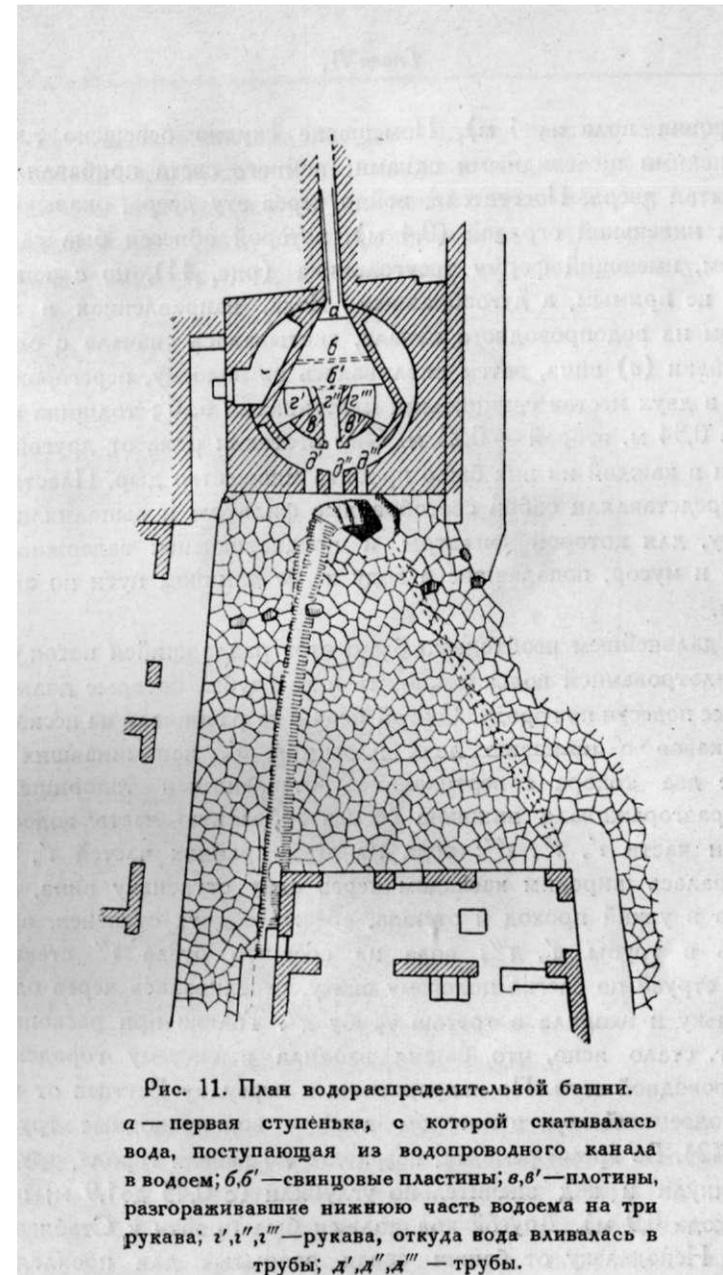

Рис. 11. План водораспределительной башни.

a — первая ступенька, с которой скатывалась вода, поступающая из водопроводного канала в водосем; *b, b'* — свинцовые пластины; *b, b'* — плотины, разгораживавшие нижнюю часть водосема на три рукава; *г', г'', г'''* — рукава, откуда вода вливалась в трубы; *д', д'', д'''* — трубы.

от уровня пола на 4 м). Помещение скудно освещено двумя маленькими шелевидными окнами; немного света прибавляла и открытая дверь. Посетитель, войдя через эту дверь, оказывался перед низенькой оградой (0,4 м), которой обнесен был самый водоем, имеющий форму треугольника (рис. 11), но с основанием не прямым, а дугообразным. Вода, направленная в этот водоем из водопроводного канала, скатывалась сначала с одной ступеньки (а) вниз, затем разливалась по водоему, перегородженному в двух местах свинцовыми пластинками б, б'; толщина первой в 0,34 м, второй — 0,25 м. Они отстояли одна от другой на 1 м, и в каждой из них было пробито множество дыр. Пластины эти представляли собой своеобразные фильтры и выполняли ту работу, для которой фильтры и предназначены: задерживали грязь и мусор, попадавшие в воду на ее длинном пути по акведукам.

В дальнейшем необходимо было этот разлившийся поток уже профильтрованной воды направить в те трубы, которые должны были ее повести по городу. С этой целью ее разбивали на несколько рукавов с помощью двух плотин в, в', напоминавших по форме два топора с вертикально вставленными топориками. Они разгораживали нижнюю сегментообразную часть водоема на три части г', г'', г'''; вода из двух крайних частей г', г''' скатывалась широким каскадом через одну ступеньку вниз, попадала в узкий проход и отсюда, сбежав с двух ступенек, вливалась в трубы д', д''; вода из среднего русла г'' стекала узкой струей по слегка пологому скату, переливалась через одну ступеньку и входила в третью трубу д''. Только при раскопках 1928 г. стало ясно, что башня входила в систему городской водопроводной сети. По направлению к переулку Веттиев от нее шел подземный ход, в котором лежали водопроводные трубы (рис. 12). Во время ремонта, незадолго до гибели города, трубы эти вынули и ход значительно углубили (с 0,45 до 1,9 м; ширина хода 0,9 м). Другой ход должен был пройти к Стабиевой улице. Неподалеку от башни среди разрытых для прокладки нового водопровода тротуаров нашли и два куска римских водопроводных труб обычного типа (один длиной 1,53 м, другой —

3,12 м). Способ изготовления их сводился к следующему: сгибали свинцовый лист и края его спаивали вместе; получалась трубка овального сечения с толстым валиком наверху по линии спаянных краев (рис. 13). Водопроводная линия составлялась из ряда таких трубок, которые мастер спаивал между собой,

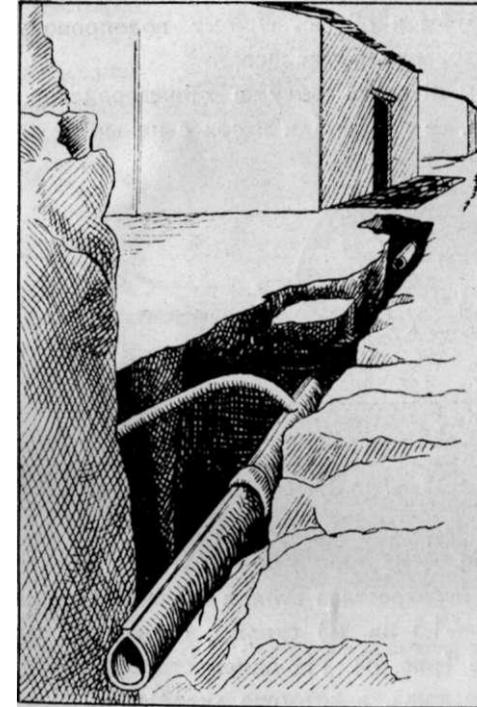

Рис. 12. Разрытый водопровод.

обычно тут же на месте, накладывая для прочности на место спайки толстое свинцовое кольцо. Значительные размеры найденных труб (диаметр поперечного сечения внизу 0,16 м, продольного 0,22 м и толщина их стенок 0,02 м) заставляют думать, что перед нами одна из главных водопроводных линий, где трубам приходилось выдерживать сильное давление воды. От этих труб ответвлялись уже второстепенные, меньшие: так, от одной из

найденных труб отходит другая, небольшого диаметра, которая судя по ее направлению, отводила воду в ближайшую сукновальню. На больших трубах имеются надписи: на одной стороне ставилось имя хозяина мастерской, где они изготовлялись, или, может быть, магистрата, следившего за производством работ, а на другой накладывался штамп, удостоверяющий принадлежность этой трубы к общему водопроводу: «для общественного пользования помпейцев».

Прежде чем пускать воду в общегородские резервуары и в частные дома, ее поднимали вверх с целью ослабить давление

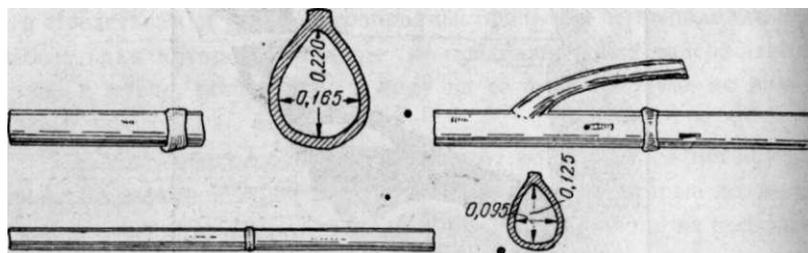

Рис. 13. Водопроводные трубы.

ее на трубы. По всему городу в различных его местах и уже обязательно на перекрестках стояли высокие (больше 6 м) узкие (площадь их 1—1,5 кв. м) столбы, сложенные из кирпичей и оштукатуренные (рис. 8). На одной стороне такого столба сделана глубокая выемка, в которую укладывали прочную свинцовую трубу около 15 см в диаметре. По ней вода из водопровода поднималась до свинцового резервуара, стоявшего наверху столба, и только оттуда по целому ряду более мелких труб разбегалась дальше в разные стороны (на одном из столбов сохранилось большое количество таких труб). Подобного рода распределительные колонки можно еще и сейчас видеть не только в Помпеях, но и в Палермо (куда их занесли арабы), в Константинополе и во множестве еще и других древних мусульманских городов.

Вода отводилась прежде всего, конечно, в городские резервуары (рис 14), заменившие колодцы. Они встречаются по всему городу; особенно любили ставить их на перекрестках. Это — просторные низкие водоемы (около 0,5 м высоты) прямоугольной формы, сложенные из четырех больших лавовых плит, которые скреплялись сверху для прочности железными скобами. На одной из длинных сторон водоема поставлен прямоугольный стоик из лавы, в котором пробурован ход для водопроводной трубы. Из ее отверстия била вода, излишек которой стекал прямо на улицу через выемку, вырубленную в плите, противоположной той, где находится стоик.

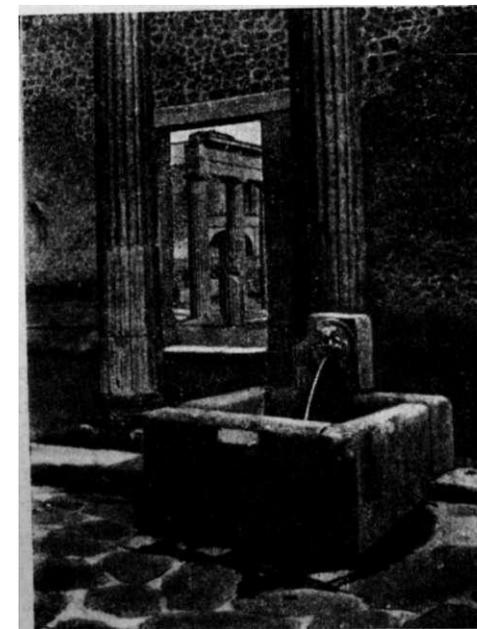

Рис. 14. Уличный колодезь.

Водоемы эти сложены одинаково по всему городу, и материал у них одинаковый — лава.

Очень редко встречается туф, и только один водоем (около Морских ворот) сделан из мраморных плит.

Жители Помпей словно постарались вознаградить себя за стандартную форму своих водоемов разнообразием лепных рельефов, которыми они украшали отверстие, откуда лилась вода. Каждый водоем получал как бы свой собственный герб. На одном из них, находившемся рядом с лавкой съестных припасов, изображен орел с зайцем в клюве; вода лилась из заячьей пасти. Возможно, что рельеф этот был придуман не без участия

лавочницы, торговавшей рядом и желавшей не упустить случая напомнить покупателям о своем товаре. Самые разнообразные изображения попадаются на помпейских водоемах: то морда быка то бюст Меркурия,¹⁹ то голова Медузы,²⁰ то спящий Силен.²¹ С большим художественным тактом выбран рельеф, украшающий единственный в Помпеях мраморный водоем: рослый петух в стремительном беге опрокинул кувшин, из которого и льется вода. Как раз на этом водоеме хорошо видно, как стерлись края плит около стояка от прикосновения к ним множества рук, когда-то о них опиравшихся, а края кувшина — от губ, когда-то к нему прикасавшихся.

Вода в изобилии поступала и в частные жилища. С появлением водопровода Помпеи сразу стали богаты водой, и мало-мальски состоятельный дом имел даже собственный водопровод, который давал воду не только для обычных бытовых нужд, но и питал фонтан — обязательную принадлежность внутреннего дворика в помпейском доме. Фонтаны эти брали немало воды: в доме Серебряной свадьбы, например, фонтан бил семью струями, а в доме Веттиев било шестнадцать струй.

Помпеи были оживленным и по-южному шумным городом. К вечеру, когда городской шум постепенно стихал, все сильнее начинали раздаваться иные, особые звуки, которые за дневной суетой были едва слышны. Они разрастались, усиливались и постепенно заполняли собой весь город; внимательное ухо могло разобрать в них отдельные голоса, сливавшиеся в одну симфонию. То пела вода, с журчанием лившаяся из водоемов, плескавшаяся в фонтанах и с тихим шорохом разливавшаяся по земле.

Канализация на юге имеет в значительной степени своей целью отвод дождевой воды, которая при сильных ливнях превращает улицы в непроходимые потоки. Так же как и водопровод, канализация имела во многих городах древней Италии, даже и в захолустных, например в Атине. В Помпеях ее провели, вероятно, вскоре же после выведения сюда римской колонии. К сожалению, здесь до сих пор не удалось проследить

ЛИНИИ канализации; можно только предполагать, что и тут, как обычно, к основному к другим улиц и от частных домов, владельцы которых прокладывали эти второстепенные линии для спуска нечистот из своих усадеб. Это, правда, не всегда требовалось, потому что значительная часть уборных в Помпеях была связана не с канализационной сетью, а с простой системой обычных выгребных ям.

Канализация проходила обычно под тротуарами. Что касается дождевой воды, то ее принимали подземные стоки, которые в Помпеях и сейчас несут ту же службу. Они расходятся от форума в разные стороны и выводят дождевые потоки за городскую черту; вода вливается в них через полукруглые арки, которые ведут под землю.

С канализацией связаны в Помпеях общественные уборные, без которых в древней Италии не обходился ни один город. В Помпеях было их несколько: во всех общественных банях, в театре, на Ноланской улице и т. д. Довольно хорошо сохранилась уборная на форуме. В ней нет той роскоши, с которой были устроены общественные уборные в Риме или на форуме в Тимгаде (в древности — Тамугади в северной Африке), с их мраморными стульчаками в виде кресел, со скульптурными украшениями и статуями. В Помпеях уборная форума представляет собой большую прямоугольную комнату, вдоль стен которой идет канал глубиной около двух метров, над которым и устроены сиденья. Нечистоты смывались непрерывно текущей водой. Еще лучше в гигиеническом отношении устроена уборная в мужской половине Стабиевых бань, где вода, обильно лившаяся из четырех труб, сразу же уносила все нечистоты в сточную канаву.

Ф о р у м

Античный форум, или, иначе говоря, городская площадь, как в Риме, так и в самых даже захолустных городках, италийских и провинциальных, был сердцем города, центром его жизни, и жизнь эта раскрывалась здесь в самых разнообразных аспектах. Управление городом сосредоточено на форуме: здесь засе-

дает городской совет и происходят выборы магистратов; здесь по избрании приносят они свою присягу и с особого возвышения обращаются к народу с официальными сообщениями. Отсюда, если они честно послужили городу, отправятся они в свой последний путь, и прощальные слова благодарности и печали прозвучат над их погребальным ложем на том самом месте, которое при жизни было главной ареной их деятельности. На форум по праздникам стекается весь город: здесь от лица всей общины совершают жертвоприношения; магистраты угощают народ и устраивают для него пышные зрелища. Ежедневно с раннего утра на форуме идет бойкая торговля самыми разнообразными товарами; с утра до вечера толчется здесь народ, деловой и праздный; здесь заключают торговые сделки, улаживают деловые соглашения, разбирают судебные дела и здесь же завязываются романы, сюда приходят на свидания, и непринужденная болтовня собравшихся приятелей кончается иногда созданием какой-нибудь потрясающей политической новости, у которой, по едкому замечанию покорителя Македонии Эмилия Павла,²² «никогда не бывает отца».

Форум италийского города — не простая площадь, это архитектурно оформленное пространство, которое надлежит приспособить к самым разнообразным требованиям городского общежития. Его надо устроить так, чтобы весь город радовался на него и любовался им и чтобы каждый чувствовал себя здесь, как дома, и приходил сюда, как домой. Форум следует сделать *Л* величавым, и красивым, и уютным.

Понятие «уют» не вяжется у нас с представлением о площади; и к деловой толкотне рынка, и к строгому великолепию Дворцовой площади в Ленинграде меньше всего подходит эпитет «уютный». Форумы древних городов были уютны уже потому, что под них не захватывали очень больших пространств. Когда Витрувий²³ говорит, что «величину форумов следует соотносить с количеством людей: площадь не должна быть мала для практических целей, но и не должна казаться пустынной вследствие малолюдства», то эти слова только формулируют многовековую практику древних архитекторов. Даже римский форум

к концу республики занимал площадь длиной только в 160 м шириной от 50 до 80 м, а самый великолепный из императорских форумов — форум Траяна²⁴ — имел длину 116 м и ширину 95 м. Сами себе малыеразмером сообщают. Тонкое художественное чутье греков и стремление их к ясным, определенным формам подсказали им необходимость четкого выделения их площадей из окружающего пространства, и этот урок греческого градостроения был хорошо усвоен их италийскими учениками. Форум огораживают портиками, обычно двухэтажными; на нем и около него воздвигают прекрасные храмы и величавые здания, служащие для нужд городской жизни, деловой и религиозной. И в то же время портики, окружающие форум, придают ему какое-то неуловимое сходство с самой уютной, домашней, если можно так выразиться, частью италийского дома, с перистилем, и превращают его, говоря современным языком, в своеобразную гостиную для всего города.

История форума в Помпеях неотделима от истории самого города. Форум лежит на пересечении Форумской улицы и улицы Изобилия; в древнейшие времена города он занимал в нем центральное место и оказался не в центре только вследствие разрастания Помпей к востоку. Раскопки последних лет обнаружили, что в те отдаленные времена форум занимал не совсем то же самое место, а лежал несколько наискось по отношению к тому, который мы знаем. Первоначально это была простая рыночная площадь, куда по базарным дням стекалось окрестное население продать сельские продукты и купить нужный в хозяйстве городской товар. Летом было пыльно; в дождливую пору стояла грязь; среди построек, неправильными рядами расположенных вокруг, сама площадь имела совершенно бесформенный вид.

Прошло немало времени, прежде чем нищие горцы, занявшие Помпеи, испытали потребность переделать свой расплывшийся в разные стороны грязный базар по образцу греческой агоры и настолько разбогатели, что оказались в состоянии это сделать. Примерно в середине II в. до н. э. в северной стороне площади воздвигнут был храм Юпитеру;²⁵ форум был распланирован по-новому и окр

строился, по свидетельству надписи, под наблюдением квестора Вибия Попидия, члена старинной и знатной помпейской семьи. До нашего времени уцелевшая на южной стороне в месте сепистилем несколько колонн этого древнего портика (рис. 15) вытесаны из серого нуцеринского туфа (во II в. до н. э. этот туф был излюбленным строительным материалом в Помпеях), невысоки (высота равна только пяти их диаметрам), принадлежат к строгому и простому дорическому ордеру,* в нижней трети слегка утолщены. Витрувий объяснял природу этого утолщения: для несения тяжестей нижняя часть должна быть прочнее верхних; кроме того, надо подражать растениям: нет ни одного дерева, которое не было бы толще у своих корней. Внизу на них чуть-чуть намечены ребра желобков, (такая форма предохраняла колонны от повреждений: не так-то легко отбить кусок от почти гладкой, круглой поверхности); а примерно, начиная с уровня одной трети они были канелированы (прорезаны желобками); эти желобки делали игру света на поверхности колонны богаче и разнообразнее. Капитель развита слабо. Епистиль довольно низок; монотонное однообразие его ровной поверхности нарушается чередованием метофов и триглифов с каплями. Любопытна его конструкция. Туф — материал не прочный, а так как нижней колоннаде предстояло выдерживать на себе тяжесть верхнего этажа, то строитель связал сначала колонны, по старой

* Колонны бывают трех ордоров: дорического, ионийского и коринфского. Дорические не имеют собственной базы, канелированы (прорезаны по всей высоте продольными желобками); верхушка их — капитель — состоит из утолщения похожего на круглую подушку (эхина), и четырехугольной плиты на нем (абака). На колоннах лежит главная балка, архитрав, или епистиль. Епистиль помпейского форума украшен триглифами (буквально «троерезами»): тремя вертикальными подпорками, разделенными узкими глубокими желобками. Квадратные пролеты между триглифами называются метопами. Под каждым триглифом находятся «капли»: несколько выступающих вниз шпильков. Ионийская колонна имеет собственную базу, глубже канелирована, выше и стройнее дорической. Особенностью ее капители является четырехугольная плита, лежащая над эхином и образующая с передней и задней сторон по паре завитков — волют. Коринфская колонна отличается капителью, представляющей как бы корзину, окруженную рядами аканфовых листьев.

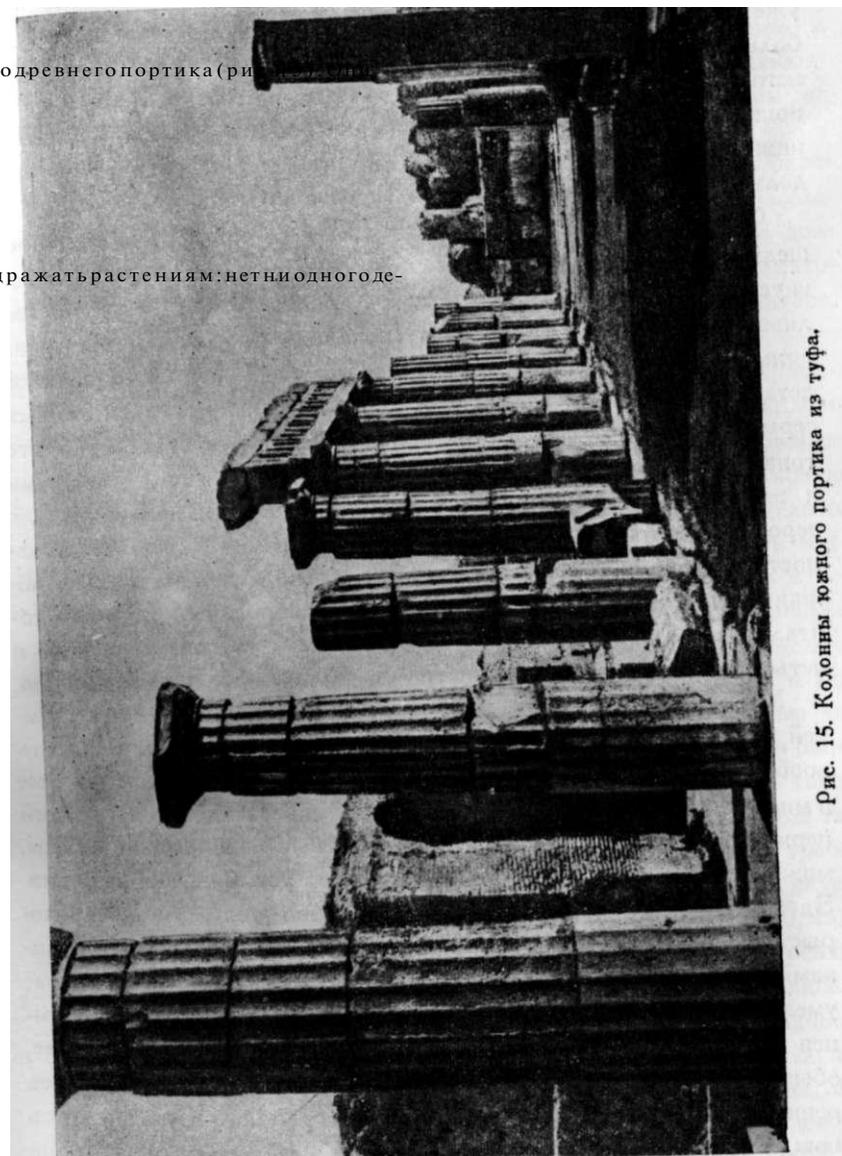

Рис. 15. Колонны южного портика из туфа.

италийской практике, крепкими деревянными балками и на них уже положил епистиль, составленный из отдельных, не очень больших плит туфа. Над первым этажом поднимался второй; от него сохранились только жалкие остатки, по которым видно, что ионийские колонны верхнего портика были и меньше и тоньше нижних, дорических. Витрувий тоже пишет, что верхние колонны должны быть на одну четверть меньше нижних.

Форум старых самнитских Помпей был создан людьми, прошедшими хорошую художественную школу и воспитавшими свой вкус на высоких образцах греческой архитектуры. Портик, обрамлявший его, ласкал глаз своей спокойной красотой и восхищал внимательного зрителя обдуманной целесообразностью каждой детали. Острый блеск яркого южного солнца смягчался теплым серым тоном простых строгих колонн; некоторую суровость этого тона оживляли красные метопы епистилия, триглифы с каплями и желтый цвет связывающих колонны балок, подчеркнутый, вероятно, соответствующей окраской. Большие плиты туфа замостили форум. С северной стороны, господствуя над всей площадью, поднимался храм Юпитера, построенный по этруско-италийскому образцу: с комнатой для статуи, одним нефом и четырьмя деревянными пилястрами, поддерживавшими кровлю.

Мы не знаем никаких подробностей внутренней жизни Помпей самнитского периода, которые дали бы нам возможность вообразить конкретные события, происходившие на этом форуме в мирные времена. Но сцены, разыгрывавшиеся здесь в последний период независимости города во время Союзнической войны, можно представить себе без большого усилия воображения. Здесь критиковали страстно и справедливо жестокую и своекорыстную политику Рима по отношению к италийским «союзникам»; вспоминали безнаказанную наглость его магистратов; умелой речью уводили толпу в то прошлое, когда Италия и Помпеи были действительно свободны; здесь звали к этой свободе, обещали ее и соглашались ради нее на жертвы и труд; здесь решено было стоять на смерть против страшного Суллы; здесь вожди обороны сообщали о ходе военных действий; здесь толпа приветствовала храбрецов, благословляла их и молилась за них

и за свой город. И здесь же побежденному городу объявлена была воля победителя, положившая конец его свободному существованию, прочтены имена тех, кто подвергался изгнанию и казни и чье имущество подлежало конфискации. Конец свободных Помпей был и концом ее старого форума. Этот форум во многом не подходил к новым порядкам и вкусам.

Новые поселенцы, носители римских идей, получившие определенное задание воспитывать в римском духе коренное население, прежде всего взялись за переделку храма на форуме. Он должен был превратиться в миниатюрное подобие римского Капитолия, стать храмом в честь капитолийской триады — Юпитера, Юноны и Минервы. Помещение, где стояла статуя Юпитера, было увеличено и украшено двойным рядом колонн: предхрамие поддерживало шесть стройных коринфских колонн. Мы видели уже, что переселенцы были до некоторой степени одержимы строительной горячкой: им хотелось и украсить свою новую родину и завоевать расположение старожилов и переделать, насколько это было в их силах, город по-своему. Портик квестора Вибия к этому времени уже пообветшал и нуждался в ремонте; новым хозяевам он к тому же и не нравился: непрочный материал, серый, не бросающийся в глаза цвет, какая-то мелочная отделка деталей. Портик решено было переделать; к постройке его и приступили в самом начале империи. Старые колонны оставили только с южной стороны; на западной они были сломаны и заменены новыми. Не часто удастся найти такой наглядный пример, как переделка этого портика, который бы так убедительно говорил о разнице художественных вкусов и требований. У римских строителей было много денег, но мало вкуса. Они отвергли туф, как материал ненадежный, и выбрали гораздо более прочный и дорогой белый травертин. Коренастые крепкие колонны, тоже дорического ордера, но с массивной неуклюжей капителью и без всяких канелюр искрились и сверкали однообразным, ослепительным и холодным блеском (рис. 16). На них лег тяжелый и скучный епистиль из такого же травертина, без триглифов и метопов. Новый портик был гораздо надежнее и долговечнее старого, но и гораздо грубее его.

Мы можем довольно отчетливо представить себе форум (рис. 17) в Помпеях времен империи: это был удлиненный прямоугольник (площадь его равнялась с портиками 151,6 X 47 м, а без портиков 142,5 X 38,5), вымощенный блестящими, ровными травертиновыми плитами; старую мостовую сняли. С запада на портик смотрели старинные здания — ограда Аполлонова 26

Рис. 16. Западный портик с травертиновыми колоннами.

храма и базилика; с восточной стороны к форуму прилегали рынок и ряд новых храмов и зданий, облицованных мрамором и выходящих на форум собственными портиками. По сторонам храма Юпитера воздвигнуты были триумфальные арки, через которые входили и выходили (въезжать на форум было нельзя; доступ повозкам был прегражден). Прямо против храма на южной стороне форума находилось здание городского совета и присутственные места для магистратов. Фоном служил Везувий, всегда немного курившийся и покрытый доверху зеленью садов и виноградников.

Одной из особенностей древних форумов было большое число статуй. Обычай выражать свою благодарность официальной по-

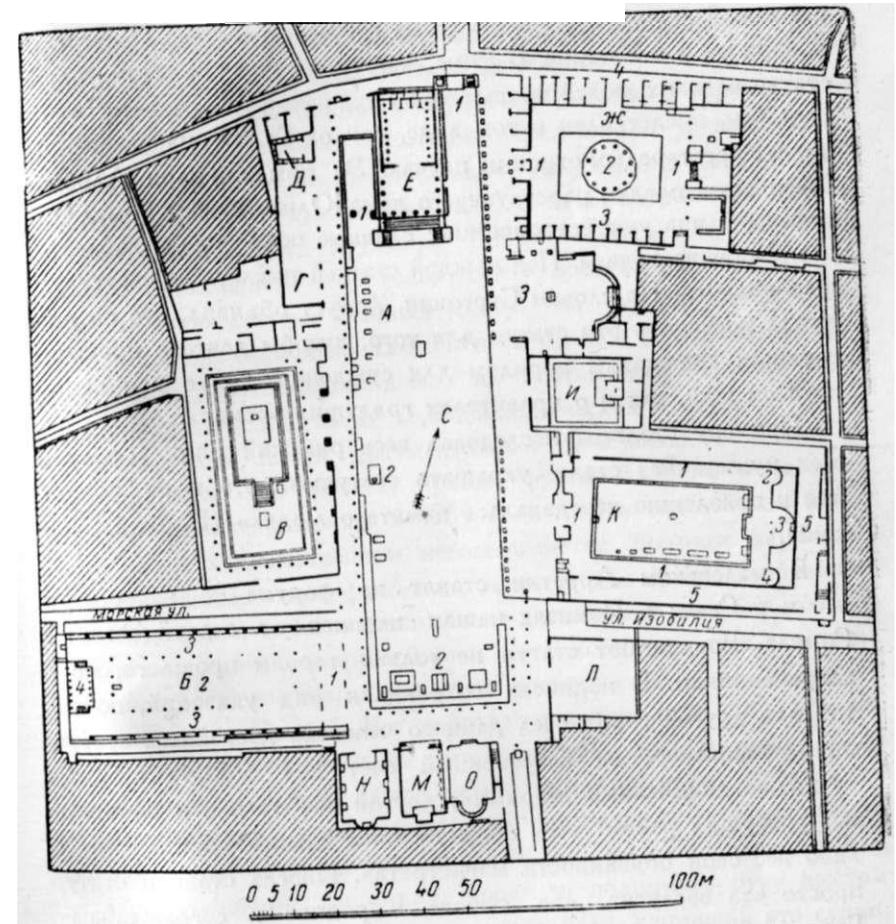

Рис. 17. План форума.

Л — площадь; / — арки, 2 — пьедесталы для статуй; Б — базилика: / — вход, " " — главный неф, 3 — колоннада, 4 — суд; В — храм Аполлона; Г — школа; Д — общественная уборная; Е — храм Капитолийской триады; Ж — продуктовый рынок (macellum): / — колоннада, 2 — рыбный садок, J и 4 — ряды лавг>к; 3 — храм городских Ларов; И — храм Веспасиана; К — здание Евмахии: / — колоннада, 2, 3, 4 — ниши для статуй, 5 — „крипта“ — крытая галерея; А — место для голосования; М — здание городского совета; ^ — присутственное место эдилов; О — присутственное место дуумвиров.

становкой статуй исстари велся на греческом востоке. Постепенно проник он и в Италию. В Риме Август поставил на своем форуме статуи великих людей прошлого; их ряд начинался Эннеем,²⁷ который был представлен в том виде, как он бежал из пылающей Трои с престарелым отцом на плечах. За ним шли цари Альбы,²⁸ мифические предки царствующего дома Юлиев, потом Ромул²⁹ и, наконец, лица уже исторические: славные полководцы, доблестно послужившие родине. Под каждой статуей имелась соответствующая надпись. По словам Светония, Август объявил, что он придумал поставить эти статуи для того, «чтобы деятели прошлого служили гражданам мерилom для суждения, как о нем самом, пока он жив, так и о правителях грядущих времен».

Примеру столицы последовал весь римский мир: «форумы всех муниципиев стали украшать статуями, чтобы от поколения к поколению передавалась память о людях» (Плиний Старший).

В маленьком Арретии ставят на форуме те же статуи, что и в Риме; в Помпеях нашли надписи от статуй Эннея и Ромула. Воздвигают статуи не только героям прошлого, но и современникам. В надписях сохранился ряд указаний, почему тот или другой город счел данного человека достойным статуи: один, например, на собственный счет дал бой гладиаторов «с пятью ливийскими зверями»; другой «заботливо и рачительно» совершил ремонт всех общественных зданий; третий «совестливо нес свои обязанности магистрата». Иногда ставили статуи просто «за заслуги», «за любовь к родине и согражданам». Городской совет был щедр на раздачу подобных почестей, потому что те, кому была декретирована статуя, нередко ставили ее на собственный счет, «довольствуясь одной честью». Немудрено, что «многочисленный народ статуй», говоря словами одного древнего писателя, до такой степени загромаждал римские форумы, что цензорам неоднократно приходилось убирать те из них, которые были поставлены без соблюдения всех законных формальностей. В Цирте (теперешняя Константина в Алжире) на форуме было так много статуй и они были так без-

системно размещены, что потребовалось расставить их все в одну линию, так как иначе они мешали движению.

В Помпеях большинство статуй было унесено с форума после гибели города. Осталось несколько пьедесталов с надписями; мы узнаем из них имена Голкония Руфа, одного из влиятельнейших помпейских граждан начала I в. н. э.; патрона колонии — Квинта Саллюстия; дуумвира Куспия Пансы и Умбриция Скавра. Последнему городской совет постановил воздвигнуть даже конную статую. Конных статуй на форуме в Помпеях стояло вообще несколько. Воздвигнуты были и колоссальные статуи лицам царствующего дома; их постановкой Помпеи официально заявляли о своих верноподданических чувствах.

У нас есть почти документальное изображение жизни на форуме: несколько фресок, правда фрагментарных, найденных еще при начале раскопок в 1755 г. в одном помпейском доме. При своем художественном несовершенстве бытовые картинки, представленные этими фресками, очень ценны. Люди, изображенные художником, часто напоминают деревянные обрубки, но ему удалось передать и выразительность их жестов и поз и оживленную пестроту форума; перед нами воскресает торговая и ремесленная жизнь Помпей. Вот торговля тканями (рис. 18). Продавец раскинул в одном месте перед портиком свою будочку, обтянутую полотном; там лежат ткани; самая торговля происходит в тени портика. Двое покупателей рассматривают развернутую штуку сукна; один из них нашел в нем какой-то недостаток и пальцем указывает на изъян; продавец поднимает руку жестом человека, который ручается, что счастливец, купивший это сукно, пронесет его до смерти. За покупателями в классической позе вышколенной служанки стоит девушка-прислужница. Направо Другой торговец, вероятно компаньон первого, убеждает покупательницу, прикидывающую на себе кусок сукна, в высоких качествах материала. Спутница ее, дочь или младшая сестра, живо заинтересована покупкой; умоляющим жестом кладет она руку на плечо старшей. Разносчики готового платья (рис. 19), разгуливающие по форуму, беседуют с покупательницами, которые, как это повелось уже от века, вероятно, сомневаются и в достоин-

стве товара, и в разумности назначенной за него цены. Сапожник примеривает сапоги юноше, усевшемуся для этого на скамейку (рис. 20); его товарищ или хозяин обращается к кому-то, приглашая взглянуть на ряды выставленной обуви. В другой сапожной (рис. 21) молодой мастер, надев башмак на руку и вооружившись палочкой, похожей на школьную указку, объясняет своей аудитории, состоящей из четырех женщин и крохотного ребенка, сидящего на руках, изумительные качества своего товара. Тут же приютился медник (рис. 22): юный подмастерье возится у переносного горна; покупатель рассматривает на свет ведро, а сам хозяин занят запаиванием маленького котелка. На земле стоит посуда разной формы и величины.

Шла на форуме торговля и съестными припасами: с лотков торговали хлебом, фруктами, разными кушаньями (рис. 23). Девочка остановилась перед столиком фруктовщика; у нее разбегаются глаза, и она не знает, что ей выбрать. Тут же в трехногом котле, под которым горит огонь, разведенный в большом тазу, кипит какое-то варево; желающие могут получить его прямо «с пылу, с жару». Покупателе подходит со своей посудинкой, которую держит, чтобы не обжечься, на длинном крюке. Очень выразительно изображение старика-торговца (рис. 24), заснувшего над своим столиком, на котором разложена разная вкусная еда. Мальчик тщетно протягивает плоскую тарелку, требуя, чтобы он отпустил ему своего товара: какой-то сердобольный прохожий будит старика, толкая его пальцем в спину.

Все эти изображения, такие простые и жизненно правдивые, повествуют не только о жизни форума, но и дают богатый материал для характеристики торговли в Помпеях. В часы торговли портики форума превращались в торговые ряды, причем форум говоря современным языком, представлял собой настоящий универмаг: тут можно было одеться и обуться; купить провизии и домашней утвари, а также и поесть. Торговали в палатках, с лотков и вразнос; приносили свой товар, тут же принимали заказы и устраивались со своей мастерской. Торговое оживление, сопровождаемое при южной живости оглушительным гомоном, не вызывало у жителей Помпей желания опророметься ки-

Рис. 18. Торговля тканями.

Рис. 19. Разносчик одежды.

Рис. 20. В башмачной мастерской.

Рис. 22. Медник.

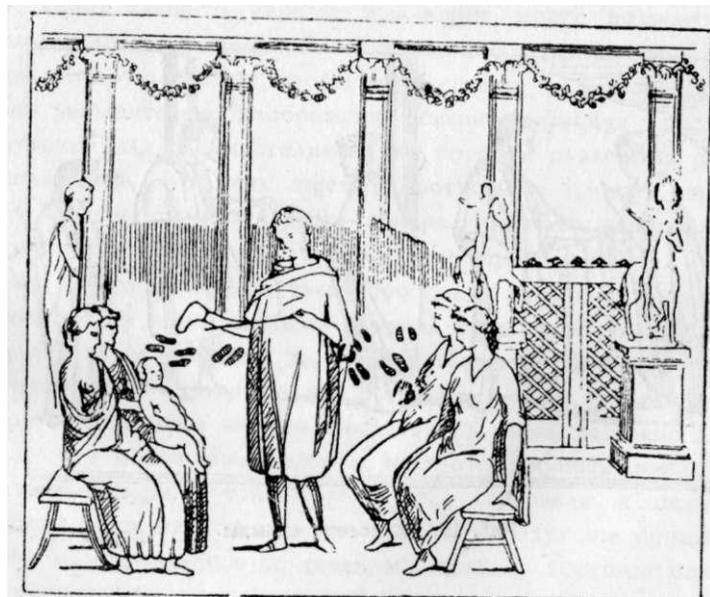

Рис. 21. Торговля обувью.

Рис. 23. Торговля горячей пищей.

нуться прочь. Форум полон гуляющих: люди прохладятся, стоят и, прислонившись к колонкам, наблюдают за всем что

происходит кругом, или беседуют между собой. Несколько приятелей оживленно обсуждают в кругу приобретенный мрамор.

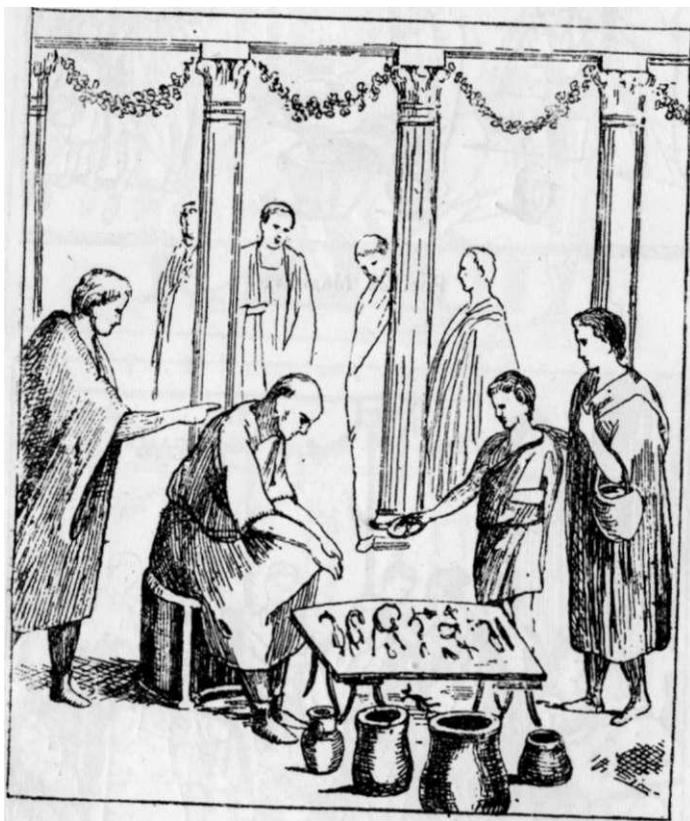

Рис. 24. Продавец закусок.

тов; один не выдержал и, раскрыв свой флакон, жадно нюхает его пробку. Четверо человек остановились перед «альбомом» — длинной узкой доской, покрытой слоем белой штукатурки (латинское «albus» значит «белый») и прикрепленной к пьедесталам трех конных статуй. На таких «альбомах» писали красной или

черной краской постановления городского совета, объявления об аукционах и подрядах, программы гладиаторских зрелищ и т. п. Дети играют во дворе за колоннами. Юноша, не замечая ничего вокруг, прилежно срисовывает статую. Сквозь толпу пробирается слепой нищий в жалких лохмотьях, с всклокоченными бородой и волосами. Он ведет на ремне собаку, которая служит

Рис. 25. Школа.

ему поводырем: маленький, широкогрудый песик чутко повернулся на его голос. Почтенная матрона с благородной осанкой протягивает ему кусок съестного.

Чрезвычайно интересна фреска, изображающая сцену из школьной жизни (рис. 25). Грамотность широко распространена была в древней Италии; начальные школы имелись в каждом городке. Были они предприятием совершенно частным; любой, желавший заняться этим делом, мог открыть школу. Мы знаем одного учителя из Помпей; это был некий Сема, грек, судя

по имени. Под школу он снял помещение, находившееся в северо-западном углу форума и обращенное своими восемью входами на портик. Раньше это помещение считали маленьким овощным рынком. Возможно, что от портика его отделяли занавеси, но возможно, что их и не было. Уличная толкотня не смущала ни учителя, ни учеников, располагавшихся для занятий часто под портиком, а то и под открытым небом. На фреске изображены школьные занятия в самом разгаре: учитель, пожилой бородатый человек в плаще, стоя, слушает чтение своих питомцев. Ученики—мальчик и две девочки (начальное обучение в древней Италии было совместным) — держат на коленях развернутые свитки; досужие прохожие тоже слушают их, спрятавшись за колоннами. Чуть-чуть поодаль молодой помощник учителя сечет провинившегося мальчугана, которого держат двое его товарищей; к этой группе приближается школьный служитель с запасом свежих розог. Древняя школа считала телесные наказания делом естественным и необходимым: за шалости, за дурно приготовленный урок, за леность ученику «расписывали спину так, что она становилась пестрее змеи» (Герод³⁰). Марциал так и называл розгу «скипетром учителей». Августин³¹ уже на склоне лет с живостью вспоминал свой жестокий детский ужас перед поркой. Голос Квинтилиана,³² резко протестовавшего против розги, прозвучал одиноко и не был услышан в учительской среде древнего мира.

Если в будни на форуме жизнь была ключом, то еще оживленнее бывал форум по праздникам, когда на нем (до постройки амфитеатра, а иногда, может быть, и после) устраивали гладиаторские игры и бои со зверями. В одной надписи сообщается о том, что некий Клодий Флакк, дуумвир и квинквеннал дважды (последний раз в 3 г. до н. э.) устраивал на форуме в благодарность за свое избрание трехдневные игры. Празднество начиналось торжественной процессией, затем шел бой быков, потом шли состязания кулачных бойцов (парами и целой группой), пантомимы, выступления гладиаторов, бой с быками, медведями и дикими кабанами. Все это чередовалось с музыкальными интермедиями. Зрители находились, конечно, на верхнем этаже

портика: внизу сидеть было бы опасно, так как вряд ли можно было здесь создать временную надежную ограду от разъяренных зверей. Наверх вели три лестницы; из них две — прямо с улицы на второй этаж портика (одна находилась около базилики, другая около здания городской думы); третья (у северного угла Аполлонова храма) соединяла первый этаж портика со вторым. По этой последней посетители в будни поднимались в лавки верхнего этажа, не выходя с форума; в дни праздничных представлений, вероятно во избежание несчастных случаев, ею разрешалось пользоваться только лицам официальным и причастным к устройению игр. К вечеру форум пустел. Возможно, что на ночь его даже запирали. У всех входов на него (с обеих сторон от храма Юпитера, с улиц Морской, Изобилия и Школьной) до сих пор можно видеть пороги с отверстиями для дверных шипов (двери в античности не навешивались на петлях, как у нас, а вставлялись на шипах в специальные отверстия, проделанные для этого в пороге и в притолоке).

Землетрясение 63 г. сильно разрушило помпейский форум: рухнули портики, все окружавшие его здания потерпели значительные повреждения. Город вскоре собрался с силами и средствами, чтобы залечить эти раны: еще накануне дня, когда Помпеи были окончательно погребены под слоем камешков и пепла, там кипела работа; форум представлял собой громадную каменотесную мастерскую, заваленную морями и уже готовыми колоннами. Рабочие, ушедшие вечером с форума, должны были завтра с раннего утра продолжать установку колонн; никто не думал, скажутся последними навсегда.

Глава V

ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ВЫБОРЫ

Италийские города пользовались самоуправлением. Ясно видно, что скрывалось под этим демократическим названием: в руках рабовладельческого класса «самоуправление» превращалось в орудие угнетения мелких производителей и малоимущего люда. Так было по всей Италии, и Помпеи, как мы увидим дальше, исключения не представляли.

Во времена самнитов Помпеи, как и прочие кампанские города, пользовались полной автономией. Управление городом находилось в руках городского совета, который назывался на оскском диалекте «*kumbenieis*» (соответствуют латинскому «*conventus*» — «собрание»). В оскских надписях из Помпей несколько раз упоминается этот «конвент», по распоряжению которого был построен спортивный клуб, поставлены в Стабиевых банях солнечные часы и вымощен храм Аполлона. Сдачу с подряда всех этих и подобных им работ, надзор за их ведением и производство платежей конвент поручал квайстуру (латинский «квестор»), младшему магистрату, ведавшему городской казной. Помпейские надписи самнитского периода неоднократно упоминают квайстура. Старше его были эдилы: в оскских надписях из Помпей мы встретим их только раз, когда говорится о нескольких улицах, проведенных и вымощенных под их надзором. Председателем городского совета

и главным магистратом у кампанцев был «*medix tuticus*» (так на латинский лад называли в Риме «*meddissa tuviksa*», титулу который по-русски можно перевести «градоправитель»). В упоминаемых нами надписях он встречается неоднократно; насколько можно судить на основании очень скудного материала, имеющегося в нашем распоряжении, ему поручался надзор за возведением особо важных строений, и в некоторых вопросах городского благоустройства он волен был распоряжаться по собственному усмотрению.

Строй этот подвергся значительным изменениям, когда свободные Помпеи превратились в «Корнелиеву колонию помпейцев», как официально стал именоваться город после взятия его Суллой. Римляне, правда, не отбирали права самоуправления от побежденных городов, но они зорко следили за ними и властно подавляли все, что как-либо могло грозить их господству и влиянию. Помпейские магистратуры были переделаны на римский образец; принцип коллегиальности, строго проводимый в Риме, был распространен и на подчиненные италийские города, управление которыми стало теперь миниатюрной копией с римского государственного управления. Место единовластного меддисса заняли двое дуумвиров, в руках которых сосредоточена была вся полнота магистратской власти. Только они имели право созывать городской совет и народное собрание; они же в них и председательствовали. Будучи официальными представителями города, они оберегали его интересы, заключали от его имени договоры, следили за правильным отправлением культа. Они же являлись судьями в гражданских Делах, иск по которым не превышал определенной суммы. С крупными исками помпейцы обращались в Рим, где решались и уголовные дела. В римских Помпеях должность квестора была уничтожена и дуумвиры стали ведать и городской казной.

Дуумвиры, избиравшиеся каждый пятый год, назывались «квинквенналами» («пятигодниками»). Чтобы быть выбранным в дуумвиры, надо было сначала пройти младшую магистратуру (эдилитет), но стать квинквенналом можно было и человеку,

не бывшему раньше дуумвиром. Как дуумвиры были маленьким подобием римских консулов, так и квинквенналы являлись сколком с римских цензоров. Они составляют в своем городе списки граждан с указанием их имущественного ценза. Они проверяют состав городского совета, вносят в него новых членов, вычеркивают умерших и тех, кто преступлением или каким-нибудь позорным поступком лишил себя чести находиться в этом высоком собрании. Они же сдают подряды на общественные постройки и подыскивают арендаторов для городского имущества. В Помпеях таким арендатором долгое время был банкир Цецилий Юкунд, снимавший городскую сукновальню и общественный выгон.

Ниже дуумвиров стояли эдилы; карьеру городского магистрата в Помпеях начинали с эдила. Эдилы ведали всеми текущими делами городского благоустройства и благочиния: заботились о снабжении города хлебом, следили за правильностью мер и весов, за чистотой улиц и хорошим их содержанием, надзирали за банями. На их же обязанности лежало устройство игр и зрелищ. Должность была многообразной и хлопотливой.

Хранителем административного опыта и традиций городского управления являлся городской совет, именовавшийся «сенатом». Члены его назывались «декурионами» («десятскими»), потому что, по объяснению римского законодательства, среди колонистов, отправлявшихся на новые места, одна десятая часть набиралась для организации совета в будущей колонии. Мы не знаем, как велик был помпейский сенат: число декурионов не было определено раз навсегда. В таких крупных городах, как Путеолы и Капуя, в состав городского совета входило сто человек, но таким же по величине был и сенат в крохотных Вейях или Курах. Звание декуриона человек получал пожизненно; только смерть или преступление выводили декуриона из городского совета (сената). Уже в начале империи народное собрание в городах утратило почти всякое значение; подлинным хозяином городской общины становится совет. Он управляет ее имуществом, контролирует расходы, принимает

отчеты от магистратов и от лиц, выполнявших городские поручения, — вообще держит верховный надзор за городским благосостоянием и за всем, что делается в городе. Члены городского совета — это верхушка городской общины, муниципальная аристократия, сильная своим влиянием, авторитетом и богатствами. Стать членом совета — это великая честь, для достижения которой не останавливаются перед жертвами. Богатые люди, которым доступ в совет прегражден их рабским происхождением, стремятся, не считая денег и не разбирая средств, вывести своих детей на ту дорогу, в конце которой можно рассчитывать на декурионат. Иногда размах родительской щедрости бывал так широк, что награда детям приходила неожиданно быстро. В Помпеях, например, чести быть декурионом удостоился шестилетний Цельзин, «восстановивший», — как гласит надпись, — «храм Исиды,³³ обрушившийся от землетрясения» (речь идет о землетрясении 63 г. н. э.).

В составе совета находились, как мы только что видели, люди, почтенные званием декуриона за свои заслуги перед городом, но основную его массу составляли бывшие магистраты, которые по истечении срока своей службы механически входили в состав городского совета. Обычный путь к декурионату — городские магистратуры. В частности в Помпеях, эдилом и дуумвиром?

От кандидата на любую городскую должность требовалось прежде всего рождение свободным (поэтому вольноотпущенники допускались к магистратурам только во втором поколении), обладание правами гражданства и личная незапятнанность. А затем он должен был владеть определенным состоянием: в его биографии пункт этот играл существенную роль — городские магистраты в древности не получали за свою службу и работу никакого вознаграждения; платили не им, а платили они городу, внося при вступлении в должность «за почет» немалую сумму. В одном африканском городке, например, квинквеннал должен был, приступая к исправлению своих обязанностей, заплатить 25 000 сестерций (сест. ок. 6 коп.); в другом городке эдил платил 4000. В Помпеях дуумвир вносил в городскую казну

10 000 сестерций «за дуумвират», как лаконически сообщает надпись. Дело не кончалось этими уплатами: магистрату полагалось быть щедрым. Этого требовало и его достоинство и сами избиратели, не скрывавшие обычно своих расчетов на щедрую благодарность со стороны ими избранного. Надежды их неизменно оправдывались; магистраты и члены совета воздвигают или ремонтируют за свой счет общественные постройки, устраивают великолепные зрелища, щедро угощают своих сограждан. Для всего этого нужны большие средства, и управление городом поэтому находится в руках богатых людей, крупных землевладельцев и купцов; судьба бедного городского люда зависит от них. Бросая ему подачки, иногда очень щедрые, муниципальная знать заботится в первую очередь, конечно, о собственных интересах, отнюдь не совпадающих с интересами неимущего населения. В разговорах «маленьких людей», собравшихся за столом у Трималхиона (в романе Петрония),³⁴ отчетливо звучит жалоба на то, что городские правители обделяют общественные дела и не обращают внимания на простой народ: «бедный народ страдает, а у этих толковых людей все гладко и благо». В жизни рядового малоимущего городского слоя выборы были событием весьма важным; вопрос шел о том, чтобы среди богатых чужаков найти наименее бессовестного и наиболее доброго человека. И в среде городской аристократии тоже шло волнение; стать магистратом и членом городского совета, — скольким людям хотелось этой власти и этого почета! Давались они не легко; недаром же Цицерон говорил, что легче стать сенатором в Риме, чем декурионом в Помпеях. Калигула³⁶ считал себя равным Юпитеру, но принять звание почетного дуумвира в Помпеях он согласился. Характерно существование закона, который запрещал человеку, желавшему выставить свою кандидатуру, в течение года до выборов раздавать подарки, устраивать для народа пиршества и приглашать к себе в гости больше девяти человек. Можно с уверенностью сказать, что закон этот принадлежал к числу тех, которые постоянно обходились; кандидаты на городские магистратуры соблюдали

его внешне, но умели находить путь к сердцам своих избирателей и расставлять капканы своим соперникам.

Если для избрания в должность требовался ряд условий, то выбирать имело право все свободное городское население. Город делился обычно на несколько избирательных участков, именовавшихся «куриями». Какие избирательные участки были в Помпеях, мы не знаем. Имена кандидатов заранее объявлял дуумвир или квинквеннал, проводивший выборы. Если кандидатов оказывалось мало, то он называл столько имен, сколько нужно было, чтобы заполнить требуемое число. Каждый из названных мог указать себе заместителя, а этот, в свою очередь, называл еще третьего кандидата; баллотировались все поименованные лица. Избиратель писал имя своего кандидата на дощечке и опускал ее в урну своей курии. После подсчета голосов объявляли имя того, кто был избран в этой курии; выбранным на должность считался тот, за которого высказалось большинство курий.

Выборы происходили в течение марта; вступали в свою должность новые магистраты с 1 июля и несли ее в течение одного года. Повторное занятие одной и той же должности допускалось, но с временным промежутком.

В Помпеях сохранилось много надписей, живо рисующих нам предвыборную борьбу и предвыборную агитацию. Агитация эта велась на стенах, которые ко дню выборов оказывались покрыты рекомендациями кандидатов, написанными обычно красной краской на полосе белой штукатурки. Газет античный мир, как известно, не знал; папирус, а тем более пергамен были материалом слишком дорогим, чтобы тратить его на афиши, которые мог сорвать любой расшалившийся мальчишка или превратить в грязную тряпку первый проливной дождь. На камень можно было положиться, и жители Помпей не обманулись в своем доверии к нему: стены их домов донесли до нас отзвук тех чувств и настроений, серьезных и легкомысленных, деловых и шуточных, какими бывал полон город во время выборов.

Кандидат, естественно, нуждался в рекомендации и поддержке как со стороны отдельных лиц, так и целых корпораций. Займемся сначала последними.

Неоднократно в избирательных афишах мы читаем, что такого-то выставляют кандидатом «соседи». Рекомендация соседей имела несомненный вес. В маленьком городке, где трудно было укрыться от постороннего глаза, кто же, как не они, могли выступить с верным свидетельством о жизни и поведении того, кого они предлагали в эдилы или даже в квинквенналы? Кому, как не им, было знать, щедр ли он и добр, порядочен ли и честен? Древность высоко ценила добрососедские отношения: «был бы хорошим сосед, так и бык не пропал бы». Может быть, не все в Помпеях знали в подлиннике эту старинную греческую пословицу, сохраненную Гесиодом,³⁷ но ее требование было одним из условий общежития, и нарушитель этого условия не мог рассчитывать на добрую славу. Избиратели имели все основания прислушиваться к голосу соседей — он был авторитетен и существенно важен.

Особняком стоит одна надпись, в которой с просьбой о поддержке своего кандидата обращаются не «соседи», а «соседки»: «Лорей, соседки просят тебя, выбери в эдилы Амплиата». Мы знаем до некоторой степени этого Лорея. Ему принадлежал большой дом на улице Изобилия («Новые раскопки») с прекрасным садом, устроенным на земле, проданной обедневшими соседями предкам нашего Лорея. Художественные и литературные интересы были в его семье, видимо, наследственными: на стене Крытого театра в Помпеях сохранились обрывки нескольких любовных стихотворений и под одним из них греческая подпись: «написал Тибуртин». Надпись относится ко времени Суллы; имя «Тибуртин» в Помпеях встречается крайне редко: можно уверенно сказать, что поэт Тибуртин приходился предком нашему Лорею: в саду его стояли превосходные статуи муз; стены дома были покрыты фресками, иллюстрировавшими Илиаду и подвиги Геракла, героя особо чтимого в Тибуре,³⁸ откуда родом был Лорей. Среди других картин заслуживают упоминания великолепное «Лето» в парад-

ной столовой, портрет молодой женщины в одной из спален и портрет предка нашего Лорея, в одежде жреца египетской Исиды с систром (особый музыкальный инструмент) в руках: Лорей были преданными поклонниками этой богини и, видимо, сильно содействовали распространению и укреплению ее культа в Помпеях. Род их принадлежал к старинной муниципальной аристократии; наш Лорей был эдилом незадолго до гибели города и добивался дуумвирата. Знатный и влиятельный человек, он обладал, повидимому, большим личным очарованием: несколько часов, проведенных в его обществе, оставили такой след в душе какого-то его собеседника, что он записал на стене памятку об этой встрече. В квартале, где он жил, его, конечно, прекрасно знали, и женские голоса были до него, видимо, доходчивее мужских — Амплиат знал, что делал, когда выставил просительницами за себя именно «соседок».

Просят за своих кандидатов и «коллегии». Эти союзы объединенных одним и тем же занятием «маленьких людей» — ремесленников, рабочих, мелких торговцев — были очень многочисленны при империи; они имели свою кассу, составлявшуюся из ежемесячных взносов, и своих выборных, которые ведали делами коллегии и ее казной. На эти деньги члены коллегии справляли свои праздники (коллегии часто выбирали себе в покровители особое божество, как позже средневековые цехи избирали какого-нибудь святого) и хоронили своих умерших. Многие коллегии стремились найти себе патрона и среди людей; обычно это бывала какая-нибудь влиятельная фигура, которая своим именем и состоянием могла оказать коллегии помощь в трудную минуту. Избирательные надписи из Помпей дают нам длинный перечень разных отраслей местной хозяйственной и ремесленной деятельности: тутиплотники, и ювелиры, и цирюльники, и носильщики хлеба, и хлебопеки, и пирожники, и торговцы фруктами. Поддерживают ли эти коллегии собственных патронов? связаны ли они какими-то деловыми отношениями с данным кандидатом? Мы редко можем ответить на этот вопрос. Почему, в самом деле, «все ювелиры» предлагают в эдилы Куспия Пансу и почему

за него же высказываются «все плотники»? Почему «все извозчики» отдали свои симпатии ему и Юлию Полибию? Иное дело, когда этого же Юлия Полибия выставляют хлебопеки: он сам хозяин пекарни и, следовательно, для хлебников свой человек.

В числе корпораций следует особо упомянуть почитателей египетской богини Исиды, которые в Помпеях были многочисленны и влиятельны, и военно-спортивный аристократический союз «Молодежь», члены которого часто выступали кандидатами на выборах и пользовались, естественно, поддержкой своих сочленов.

Чрезвычайно интересна социальная физиономия отдельных лиц, выступавших просителями за своих ставленников. Иногда — это старинные аристократические семьи, вроде Попидиев или Поппеев, предлагающие от лица всей такой семьи определенного кандидата; иногда — это отдельные члены знатного или, по крайней мере, широко известного рода: таковы, например, Марцелл или Веттий. Гораздо чаще, однако, мы встречаем скромные имена, преимущественно греческие, носителями которых являются или свободные люди из низов или вольноотпущенники, как, например, Клодий Нимфодот, «страстно желающий видеть в дуумвирах Светтия Церта», или Евпор, «глава вольноотпущенников», предлагающий в эдилы Куспия Пансу. Обстоятельство это очень любопытно. Маленькому человеку, нередко вчерашнему рабу, конечно лестно было связать свое неведомое имя со звонкой фамилией муниципального аристократа; приятно было почувствовать, что этот аристократ нуждается в его помощи и до некоторой степени теперь от него зависит. Помощь эта оказывалась, вероятно, не раз, с тем или иным расчетом на будущее — по русской пословице «рука руку моет». Для историка картина деятельного, все нарастающего участия ремесленников и мелких торговцев Помпей в общественной жизни города весьма показательна. «Дионисий сукновал, вольноотпущенник, просит вас выбрать эдилом Луция Попилия» — агитационные надписи подобного рода встречаются нам все чаще. И если скромные люди так энергично выступают в предвыборной кампании, то это ясно свидетельствует о том,

что к голосу их прислушиваются. Помпейские предвыборные афиши красноречиво говорят, что в Помпеях, лишь в уменьшенном масштабе, происходило то же, что и в Риме, да и во всей империи: бывший раб и его потомки приобретают в жизни города и всего государства все большее значение и все больше влияют и на муниципальные и на государственные дела.

К городским магистратурам, однако, как мы видели, прямого доступа эти люди не имеют: область магистратуры — это арена деятельности, на которой выступают только богатые и знатные. К числу последних принадлежат, например, Голконии, которых предвыборные афиши называют «старинный аристократический и землевладельческий род, усиленно занимавшийся виноградарством; один сорт лоз, дававший прекрасные урожаи в Кампании, назван был даже по их имени. Весьма вероятно, что наряду с виноградниками разводили и фруктовые сады: так, коллегия помпейских фруктошников поддерживала одно из имен, потому, что она постоянно покупала у него товар. Из поколения в поколение занимают Голконии магистратуры в Помпеях. При Августе Марк Голконий Руф пять раз был дуумвиром и два раза квинквенналом. Ему поставлена была статуя и даровано почетное звание «патрона» «покровителя» города. В театре у него имелось почетное место, на котором бронзовыми буквами были перечислены все его титулы. Его брат, Голконий Целер, был дуумвиром и квинквенналом в начале царствования Тиберия. На собственные средства братья построили в Помпеях большой театр. В 23 г. н. э. дуумвиром был Голконий Гелий. Когда помпейцы выбрали в 40—41 гг. Калигулу почетным дуумвиром, то последний назначил своим заместителем, т. е. фактическим дуумвиром, бывшего квинквеннала Голкония Макра. Голконии занимали эту должность вплоть до самой гибели Помпей. В 78 г. кандидатуру в эдилы выставил Голконий Приск; другой член той же семьи вторично баллотировался в дуумвиры в 79 г.

Другим родом, не менее важным, чем Голконии, являлся в Помпеях древний оскский род Попидиев, представители ко-

того были видными городскими деятелями еще в свободных Помпеях. Незадолго до гибели города выставил свою кандидатуру в дуумвират Нумерий Попидий Руф, бывший эдилом в 75 г. Его поддерживал союз «Молодежь». Несколько раз давал он гладиаторские игры; в одной надписи его приветствуют, как «несравненного их устроителя» и величают членов всей этой семьи «защитниками колонии».

В последний год Помпей кандидатом в эдилы был выставлен представитель другой ветви этого рода — Луций Попидий Секунд.

Его коллегой был Куспий Панса, происходивший из старинного этрусского рода, осевшего в Помпеях. Предкам его — одному «четырежды дуумвиру и квинквенналу», другому «пontiфику и дуумвиру» — поставлены были, по распоряжению декурионов, «на городские средства» статуи на форуме. В надписях упоминается еще дуумвир Куспий Лорей. Мы видим, что участие в управлении городом в ряде семей было своего рода наследственным занятием.

Избирательные афиши составлены почти всегда одинаково. На первом месте стоит имя кандидата; на последнем — имя того или тех, кто его рекомендовал. Обращение к избирателям почти всегда неизменное, по формуле: «просим [или «прошу»] вас, выберите». Эту формулу писали сокращенно, начальными буквами трех входивших в ее состав слов: «o.v.f.», т. е. «ого vos, faciatis». Характеристика кандидата, следовавшая сразу же за его именем, в большинстве случаев трафаретна: рекомендуемого называют «достойным общественной деятельности» («dignum rei publicae»). Определение это настолько стереотипно, что его тоже всегда почти сокращают: «d. g. p.». Иногда встречаются и дополнительные характеристики: выставляемого кандидата называют человеком «достойнейшим», «честнейшим», «совестливейшим». Случается, что избирателям напоминают уже проверенные добрые качества человека: «честность его вы испытали». Заслуживает внимания настойчивое упоминание о принадлежности кандидата к союзу «Молодежь». Эпитет «юноша» в избирательных программах отнюдь не является определением

возраста, как думали раньше, а указывает на принадлежность лица к этому союзу, а вместе с тем и на его социальную характеристику: мы уже сказали, что члены союза комплектовались преимущественно из аристократических семей, таких, например, как те, к каким принадлежали Куспий Панса, Голконий Приск, Луций Попидий Секунд. О принадлежности этих лиц к союзу «Молодежь» надписи никогда не забывают упомянуть; видимо, связь избираемых с этим союзом уже сама по себе служила рекомендацией. Бывает, что авторы избирательных плакатов раздражаются вдруг стихами:

**Если за честную жизнь воздать мы обязаны славой,
Юноше славу воздать должную следует нам.**

Стихотворение имеет в виду знакомого уже нам Куспия Понсу. А вот и другие стихи, найденные неподалеку от дома Лукреция Фронтонна:

**Если честная жизнь на пользу людям бывает,
То Лукреций Фронтон чести достоин вполне.**

В монотонное однообразие бесцветных просьб и стандартных похвал иногда врываются живые и жизненные подробности. Предлагая в эдилы Юлия Полибия, его сторонник пишет: «он человек заботливый и хлебник». В другой надписи мы читаем: «он дает хороший хлеб». Когда Квинт Бруттий Бальб, человек славившийся в Помпеях, выставил свою кандидатуру в дуумвиры, то в избирательной рекомендации о нем написали: «этот сбережет городскую казну». Очевидно, общественные деньги не для всех магистратов были предметом неприкосновенным. Есть надписи, спокойно и беззастенчиво разоблачающие закулисную сторону предвыборной борьбы: «Прокул, выбери Сабина эдилом, и он тебя выберет». Жалобы старого ворчуна в романе Петрония на то, что в городской жизни все основано на принципе «послужи мне — послужу тебе», имели, видимо, основание. Что перспектива такой взаимной помощи сильно действовала на избирателя, об этом свидетельствует неоднократное повторение подобного со-

вета. На стене прекрасного дома, принадлежавшего Требию Валенту, много раз баллотировавшемуся в эдилы, среди множества надписей, как таких, в которых его рекомендуют, так и таких, где он сам выступает с рекомендацией, мы читаем текст, почти дословно совпадающий с наставлением, сохранившимся в романе Петрония: «Требий Валент, выбери его, и он тебя выберет». Этот Требий Валент, влиятельный человек, которого со всех сторон просили о помощи и поддержке, решил поддержать себя самого и сам предложил себя в эдилы: «Валент предлагает эдилами Цейя и Требия Валента». На дверях дома Руфина, собиравшегося, очевидно, посвятить себя муниципальной деятельности, читаем: «Выбирайте в эдилы Попилия Сабина, честнейшего юношу. Руфин, поддержи его, и он тебя выберет». Имеется обращение к уже знакомому нам Лорей: «Прошу тебя, Лорей, выбери в дуумвиры Цейя Секунда, и он тебя выберет». Избиратель, несомненно, учитывал, что Лорей, бывший эдил, собирался выставить в дуумвират собственную кандидатуру. Иногда избиратели беспокоятся о том, что их кандидаты слишком беспечно относятся к предвыборной кампании. «Требий Валент, ты спишь», — укоряет надпись в нерадении знакомого уже нам Требия. «Требий, проснись, выбирай», — увещевает его другая надпись. «Соседи, проснитесь и голосуйте за Амплиата», — волнуются сторонники этого кандидата. Они же обращаются к хозяину какой-то харчевни: «График, будь бдителен» (надписи эти находятся в кварталах, поддерживавших, видимо, кандидатуру Попидия Амплиата). Упрек «ты спишь» является своего рода техническим термином, уличающим выборщиков в их предвыборной бездеятельности. Не довольствуясь этой обычной формулой по адресу какого-то Астила, который «спит», вместо того чтобы действовать в пользу Цейя Секунда, раздраженный избиратель тут же нарисовал на него карикатуру.

В этих упреках и предостережениях очень интересно одно обстоятельство: часто бывает нам ясно, что «спит» сам кандидат, но несравненно чаще встречаемся мы с таким упреком по адресу нам неизвестных людей, например какого-то трактирщика

Графика какого-то клиента Полита, каких-то Астила и Инфанта. По всей вероятности, кандидаты имели агентов, на обязанности которых лежали ведение избирательной пропаганды и слежка за противной стороной. Последнее было делом далеко не лишним: соперники не останавливались иногда и перед тем, чтобы уничтожить надпись, рекомендующую противника. Под одной из надписей высказано характерное пожелание: «Чтоб ты заболел, если из зависти это уничтожишь!» Среди эпитафических документов этого рода сохранился на стене Лореева дома и следующий, замечательный по своему спокойствию и достоинству совет: «Подражать надо, а не завидовать». (Сравни «Заговор Катилины» Саллюстия³⁹ — 51, 38).

Раздражение противников находило себе иногда (как уже упоминалось) выход в карикатурах. В предвыборной борьбе последних лет города большое участие принимал Пинарий Цериал, представляющий собой одну из любопытнейших фигур в Помпеях. Он принадлежал к той древней италийской фамилии, которой — по благочестивой легенде — в незапамятные времена, еще до основания Рима, Геркулес, проходивший мимо Палатинского холма,⁴⁰ поручил свершение своего культа. Цериал исправлял в Помпеях должность жреца Геркулеса. В его доме, отличающемся прекрасным убранством, нашли большую красивую чашу, украшенную рельефными изображениями ягод и листьев плюща, из которой Цериал совершал возлияния герою по его праздникам, и бронзовый жертвенный нож, весь из одного куска металла, с широким треугольным лезвием. Такие ножи и чаши часто встречаются на картинах жертвоприношений. Культ Геркулеса был в Помпеях очень распространен: статуэтки этого героя или нарисованные изображения его часто встречаются в ларариях. Греческая молитва Гераклу, защитнику дома ото всякого зла, сохранилась на стене одной мастерской, и в Помпеях же была найдена фреска (единственная до сих пор), на которой изображена встреча Геркулеса с местным италийским царем Евандром и сооружение жертвенника в честь Геркулеса.

Исполнением жреческих обязанностей не исчерпывалась деятельность Цериала. В его доме нашли инструменты резчика и

настоящий клад резных или приготовленных для резьбы камней (всего 114 штук; из них 28 готовых камней, причем некоторые поразительной красоты). До сих пор мы знали о помпейском резчике Кампане, которого приветствовал чеканщик Приск в одной надписи; Цериал является вторым представителем этой профессии. Ремесленником обычного типа он не был: дом его с несколькими комнатами и прекрасной утварью — это дом состоятельного человека, а не бедняка, зарабатывающего хлеб своим мастерством. Множество избирательных программ свидетельствует о том, каким широким влиянием Цериал пользовался: его поддержки просят для Лоллия, он выступает сторонником Требия Валента, Епидия Сабина, Паквия Прокула. Его неутомимая деятельность в избирательной борьбе оказалась кому-то сильно не по вкусу, — и стена с избирательными надписями от его имени покрыта была рядом карикатур, набросанных поспешными ударами кисти: рисовальщики постарались подчеркнуть большой нос Цериала, изображенного в ритуальной позе священнодействующего жреца.

Не устраняли себя от участия в предвыборной кампании и женщины. Почтенная Тедия Секунда, бабка Луция Попидия Секунда, могла с удовлетворением записать на стене, что она предлагала в эдилы своего внука и провела его на эту должность, — знатная и богатая старуха пользовалась, несомненно, в городе влиянием и авторитетом. Гораздо чаще, однако, рекомендуют женщины совсем другого социального слоя: например Сукцесса, Фортуната, Гельпида, Смирна — бывшие рабыни. Некоторые из них были кабатчицами (как, например, гречанка Феруса, предлагавшая в эдилы Попидия Секунда), которые пользовались, надо полагать, популярностью среди своих клиентов; были среди них и женщины легкого поведения, и вряд ли Клавдий, которого предлагала в дуумвиры его «душенька», был очень доволен такой рекомендацией. Равным образом, едва ли особенно радовались и те кандидаты, которых поддерживали своими надписями веселые дамы, хорошо знакомые им и другим помпейцам по питейному заведению, остатки которого не так давно найдены на территории «Новых раскопок».

Юлий Полибий, по крайней мере, узнав, что пылкая сириянка Смирна и работница из мастерской красильщика Верекунда, которую прозвали «Кукушкой», выступили с поддержкой его кандидатуры, немедленно распорядился стереть их рекомендации. Удалось ему это только отчасти: буквы затерты плохо. Весьма возможно, что через этих женщин действовала чья-то умелая враждебная рука, стремившаяся ослабить противника. Трудно решить, было ли веселой шуткой беззаботных повес или сознательно рассчитанным ударом, направленным против враждебного кандидата, появление на одной из самых бойких улиц городка прекрасно выписанных афиш, рекомендовавших эдилы Церинния Ватиния от имени «всех сонливцев» и «всех пьянчуг».

Рис. 26. Штукатур.

В предвыборной агитации важным человеком был писец-каллиграф, которого нанимали делать надписи. Такому специалисту часто приходилось прибегать к помощи штукатура: дело в том, что надписи, делавшиеся для выборов, оставались по окончании их нетронутыми. Перед новыми же выборами их закрывали слоем свежей штукатурки, по которой писец и выводил затем новую надпись. Археологи получили, благодаря этому обычаю, возможность прочесть не только предвыборные надписи 79 г., но и более старые, которые удалось открыть, осто

можно снимая последовательные слои штукатурки. Таким образом, обнаружены были надписи еще от времен республики: их можно сразу отличить по форме букв, более массивных. Сохранилась интересная фреска, изображающая штукатурка за работой (рис. 26): молодой человек, одетый в тунику, босиком, с непокрытой головой, трудится, стоя на легких переносных

Рис. 27. Избирательная надпись.

грек Онисим, требовали иногда, чтобы об их работе было упомянуто в надписи.

Мызнаемименанесколькихпомпейскихписцов:Инфантион,Флор,Фрукт,Парис,Протоген,Аскавл.Судяпоихименам, среди них было много греков. Не всегда бывает легко определить их социальную принадлежность: среди них могли быть и свободные люди, и рабы, и вольноотпущенники. Эти писцы любили проставлять под надписью свои имена. Служило это одновременно и удовлетворению гордости мастера, и целям рекламы: каждый мог видеть, кто же именно был создателем такой превосходной работы. В последние годы жизни Помпей особенной известностью пользовался писец Инфантион: он работал на Попидия, Куспия Пансу и Церинния Ватию. Работал он артелью, товарищами его и подручными были Флор, Фрукт и Сабин, — любопытный пример античного ремесленного объединения.

Помпейские писцы были не только мастерами каллиграфии, — они были подлинными знатоками рекламного дела. Белая полоса штукатурки, иногда еще как бы вставленная в рамку, заставляла надпись словно выступать из стены; крупные, отчетливо выписанные буквы так и бросались в глаза (рис. 27).

Опытный писец умел искусно скомпоновать надпись: имя кандидата, на котором необходимо бывало сосредоточить основное внимание, он ставил на первом месте, причем выводил его часто буквами значительно более крупными, чем все остальное, иногда достигавшими величины 10, 15, 19 см. Остальная часть надписи выполнялась шрифтом гораздо более мелким, порой даже миллиметровым. В узких помпейских улочках от таких надписей некуда было деваться: они внушали, настаивали, призывали. И думается, среди помпейских граждан оказывалось, вероятно, немало таких, которые отдавали свои голоса тому или иному кандидату просто потому, что имя выдвигаемого человека неотвязно стояло у них перед глазами.

Глава VI

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ

Помпеи были маленьким, но бойким городком с оживленной торговлей и промышленностью, некоторые отрасли которой разрослись так широко, что снабжали своей продукцией не только местный рынок, но и рынки более отдаленные: излюбленный древними гастрономами рыбный соус, так называемый гарум, изготовлялся в Помпеях чуть ли не на всю Италию; помпейские сукновалы одевали и Кампанию и Самний; обилие лавы натолкнуло местных жителей на изготовление жерновов, и уже Катон⁴¹ (середина II в. до н. э.) рекомендовал покупать трапеты (особого вида мельницы, разминавшие масла перед тем как их класть под пресс) у помпейских каменотесов. Некоторые виды промышленности обслуживали, главным образом, местного потребителя; к ним в первую очередь относилось хлебопечение. Помпеи могли сами себя и прокормить и одеть; из окрестных имений, густо расположенных вокруг города, сюда везли всяческое продовольствие: хлеб, овощи, фрукты, оливковое масло, вино. В усадьбах, расположенных ближе к Стабиям, жали, главным образом, масло; к северу от Помпей приготавливали преимущественно вино. Вся эта местность представляла собой почти сплошной виноградник. Сохранилась помпейская фреска, на которой изображен на фоне Везувия Вахс⁴² весь в виноградных гроздьях, как в плаще. Помпейские

вина не принадлежали к числу первосортных, но местные жители, видимо, любили «влагу Везувия» (таково было название одного из самых распространенных сортов местного вина) и вполне ею удовлетворялись. Привозное вино пили редко; вряд ли случайным было то обстоятельство, что среди надписей на винной посуде, битой и целой, названия греческих сортов вин упоминаются редко и очень мало вин даже из других мест Кампании.* Рыбу в изобилии давало море; мясо и сыр — овечьи стада, которые держал почти каждый сельский хозяин. Они же давали и шерсть, которой помпейским текстильщикам нехватало, так что они еще прикупали ее в Самний⁴³ и в Апулии.⁴⁴ Привозными товарами были, главным образом: разная утварь (арретинская посуда,⁴⁵ черепки которой находят и в самих Помпеях, и в окрестных усадьбах) бронзовые изделия из Капуи, железные инструменты и орудия из Путеол.

Нам знакомы далеко не все отрасли помпейской промышленности; мы, например, ничего не знаем о помпейских жерновщиках. Довольно богатым материалом для вопроса производства сукон, изготовления гарума и хлебопечения. На этих отраслях мы и остановимся.

Хлебопечение

«Пекарей в Риме не было до самой войны с Персеем, т. е. больше 580 лет с основания города. Квириты пекли себе хлеб сами; это было, по преимуществу, женским делом». К тому времени, когда Плиний Старший писал эти слова, хлеб в городах пекли дома только немногие состоятельные люди; вообще же горожане, как правило, покупали себе хлеб в пекарнях — будь то в огромном Риме или в крохотных Улубрах, где, по насмешливому замечанию Цицерона, жило больше ля-

* Пятнадцать раз (столько же, сколько и «влага Везувия») названо косское вино, но, исходя из помпейского «каталога вин», написанного на винной посуде, можно утверждать, что это «косское» было собственного изготовления, может быть даже по рецепту Катона. (Виноградный сок хорошей примесью соли или морской воды).

гушек, чем людей. В Помпеях найдено около 40 пекарен; если даже принять это число за окончательное, то окажется, что каждая пекарня обслуживала в среднем около 500—700 человек (считая население города в 20—30 тыс). Больших «хлебозаводов», следовательно, не было. Помпейская пекарня представляла собой, обычно, небольшое предприятие, которое под одной крышей соединяло мельницы, собственно пекарню и зачастую еще хлебную лавку.

Соединение мельниц и пекарни, которое кажется нам столь странным, объясняется особенностями античного мукомольного

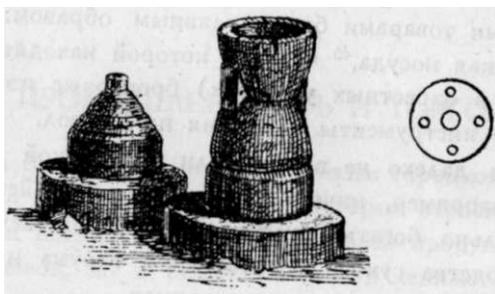

Рис. 28. Мельница. Внешний вид.

дела. Древность не знала ветряных мельниц; они появились только в Средние века. Водяные были, правда, известны уже в начале I в. н. э. Один греческий поэт того времени поздравляет девушек-мукомолок: теперь они могут спать, не обращая внимания на утренний зов петуха, потому что Деметра⁴⁶ велела отныне нимфам вод вращать тяжелые жернова. Широкое распространение водяные мельницы получили, однако, значительно позже (IV—V вв. и. э.). В то время, о котором мы говорим, муку мололи, главным образом, на мельницах, приводимых в действие силами человека или животного. Устроены они были по тому же принципу, что и современные ветряные или водяные мельницы, где зерно размалывается в муку между двумя жерновами, из которых верхний ходит кругом, а нижний неподвижен, но у античной мельницы жернова эти имели совер-

шенно другую форму и по-иному устанавливались (рис. 28). Нижний жернов, утвержденный на круглом вмурованном основании, приподнятые края которого образуют как бы большую чашу, куда ссыпалась при размалывании мука и откуда ее затем выгребали, был обтесан в виде конуса, покоящегося основанием своим на низеньком цилиндре. На этот неподвижный жернов (он назывался «meta», по сходству с милевыми столбами, которые ставились на дорогах, чтобы отмечать расстояния) надевался полый верхний, который охватывал всю конусообразную часть нижнего и возвышался над ней приблизительно настолько же. По форме этот верхний жернов несколько напоминает юбку с корсажем, перехваченную поясом. Если бы эта «юбка» плотно облегла нижний жернов, то повернуть вокруг него верхний было бы невозможно, и античные мельники придумали с помощью очень простого приспособления держать этот верхний, подвижной жернов навесу. В мету, в самую верхушку конуса, вделывали крепкий железный стержень, а внутрь верхнего жернова, в самое место перехвата, вставляли круглую толстую железную шайбу с пятью отверстиями, самое большое из которых приходилось точно в середине. При насадке верхнего камня на нижний, шайба надевалась как раз этим отверстием на вышеупомянутый стержень; таким образом, верхний жернов сидел, слегка покачиваясь, на вершине конуса, и между его «юбкой» и этим конусом оставался узенький зазор. «Корсаж» служил воронкой для засыпки зерна, которое постепенно через отверстия в шайбе стекало в этот зазор, где и размалывалось при вращении верхнего жернова вокруг нижнего. По бокам верхнего жернова, «на поясе», проделано было два больших четырехугольных отверстия, куда вставляли, прихватывая их шквореньками, прочные деревянные ручки, взявшись за которые рабочие и приводили в движение верхний жернов.

Если мельница была очень велика и вертеть ее было под силу не людям, а только животным, то тогда к ней прилаживали особое сооружение, тоже простое и остроумное (рис. 29). В верхушку меты вставляли стержень такой длины, чтобы он выдавался над краями верхнего жернова; концом своим, выкованным

чаще всего в виде равнобедренного треугольника, он входил в отверстие крепкой штанги, прочно укрепленной поперек «корсажа» (если штанга была деревянной, то отверстие это обивали для прочности железом). Таким образом, верхний жернов опять оказывался надетым на стержень нижнего.

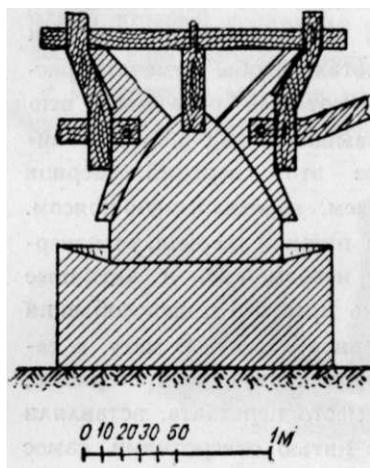

Рис. 29. Разрез мельницы.

на на вывеске, красовавшейся на одной из помпейских пекарен. Высотой стержня, вделанного в мету, обуславливалась большая или меньшая ширина зазора, в который сыпалось зерно, а от этого, в свою очередь, зависело качество помола — более мелкого или более грубого. *

Смолотую муку замешивали таким же образом, как это обычно делается и у нас. Ее высыпали в корыто, поливали водой и клали закваску. Квашеный хлеб считался здоровее пресного. Закваской в те времена, о которых идет речь, служил обычно кусок старого прокисшего теста. Месили тесто руками, но в более крупных пекарнях существовали особые машины для вымешивания; мы часто видим их на изображениях из жизни античных пекарей, и остатки таких машин найдены в нескольких помпейских

* К одной из очень хорошо сохранившихся помпейских мельниц приделали такую раму, впрягли осла и, засыпав зерна, пустили ее в ход. Мельница помола превосходно.

значительно выходящей за обе стороны жернова, и в ручки «на поясе» вделывались крепкие железные полосы или деревянные бруски; верхняя часть мельницы оказывалась теперь как бы вставленной в четырехугольную раму, с помощью которой припряженное к ней животное и вращало жернов. Именно такая мельница с мулом в упряжке была изображе-

на на вывеске, красовавшейся на одной из помпейских пекарен. Высотой стержня, вделанного в мету, обуславливалась большая или меньшая ши-

пекарнях (рис. 30). Устройство их чрезвычайно простое: в большую, цилиндрической формы кадку для теста, изготовленную из лавы, вставлен вращающийся столб с тремя лопастями, а в стенках кадки с противоположных сторон и на разной высоте проделано два узких и глубоких отверстия, куда вставлялись крепкие палочки. Столб приводился в движение с помощью рычага-рукоятки, укрепленной сверху его; лопасти вымешивали хлеб, в то время как боковые палочки непрерывно сбрасывали

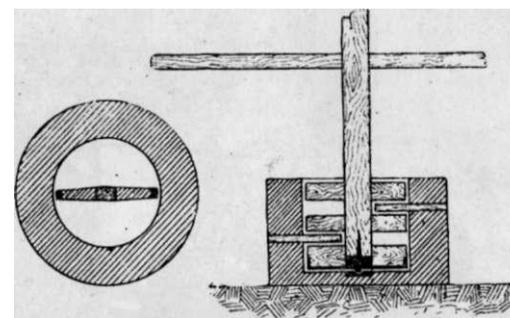

Рис. 30. Прибор для замешивания хлеба (разрез)

с них налипавшие на них куски теста. Хорошо и равномерно вымешанное таким способом тесто выкладывали затем на длинный стол, и, раскатав его там, клали в формы и ставили в печь.

Помпейская хлебная печь в некоторых частях своих очень близко напоминает нашу русскую деревянную печь (рис. 31). Основной ее частью — печью в узком смысле слова — был конусообразный свод, сложенный из кирпича над подом, тоже кирпичным, выложенным на извести. Чтобы тепло лучше сохранялось, под кирпичи насыпали слой песка приблизительно в 10 см. В хороших печах над этим сводом выкладывали еще четырехугольную камеру, своего рода душовой. Устье печи закрывалось железной заслонкой с ручками и выходило, как у нас, на широкий и длинный шесток, прикрытый сводом и опирающийся чаще всего тоже на свод, под которым находилось обширное подпечье, где сушились дрова, а порой и овощи. Печь ставили обычно так, чтобы с одной сто-

роны ее приходилась комната, где формовали хлеб, а с другой — хлебная кладовая. В боковых стенках шестка устраивались небольшие окна; через одно из них подавали на шесток хлебы для посадки в печь, через другое пекарь передавал уже готовые

Рис. 31. Хлебная печь.

хлебы в кладовую, где хлеб остывал и хранился потом до продажи.

Познакомимся теперь с планом и оборудованием одной из самых больших помпейских пекарен (рис. 32). Она находилась в обширном жилом доме на Консульской улице, как условно

называют эту улицу современные археологи. Под пекарню была отведена его задняя часть, выходящая в маленький переулок. Середину ее занимало просторное помещение (1) (10,2 X 8 м), в котором стояли, образуя вытянутый ромб (это давало наибольшую экономию места), четыре мельницы. Пол вокруг них был вымощен такими же плитками, какими мостили улицы, — осликам, вертевшим мельницы, было легче ходить по этим мощеным дорожкам. Конюшня для них находилась тут же рядом (2). По другую сторону мы видим печь (3), помещенную, как и было сказано, между комнатой, где раскатывали тесто (4), с большим столом посредине и кладовой (5). Напротив этой комнаты, непосредственно прилегая к конюшне, находилось помещение для рабов (6), работавших на мельнице; здесь был и очаг, на котором они варили себе пищу; отсюда же наливали они воду в большое водопойное корыто для скота, которое вделано было прямо в стену, отделявшую их комнату от конюшни.

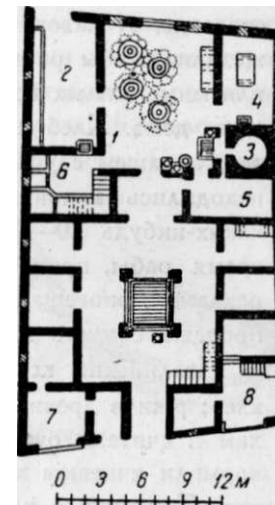

Рис. 32. План пекарни.

1 — помещение для мельниц; 2 — конюшня; 3 — печь; 4 — комната для вымешивания и раскатывания теста; 5 — кладовая; 6 — помещение для рабов, мельников и пекарей; 7, 8 — хлебные лавки.

В доме, где расположена была эта пекарня, с противоположной стороны имелись две лавки (7 и 8), с несколькими помещениями каждая. С домом, однако, а следовательно, и с пекарней они связаны не были: войти в них можно было только с улицы. Мы встречаем, впрочем, в Помпеях и такого рода пекарни, которые непосредственно связаны с лавкой; в таких случаях нет никакого сомнения, что хозяин пекарни тут же и торговал своим хлебом, объединяя в своем лице мельника, пекаря и торговца. Как же обстояло дело в пекарне, план которой дан на рис. 32, и во множестве других, ей подобных, не имевших хода в лавки,

но помещавшихся в одном с нею доме? Принято думать, что в таких случаях хозяин не торговал от себя хлебом. Возможно, что он был крупным оптовиком, который партиями поставлял свой товар хлебнику, торговавшему по мелочам. Возможно, однако, и другое предположение: быть может, пекарни были отрезаны от лавок, находившихся в доме, нарочно — хозяева не желали, чтобы рабы сновали из пекарни в лавку через атрий или мимо жилых комнат и нарушали бы покой господской половины дома. Хлеб из пекарни переносился в лавку иным путем: так, в нашем случае, рабы выходили из помещения, в котором находились мельницы, и, обогнув угол, пробегали до лавки каких-нибудь 20—30 м (расстояние незначительное). В то же время рабы, пронесившие корзины с хлебом, служили живой рекламой, оповещавшей весь квартал о том, что сейчас начнется продажа свежего хлеба.

Италийские пекарни выпекали исключительно пшеничный хлеб; ржи в древней Италии не сеяли, знали ее больше по слухам и считали очень вредной для желудка; гладиаторов часто кормили ячневым хлебом, но его для них пекли в их же казармах. Пшеничный хлеб выпускали самых разнообразных сортов, в зависимости от качества муки и от приправ, которые клали в тесто. Первосортный, так называемый «белый» или «чистый» хлеб выпекали из самой лучшей муки. В романе Петрония разбогатевший выскочка, не знающий меры хвастовству своим богатством, кормит таким хлебом дворового пса. Хлеб второго сорта так и назывался «вторым» или «следующим». Август предпочитал его всякому другому, и Александр Север оделял им с царского стола всех присутствующих. Хлеб третьего сорта выпекался из грубой муки с большой примесью отрубей; его ели бедняки и рабы. Для армии полагался особый «воинский» хлеб.

Любители поесть требовали сдобного теста, поставленного на молоке и на яйцах. Плиний, «считая излишним перечислять разные сорта хлеба», называет все-таки девять, различающихся преимущественно способом приготовления. В Помпеях, кроме обычных пекарен, нашли и кондитерскую, где пекли пирожные, дошедшие до нас в обуглившемся виде. Одна довольно безгра-

мотная надпись на стене говорит о каком-то пирожнике Верекунде.

Помимо простых рядовых хлебников, были в Помпеях еще и «клибанарии» — пекари, получившие свое название от особой печки «клибана», в которой они пекли свой хлеб. Печка эта напоминает переносную жаровню: вверху она уже, внизу шире, иногда с двойными стенками, между которыми насыпали горячих углей; часто в такой печи делались отверстия по низу. В эту жаровню клали тесто, закрывали ее крышкой и засыпали горячими углями или же разводили под ней огонь. Считалось,

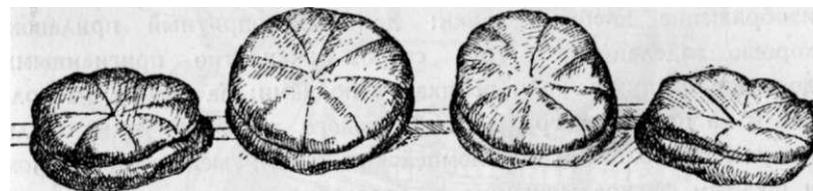

Рис. 33. Хлебы, вынутые из печи в Помпеях.

что хлеб в клибанах пропекался равномернее и лучше, и врачи рекомендовали его как более удобоваримый.

Во многих помпейских пекарнях были найдены обугленные, но хорошо сохранившие свою форму хлебы; в одной печи их лежало больше 80 штук (рис. 33). Обыкновенный хлеб выпекали или небольшими продолговатыми булочками, вроде пирожков, или же круглыми ковригами, которые обычно сажали в низеньких формах; перед тем как поставить в печь, их делили пальцем крестообразно на четыре части, чтобы потом хлеб было легче ломать (столовые ножи не были у древних в таком ходу, как у нас). Старая крестьянка, где-нибудь в деревне и в настоящее время метаящая хлеб знаком креста перед тем как посадить его в печь, не думает конечно, что жест ее продолжает традицию античных пекарей и что он только позже, в христианской среде, был осмыслен как крестное знамение. Иногда хлеб делили на 8—9, а то и на 10 частей; такие хлебы изображены на одной помпейской фреске.

Торговля хлебом в Помпеях происходила в хлебных лавках и вразнос, с лотка. Сохранилась фреска, изображающая такого булочника-лоточника, который пришел со своим товаром на рынок: он поставил корзинки с хлебцами на низенький столик и не успел еще их выложить, как к нему подошли покупатели; на земле, рядом со столиком стоит большая корзина, в которой рядками уложены такие же хлебцы, очень похожие на наши французские булочки. Есть и другая фреска, в которой раньше усматривали изображение хлебной торговли, а сейчас видят сцену из жизни городской бедноты: эдил даром раздает хлеб народу (рис. 34). Как бы то ни было, на ней дано превосходное изображение хлебной лавки: длинный опрятный прилавок, хорошо заделанный с трех сторон аккуратными пригнанными досками; за ним открытый шкаф с полками; на шкафу, на полках и на прилавке груды хлеба такого же вида, какие были вынуты археологами из помпейских печей; между прилавком и шкафом фигура мужчины в белом на высоком стуле, — он подает хлеб людям, стоящим у прилавка с наружной его стороны; таких людей трое — мальчик-подросток, обеими руками жадно тянущийся к хлебу, и двое взрослых мужчин с всклокоченными волосами и выразительными типично южными лицами.*

Попробуем ближе присмотреться к помпейским хозяевам пекарен и к рабочим, мельникам и хлебопекам. Материал, имеющийся в нашем распоряжении, к сожалению, беден: несколько литературных свидетельств, кое-какие археологические данные,

* Новое объяснение этой фрески поддерживается следующими соображениями: во-первых, человек, получающий хлеб, не платит за него денег; во-вторых, сидящий за прилавком явно не похож на простого торговца, — это сытое холеное лицо с застывшим выражением официальной, чуть-чуть презрительной благожелательности принадлежит человеку, которого отделяет пропасть от голодных людей у прилавка, так радующихся большому короваю; в-третьих, магистрат, раздававший хлеб, помещался обычно на некотором возвышении, что мы и видим на нашей фреске (обыкновенному продавцу нечего было взбираться так высоко). Лицо сидящего за прилавком имеет явно портретные черты: уже не изобразил ли себя здесь помпейский эдил, хозяин пекарни и булочной, в роли щедрого благотворителя, даром угощающего бедных сограждан?

некоторое количество надписей, но при всей скудности своей он, тем не менее, достаточно красноречив.

Торговлей хлебом в Помпеях занимались и представители старых аристократических родов и люди из суетливого делового

Рис. 34. Раздача хлеба.

мира. В старинной части города, на добрую половину одного из его кварталов (между улицей Августалов, Кривым переулком и Хлебной улицей), раскинулся богатый, со множеством комнат и прекрасным перистилем, дом Попидия Приска. В задней части дома, далеко от жилых его комнат (чтобы хозяев не беспокоил шум мельниц, крик ослов и гомон рабочих) находится пекарня:

пять больших мельниц, машина для вымешивания теста и печь, в которой за день могло выпекаться до двух тысяч хлебов. Попидий — старинный и знатный род; в перистиле у Приска стоит камень, на котором его родовое имя написано еще оскскими буквами. Попидиев мы встречаем среди помпейских магистратов; их имя популярно в народе; им пишут приветствия на форуме и дают почетные прозвища. Кто-то из семьи самого Приска служил в преторианской гвардии. Рядом с этим хлебником-аристократом скромный Теренций Прокул, у которого на Стабиевой улице (через квартал от пекарни. Теренции не принадлежат к помпейской аристократии, — это невидная семья, выбившаяся, по всей вероятности, из низов и сумевшая создать себе прочное состояние и уважаемое в деловой среде имя; в денежных документах помпейского богача и банкира Цецилия Юкунда они часто упоминаются как свидетели.

В жизни Помпей, как и в жизни всех италийских городов, хлебники играли видную роль. От них многое зависело: они могли до известной степени и скрасить и сделать почти невыносимым существование бедного люда. Хлебная торговля находилась, правда, под надзором городских властей; цены на хлеб нельзя было вздувать, но хлебные буханки можно было выпекать меньше, даже значительно меньше положенного веса, особенно когда удавалось уговорить эдилов смотреть на дело сквозь пальцы. Недаром же один из гостей Тримальхиона в романе Петрония патетически жалуется: «Провались эти эдилы пропадом, снюхались ведь с хлебниками. Известно — рука руку моет. Бедный народ страдает, а у этих толстопузых всегда сатурналии. Эх, были бы живы те соколы, которых я застал, когда только что приехал из Азии. .. Купишь, бывало, хлеба за асс (1 1/2 коп.) и вдвоем не прикончить, а теперь, пожалуй, у иного вола глаза побольше». Жалобы эти при всем своем комизме драгоценны изображением закулисных сторон городской жизни. Если эдилы оказывались взяточниками, а хлебники жадными до наживы бессовестными людьми, то управы на них было не найти, особенно простонародью. Приходилось, хотя бы

и с воркотней, покупать «хлебцы меньше воловьего глаза» и голодать, смиренно поджидая подачек от города или от какого-нибудь богатого милостивца, заинтересованного в том, чтобы расположить к себе народ. Хлебники были силой, и когда они на городских выборах выдвигали своего кандидата, не забывая упомянуть о его профессии — «человек заботливый [подразумевается, конечно, что будет заботиться о населении] и хлебник», то, вероятно, рекомендация эта звучала для многих как приказание.

Хлебная торговля была делом доходным, и тот хлебник, который начертал на своей хлебной печи магическую формулу, отвращающую злое — «здесь обитает благополучие», действительно мог верить, что благополучие поселилось в его доме. Мы не знаем ни хлебных цен, ни тем менее, их колебаний в Помпеях, но уже одно количество пекарен говорит о выгодности этого предприятия. И вряд ли за него брались бы люди вроде Теренция Прокула, знавшие цену деньгам и стремившиеся к обогащению.

Кто же работал у этих богатых и богатеющих людей, и какова была жизнь их рабочих?

Апулей,⁴⁷ приведший своего героя, превращенного в осла, в конце концов на мельницу, оставил страшное описание и людей и животных, там работавших: «Боже мой, что за люди! вся кожа у них была изукрашена синяками, изодранные плащики из лоскутьев не прикрывали их избитой спины, а только бросали на нее тень; у некоторых коротенькая одежонка доходила лишь до паха, у всех туники были такие, что через дыры сквозило тело; на лбах клейма, полголовы обрито, ноги в кандалах, землисто-бледные, полуослепшие от жара и дыма, которые туманом стояли в темном помещении, разъедая их веки, серые от мучной пыли, которой они были осыпаны наподобие кулачных бойцов, посыпающих себя песком, когда они бьются. А что сказать и как сказать мне о животных, моих товарищах! какие это были старые мулы и обессилевшие мерины! Опустив головы в ясли, они уничтожали горы мякины; шеи в гнойных болячках сотрясались от одышки, вялые ноздри расширялись от постоянных при-

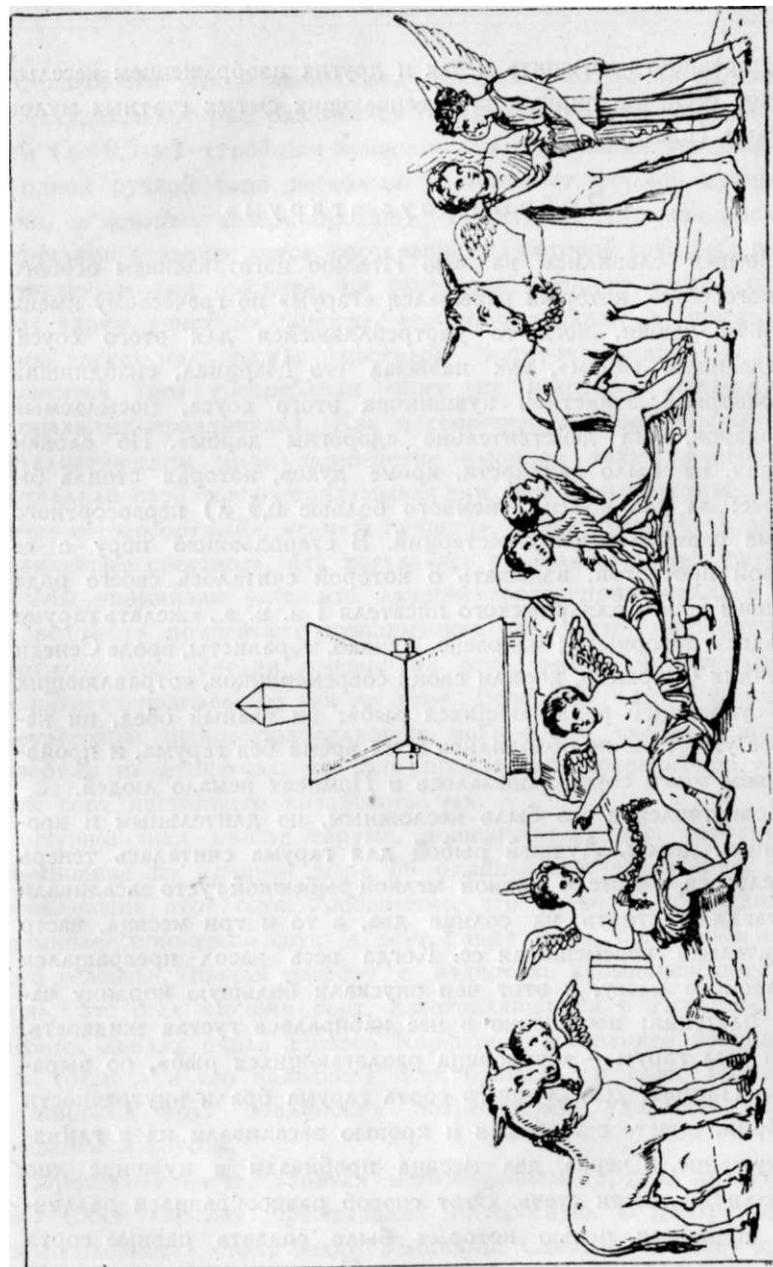
ступов кашля, грудь в ранах от постоянно натирающей веревочной привязи, ребра, почти вылезшие из кожи от постоянного битья, копыта, чудовищно расплющившиеся от постоянного кружения, шкура, шершавая от худобы и застарелой чесотки».

Это описание в основном позволяет нам представить себе античную пекарню, как своего рода каторгу. Мы знаем, что провинившихся рабов нередко отправляли туда в наказание: комедии Плавта⁴⁸ полны хозяйских угроз отослать нерадивого раба на мельницу и рабских горьких воспоминаний о пребывании там. Монотонная, изнурительная работа, едкая мучная пыль, полутемное помещение, жар от накаленной печки, отсутствие солнца и свежего воздуха, лихорадочная работа при посадке хлеба — всего этого и без хозяйских понуканий и побоев уже было достаточно, чтобы сделать пекарню тех времен страшным местом. Мучились на мельнице не только люди, но и животные. Работали там обычно ослики, но нередко здесь же кончал свою жизнь и благородный состарившийся рысак, километр за километром кружась по одной дорожке, в наглазниках, под ударами погонщика, так же замученного, как и он. Замечательно, что на стенах помпейских пекарен почти нет надписей, столь многочисленных в других местах; только цифры, цифры, цифры и при них буквы: счет хлебов или модиев муки и условные обозначения чего-то, не то сортов хлеба, не то инициалы имен работников, подавших или унесших столько-то буханок. Работавшим в этом аду было и некогда, да, видимо, и не под силу заниматься посторонними мыслями.

Работали в пекарнях и днем и ночью; хозяева не были щедры на праздники; единственный день в году, когда отдыхали все работавшие на мельницах и люди и животные, был праздник Весты в июне. О нем поэт Овидий⁴⁹ пишет:

**Вот увенчали ослов: гирляндой с них хлебцы свисают;
Мельниц стоят жернова убранны в блеске венков.**

Художник нарисовал в Помпеях фреску, изображавшую этот праздник, но не осмелился показать замученных людей и живот-

ных, предпочтя заменить и тех и других изображением веселых эротов, беспечно пирующих и венчающих сытых статных мулов цветами (рис. 35).

Рыбный соус «гарум»

Помпеи славились на всю Италию изготовлением особого рыбного соуса, который назывался «гарум» по греческому имени какой-то рыбки, когда-то употреблявшейся для этого соуса. «Горделивый гарум», как называл его Марциал, снабдивший стихотворной этикеткой кувшинчик этого соуса, посылаемый в подарок, был действительно «дорогим даром». По словам Плиния, не было жидкости, кроме духов, которая стоила бы дороже: за два конгия (немного больше 6,5 л) первосортного гарума платили тысячу сестерций. В стародавнюю пору с ее суровой простотой, вздыхать о которой считалось своего рода хорошим тоном для римского писателя I в. н. э., «желать гарума считалось позорным»; напрасно, однако, моралисты, вроде Сенеки и Плиния Старшего, корили своих современников, «отравляющих себя сукровицей разлагающихся рыб»: ни званый обед, ни парадное угощение не обходились в их время без гарума, и производством этого соуса занималось в Помпеях немало людей.

Приготовление его было несложным, но длительным и кропотливым делом. Лучшей рыбой для гарума считалась теперь макрель; ее вместе с разной мелкой рыбешкой густо засаливали и оставляли стоять на солнце два, а то и три месяца, часто и тщательно перемешивая ее. Когда весь засол превращался в сплошную массу, в этот чан опускали большую корзину частого плетения; постепенно в нее набиралась густая жидкость. Это и был гарум — «сукровица разлагающихся рыб», по выражению Плиния. Для лучшего сорта гарума брали внутренности скумбрии, вместе с жабрами и кровью засаливали их в глиняном кувшине, а через два месяца пробивали в кувшине дно и давали жидкости стечь. Этот способ разнообразился различными приемами, целью которых было создать разные сорта гарума, число которых, по уверению Плиния, увеличивалось до

бесконечности. Мы узнаем о них главным образом из надписей на сосудах, в которые разливался гарум: разливали его по высоким (до 0,5 м) стройным кувшинчикам с узеньким горлышком и одной ручкой (они несколько напоминают формой кувшинчики, в которых теперь продают ликеры), на которых писали чернилами название соуса, сорт рыбы, из которой соус был приготовлен, и имя рыбника, из заведения которого вышел соус. Был гарум «чистый» (иногда его готовили с примесью вина, уксуса или воды); «постный», изготовлявшийся из рыб с чешуей (его употребляли евреи на некоторых своих национальных праздниках). Как и современные торговцы в капиталистическом мире, помпейские рыбники также наперебой выхваляли свой товар, придумывая для него самые лестные эпитеты: «первосортный», «самый лучший», «превосходный» и даже «наилучшее съестное», как догадалась его назвать одна фирма.

Мы упоминали уже, что лучший гарум готовился из макрели; на помпейских кувшинчиках так часто повторяется, что соус этот сделан именно из этой рыбы, что невольно возникает подозрение: так ли это? Вспомним, как, бывало, чаеоторговцы, щедро подбавлявшие иван-чай к своему товару, заверяли на этикетках, что они предлагают потребителю лучший сорт настоящего китайского чая.

Кувшинчики из-под гарума, дошедшие до нас, сохранили упоминание по крайней мере об одиннадцати заведениях, изготовлявших этот соус. Любопытно, что только одна надпись упоминает привозной соус: в доме Гавия Руфа, богатого и видного человека, нашли амфорус надписью «компанийский гарум»; это был высший сорт, изготовлявшийся в рыбных ловлях около Нового Карфагена, компанией откупщиков (отсюда и его название). Как правило, и сами Помпеи, и широкий круг италийских потребителей удовлетворялись помпейским соусом.

Промышленность, занятая изготовлением гарума, представляет собой картину чрезвычайно интересную. В центре этой промышленности стоит некий Умбриций Скавр — человек, судя по имени, «новый». Сын его был, однако, дуумвиром, т. е.

стоял во главе городского управления, и, когда он умер, городская община постановила воздвигнуть ему на формуле конную статую, выдать две тысячи сестерций на похороны и отвести место для надгробного памятника. Мы не знаем, за что именно удостоился таких почестей сравнительно молодой человек; несомненно однако, что щедрость декурионов была ответной: умершего дуумвира благодарили за какую-то из ряда вон выходящую благотворительность, проявленную им по отношению к родному городу. Отец, видимо, широко снабжал деньгами сына, желая украсить свое богатство блеском муниципальных почестей и вдвинуть свою семью в ряды городской знати. Денег у него было с избытком; дело его процветало. Мы неоднократно встречаемся с его этикетками: «из заведения Умбриция Скавра». Он придумал который и получил название «скаврова» и, видимо, пришелся по вкусу потребителям, по крайней мере в Помпеях. Кроме главной «оффицины», были у него и отделения; во главе одного стоял раб Евтих — грек, судя по имени. В случае, если судьба окажется к нему благосклонной, он, скопив достаточно денег, откупится на волю или получит освобождение по милости хозяина за свои перед ним заслуги и, может быть, будет заниматься знакомым делом уже самостоятельно, заведя собственное предприятие. По крайней мере, его товарищи, вышедшие на свободу, поступали именно так: вокруг официны Умбриция Скавра появляется ряд других официн, открытых его вольноотпущенниками: официна Умбриция Абасканта, официна Умбриция Фортунаты. Хозяева новых предприятий поспешно забирают в свои руки производство гарума, заверяя покупателей, что они готовят настоящий «скавров» соус и, разумеется, измакрелей. Так рекламирует свой товар некий Агафопидишедва человека, имена которых кармунаторство (или фолад), которые и у современных итальянцев почитаются лакомством. Способ ловли их был таким же, как и у нынешних итальянских рыбаков: от известняковых скал отбивали большие куски, пробуравленные камнеточками, и выбросив их на люсков. Кучу таких обломков нашли вместе с рыболовными принадлежностями.

Особняком от Скавра стояло предприятие Корнелия Гермерота, вольноотпущенника знатной семьи Корнелиев. В конкurrence с Умбрием Скавром он, по видимому, не вступал;

специальностью его заведения было особый высокий сорт гарума, называвшийся в обиходе п...

Это обилие официн, изготовлявших рыбный соус, и размер производства, снабжавшего своими изделиями всю Италию, заставляют предполагать, что рыболовство в Помпеях было занятием, которому отдавали свои силы и умение сотни людей. К сожалению, мы ничего не знаем об организации рыболовного дела в Помпеях. По римским законам каждый имел право, не платя никаких налогов, ловить рыбу в море. Было бы интересно знать систему организации самой ловли: ловили ли рыбу самостоятельно отдельные рыбаки, продававшие затем свой товар рыбакам, соединялись ли они в артели или работали по какой-то новой системе, вероятно, что совместно уживались все три вида организации рыбного промысла. Рыбаков мы встречаем в одной избирательной надписи, в которой они рекомендуют в эдилы некоего Попидия Руфа. Но мы не в силах решить, сделана ли была эта надпись от лица самих рыболовов или же от лица хозяев ловецких ватаг.

Нам теперь только известно, каким способом ловили рыбу.. В декабре 1925 г. на водяной мельнице у реки Сарно ставили, новую турбину и среди многочисленных интересных находок,, полученных при этих случайных раскопках, нашли ряд предметов, относящихся к рыболовному делу: медные крючки и большое количество медных грузил. Рыбу ловили, следовательно, не только удочками, но и неводами, к нижней кромке которых привязывали, как это делают и теперь, тяжелые грузила; верхнюю поддерживали пробковые поплавки. Занимались рыбаки также извлечением из моря особых съедобных моллюсков, свежих хорь кармунаторство (или фолад), которые и у современных итальянцев почитаются лакомством. Способ ловли их был таким же, как и у нынешних итальянских рыбаков: от известняковых скал отбивали большие куски, пробуравленные камнеточками, и выбросив их на люсков. Кучу таких обломков нашли вместе с рыболовными принадлежностями.

Шерстяная промышленность

Вся древняя Италия от раба до сенатора одевалась в шерстяные ткани. Лен сеяли в небольшом количестве; полотно употребляли преимущественно для парусов, палаток и огромных тентов, которые в зной и непогоду растягивали над толпой, собравшейся в амфитеатр или на театральное представление. Италия долгое время славилась своей шерстью и шерстяными изделиями. Стада итальянских овцеводов исчислялись миллионным поголовьем; особенно славилась своей шерстью долина реки По и южная Италия, куда завезены были некогда греками тонкорунные овцы из Милета.⁵⁰ В Кампании держали много овец; по остаткам довольно многочисленных усадеб, раскопанных под Помпеями, можно видеть, что почти не было хозяйства, которое не имело бы хотя маленького овечьего стада. Помпеи были местом оживленной шерстяной промышленности и снабжали шерстяными тканями не только Кампанию, но и соседний Самний.

Сукно в древности изготовлялось таким же способом, как и теперь: шерстяную ткань в помпейских сукновальнях превращали в сукно с помощью тех же операций, что и на современных суконных фабриках; разница только в масштабах производства и в том, что теперь работают машины. Шерстяная ткань становится сукном, потому что поверхность овечьей шерсти покрыта чешуйками или зубчиками, которые придают ей цепкость и способность, особенно под влиянием влаги, тепла и механических сотрясений, плотно сцепляться с соседними волосками или, как говорят, «сваливаться». Первой работой сукнодела, современного и античного, было валяние шерстяной ткани. Теперь эту работу исполняют особые сукновальные машины, в которых шерстяная, пропитанная теплой жидкостью ткань пропускается между двумя вращающимися цилиндрами и протискивается в узкий желоб с крышкой, приваленной грузом. Ткань продвигается в них с трудом, сильно сжимается, трется о стенки желоба и о крышку и таким образом сваливается. В старых машинах ткань сваливал своими ударами пест

особого устройства. У античного сукновала не было в распоряжении даже такого песта. Следует еще заметить, что сукновальня в древности была одновременно и прачечной, где производилась стирка и починка старой одежды, причем итальянские сукновалы («фуллоны» по-латыни) были в этом деле большими мастерами: самая ветхая одежда выходила из их рук в таком виде, что¹ ее с трудом можно было отличить от новой.

В 1825 г. на одной из самых аристократических помпейских улиц, на улице Меркурия, начали раскапывать здание, которое оказалось сукновальной, при этом самой большой из всех, найденных в Помпеях. Кроме специального оборудования, здесь нашли еще драгоценный документ, объясняющий работу фуллона, — это своего рода история в фресках, которыми был расписан во внутреннем дворе большой угловой столб, служивший вместе с другими опорой для террасы, где развешивали для просушки мокрые сукна. На первой фреске (рис. 36) изображены четыре перегородки; в каждой находится по глубокому круглому чану, полному до краев какой-то жидкостью. В ней стоят рабочие; трое (немолодой лысый человек и двое юношей), вытащили из чана по куску материи и держат ее навесу, чтобы стекала вода; четвертый (юноша), опершись руками о стенки своей ниши, подпрыгивает вверх, исполняя знаменитый «танец фуллонов», с помощью которого античный сукнодел валял сукно и в то же время промывал его: сукновальный пест и стиральную машину заменяли ему собственные ноги. *

Мылом для стирки в древней Италии не пользовались, и чтобы смыть с шерсти грязь, сукновалы клали в воду шелок или особую так называемую «сукновальную глину», которая обладает способностью впитывать в себя жир. Иногда вместо воды пользовались мочей животных (особенно хорошей считалась верблюжья) или человека: моча, постоявшая несколько

* Художник, у которого не все ладилось с пропорциями человеческого тела, изобразил этого юношу гораздо выше его товарищей с явным намерением показать, как высоко приходится ему прыгать.

дней, образуется жиром, впитавшимся в ткань, жидкое аммиачное мыло, прекрасное для стирки. Фуллоны часто выставляли на улицах большие посудины для прохожих; Марциал упоминает их в одной очень резкой эпиграмме. В «Новых раскопках», неподалеку от дома, где жил сукновал Фабий, на углу нашли большую винную амфору с отбитым горлышком; это и была «старая посуда скупого фуллона» (Марциал) — единственный экземпляр, сохранившийся на своем

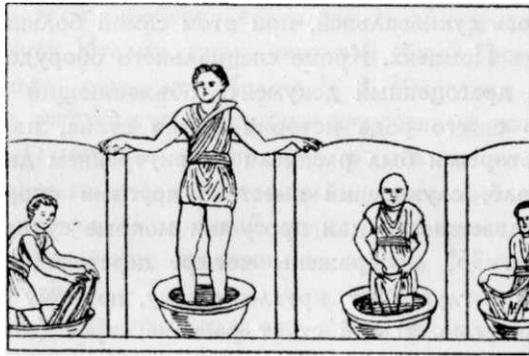

Рис. 36. „Танец фуллонов“.

месте. Материю, вынутую из чанов,* тщательно и неоднократно прополаскивали, развешивали на веревках или жердях (за сукновалами закреплено было законом право развешивать свой материал даже на улицах), давали ей подсохнуть и затем приступали к ворсованию — к следующей работе, изображенной на другой фреске.

Цель ворсования — образовать на поверхности плотно сваленной материи слой торчащих волокон и придать ей, таким образом, пушистость и приятную мягкость. Для этого теперь поверхность ткани надирают ворсовальным барабаном, к обоим краям которого прикреплены узкие рамки с насаженными на них

* Форма этих чанов делает понятным их название у Катона: «сукновальная ступка». Название это было подсказано и самой работой фуллона, игравшего роль как бы живого песта.

шишками ворсянки (*Dipsacus fullonum*). В Помпеях сукно называются «грязь». Фуллоны часто надирали вручную или шкуркой ежа («без его игл мягкая овечья шерсть была бы ни к чему людям», — замечает Плиний), или шишками чертополоха, из которых делали особые ворсовые щетки. Такую щетку видим мы в руках женщины на фреске из той же серии; она чистит ее палочкой (рис. 37). На другой фреске изображен молодой работник, который как раз, по видимому, шкуркой ежа надирает желтую с красными волнистыми полосами материю, свисающую с подвешенной к потолку жерди. К нему направляется другой юноша, который несет на плечах легкую плетеную клетку, напоминающую по форме остов кочевой юрты (рис. 38). На эту клетку натягивали ткань, вымытую и

прошедшую через руки ворсовальщика, если только

Рис. 37. Передача готовой ткани и чистка щетки.

она не была крашеной, а внутри клетки ставили сосуд с зажатой серой. Его и держит в руке один из юношей фрески; такие сосуды и до настоящего времени употребляются в Италии для углей. Серные пары уничтожают всякие пятна, особенно органического происхождения, например винные.

После окуривания серой материю «крахмалили», т. е. натирали особым сорта глиной, которая делала материю блестящей и предохраняла ее от быстрого загрязнения. Плиний приводит старый закон, который определял порядок работы сукновала: одежду надлежало сначала вымыть вместе с сардинской глиной, затем окурить серой и натереть умбрийской или кимойской глиной (с маленького жашего между Сифносом и Мелосом), а если ткань была бе-

лой, то так называемой «скалой» (сорт глины). Затем материю, чтобы она не мялась, клали под пресс, изображение которого имеется на наших фресках (рис. 39). Между двумя крепкими столбами, соединенными сверху перекладиной, неподвижно укреплена одна доска; над ней находится несколько других, которые можно поднимать и опускать. Между ними и укладывают ткани, сжимая доски двумя винтовыми тисками. Такой пресс в значительной степени заменял современный утюг.

Рис. 38. Ворсованье и окуриванье

Эти фрески в значительной мере помогли понять оборудование открытых помпейских сукновален и в свою очередь были ими объяснены. Во всех найденных сукновальнях имеются похожие на стойла загородки (рис. 40), в которых сукновалы исполняли свой «танец», затем помещения, предназначенные для пресса, а также огромные резервуары, в которых начисто отмывали ткани, вынутые из «сукновальных ступок». В сукновальне на улице Меркурия в большой сводчатой комнате, рядом с поместительной ванной для прополаскивания тканей, стоял узкий каменный стол на котором мокрую материю били вальками или палками, как и посейчас бьют белье на речках

деревенские прачки. Очень просторная, богатая воздухом комната служила сушильной; терраса над перистилем использовалась для этих же целей. Большое количество глины нашли в сукновальне, принадлежавшей городу и бывшей незадолго до гибели Помпей в аренде у Везония Прима. В сукновальне, находившейся в Переулке с висячим балконом,

в сушильне ясно видны дыры, в которые вставлялись жерди для развешивания просушиваемых тканей.

Чрезвычайно интересно то обстоятельство, что из помпейских сукновален, до сих пор найденных, нет ни одной, которая была бы выстроена со специальной целью служить сукновальней: под них переделывают или, вернее, к ним приспособливают обычные жилые дома. В «большой сукновальне» на улице

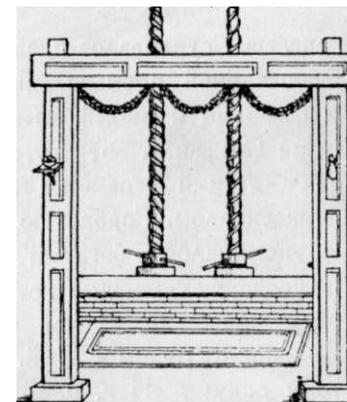

Рис. 39. Пресс для одежды.

Меркурия к требованиям сукнодельного производства приспособлен был перистиль и комнаты, расположенные вокруг него; следы старого богатого жилья сохранились в уцелевшей кое-где стеной росписи некоторых комнат (в других местах, например в сушильне, роспись почти совсем стерлась); в хороших мозаичных полах, в обширном старом, впоследствии переделанном и обезображенном этой переделкой, коринфском атрии. Водоемы и стойла для чанов в городской сукновальне захватили для себя почти весь перистиль. Сукновальня вольноотпущенника Стефана помещалась в перистиле и атрии; здесь на стенах тоже сохранились типичные для жилого дома декорации; атрий превращен в мастерскую и комнату для заказчиков; бассейн, находившийся посередине, хозяин обвел камен-

ной стеной и превратил в ванну для прополаскивания тканей; в одном углу перистилия отгорожено несколько стоил для «сукновальных ступок»; рядом, в бывшем садике — три длинных водоема, целиком его занявших. У самого входа, так же как и в городской сукновальне, помещался пресс: готовое платье или сукно удобно было сразу выдать заказчику, не допуская его внутрь мастерской. В верхнем этаже над атрием и перистилем были устроены большие террасы для сушки материй.

В качестве сукновалов-предпринимателей мы опять, как и в хлебопекарной промышленности, встречаем представителей знатных фамилий и людей, вышедших из низов. Вот вольноотпущенник Стефан, а вот другой хозяин сукновальни на улице Меркурия — Луций Вераний Гипсей, бывший дуумвиром и три раза квинквенналом. Городскую сукновальню держал в аренде, как уже упоминалось, богатый банкир Цецилий Секунд, бывший вольноотпущенник, дом которого находился как раз напротив этой сукновальни. Затем она перешла в руки Везония Прима, жившего рядом с ней. Принадлежал он к знатному и богатому роду: в 34 г. н. э. мы встречаем Везония Марцелла, представителя другой ветви этого же рода, в качестве дуумвира. Везоний Прим принимал деятельное участие в предвыборной кампании 79 г.; о его влиятельности свидетельствует обращенная к нему просьба о поддержке: «Прим, выбери вместе со своими в эдилы Гельвия Сабина». Везоний исполнил эту просьбу; кроме того, он предложил еще двоих кандидатов в дуумвиры и, представляя одного из них, велел написать: «Луция Цейя Секунда просит в дуумвиры Прим сукновал». Надпись эта является документом первостепенной важности. Мы знаем, как относились древние ко всякой ремесленной деятельности: Цицерон в своей книге «Об обязанностях», которая должна была служить своего рода жизненным руководством для его сына, писал: «все ремесленники проводят жизнь свою, занимаясь грязным делом: в мастерской не может появиться ничего благородного». Если городской магнат, влиятельный и богатый человек, член аристократического рода, объявляет

себя официально и во всеуслышанье «сукновалом», то это свидетельствует о таких сдвигах в сознании, которые могли возникнуть только в результате крупного перемещения социальных сил, вызванного изменением их значимости в общественной жизни.

В Помпеях в малом масштабе происходило то же, что и по всей империи: ремесленная и промышленная деятельность

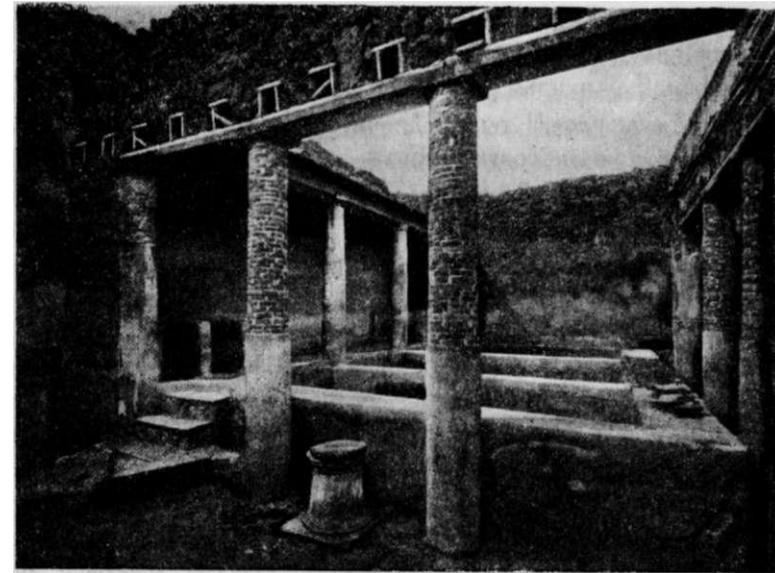

Рис. 40. Сукновальня на Стабиевой улице. (Загородки для «танца фуллонов»; большие ванны для прополаскивания материй.)

стала получать такое значение, что участие в ней переставало быть зазорным не только для крупного дельца и предпринимателя — простой ремесленник начинает обретать чувство собственного достоинства. Сохранилось несколько надписей какого-то Луция Квинтилия Кресцента, простого сукновала, нацарапанного их гвоздем на колоннах перистилия, вероятно, в том доме, где он жил. В этих надписях он посылает привет всем жителям Помпей и окрестных городов — Стабии и Суррента, а также всем своим собратям по ремеслу: «Кресцент шлет

привет фуллонам здесь и повсюду». Такое обращение мыслимо только в устах человека, который горд своим ремеслом и принадлежностью к повсюду раскинутому братству сукновалов и как равный обращается к своим согражданам и соседям. В «Новых раскопках» найден дом некоего сукновала Фабия, носившего странное прозвище «Улулитремулус». Среди множества надписей на стенах его дома имеется одна, в которой пишущий заявляет, что поэме о начале Рима (на двух пилястрах, обрамляющих вход в жилище Фабия представлено это начало: Эней с отцом Анхизом и сыном Асканием бегут из Трои), знаменитой «Энеиде»,⁵¹ он предпочитает гимн собственному цеху: «Сукновалов пою и сову» (сова — птица Минервы, покровительницы фуллонов).^{*} Чтобы обожествленным зачинателям мировой империи хотя бы в шутку противопоставить танцующих в «сукновальных ступках» парней, замазанных мочей и глиной, для этого надо было знать цену себе и своему ремеслу!

Сукновалы, правда, занимали особое место в ремесленном мире. Как ни тяжела была их работа, ее нельзя было сравнивать с работой мельников и хлебопек: она проходила почти целиком на свежем воздухе, равномерно развивала все мышцы и требовала большой силы. Хилый человек не мог работать в сукновальне; сукновалы должны были быть физически крепкими, как на подбор сильными и ловкими. Качества эти всегда привлекательны — сукновалов любили в Италии, и среди народа они пользовались особой популярностью. Старая итальянская комедия неоднократно брала их своими героями и занималась изображением сценок из их жизни. Новий, комический поэт I в. до н. э., посвятил целое произведение их празднику, который они справляли в марте (от 19-го до 23-го числа — так называемые «квинкватры») в честь своей покровительницы Минервы. Праздник этот, надо полагать, проходил буйно

^{*} У помпейских сукновалов имелась какая-то собственная песня, сложенная, вероятно, незадолго до гибели города. По крайней мере, упомянутый уже Кресцент говорит о песне «сукновалам и сове», — вероятно, бытовые подробности переплетались здесь с моментами чисто культовыми.

и красочно: художники неоднократно изображали веселящихся фуллонов, и как раз в сукновальне Везония Прима находилась карикатура на их праздник, сопровождавшийся яростной дракой, после которой праздновавшие вынуждены были предстать перед судом. Отголоски какой-то шумной пирушки сукновалов сохранились в надписях на доме упомянутого уже Фабия.

Среди имен, которые работники Фабия нацарапали на его доме, обращают на себя внимание имена явно галльского происхождения: Сула, Ричин, Герул, или Глер. Возможно, что под прозвищем Фабия «Улулитремулус» скрывается какое-то галльское имя. Галльская шерсть и галльские сукноделы пользовались широкой и справедливой известностью: помпейские сукновалы, не довольствуясь, повидимому, одним местным товаром, приобретали и заморский. Торговые сношения их с долиной По, Цизальпинской Галлией, а может быть и с теперешней южной Францией, были оживленными; об этом свидетельствует ряд галльских имен в Помпеях, причем они принадлежат иногда весьма видным людям, занимающим городские магистратуры. Помпеи, вероятно, охотно принимали состоятельных галльских торговцев в число своих горожан, рассчитывая, что средства их пойдут на пользу города. Но как попадали сюда галльские рабочие — добровольно ли в поисках лучшей доли или по принуждению в качестве рабов? Ответить на этот вопрос мы, к сожалению, не можем.

Шерстяная промышленность не ограничивалась в Помпеях деятельностью сукновалов. В «Новых раскопках» нашли мастерскую Верекунда. На пилястрах сверху — две картины, изображающие богов-покровителей мастерской: слева Меркурий, выходящий из своего храма с полным кошельком в руке; справа покровительница города, величавая Венера Помпейская⁵² на колеснице, в которую запряжена четверка слонов; внизу направо представлена мастерская на всем ходу: здесь работают одновременно и красильщики и шерстобиты. Эти последние (их трое) — все en face, сидят перед низенькими столиками; ногами они нажимают на педаль какого-то деревянного приспособления, которое проходит через стол и заканчивается гребнем: рабочие

заняты, повидимому, трепаньем и расчесываньем шерсти, предназначенной для валянья. На переднем плане работают четверо красильщиков. Они босиком, и вся одежда их состоит только из короткой повязки на бедрах. По обе стороны кипящего котла, поставленного на очаг, стоят две длинных скамейки; у концов каждой стоит по рабочему. Они держат, поднимая их наклонно к котлу, по большому лотку в форме трапеции (широкий край к рабочим, узкий к котлу) с приподнятыми краями. На лотках лежит материя, которую и опускают в краску, кипящую на очаге: лоток служит для рабочих своеобразным щитом, который предохраняет их от ожога кипящей влагой и в то же время заставляет взметнувшуюся вверх при падении материи струю красящего вещества скатываться обратно в котел. Несколько в стороне стоит хозяин мастерской, по имени Верекунд, как гласит под ним надпись. Он развернул и рассматривает кусок материи каштанового цвета с красными полосами.

Дальше по той же улице нашли еще красильню; красильщики снимали помещение у Ситтия Конъюнкта — представителя одной из старейших помпейских фамилий. У порога (раскопки дальше не пошли) оказалась печь, в которой стоял большой свинцовый котел. В другой красильне, которой управлял некий Убоний, было 12 котлов, вмурованных каждый в особую печку. Выкрашенные ткани сушились наверху, на большой террасе.

Р ы н к и

Здание Евмахии. О том, как значительна была шерстяная промышленность и торговля шерстяными изделиями в Помпеях, свидетельствует тот факт, что в городе имелась особая шерстяная биржа, причем это было прекрасное, роскошно отделанное здание. Соорудила его Евмахия — женщина, принадлежавшая к старому помпейскому роду, может быть числившему среди своих предков неаполитанца Евмаха, написавшего историю Ганнибала. В деятельности шерстяников она была в каком-то отношении заинтересована — новое доказательство участия помпейской муниципальной аристократии в промышленности

и торговле. Биржа ее находилась на восточной стороне форума; раскопки последних лет обнаружили, что на ее месте и на месте соседних храмов имелся ряд жилых домов с лавками по фасадам, обращенными к форуму. Представляла она собой вытянутый прямоугольник, обращенный главной, узкой стороной к форуму, а другой — к улице Изабилия. Над одним из входов с этой стороны была вделана мраморная, целиком сохранившаяся доска с надписью: «Евмахия, городская жрица, построила вместе с сыном своим Марком Нумистром Фронтоном Халкидик, крипту и портик в честь августейшего согласия и сыновей любви». Последние слова заключают в себе намек на отношения между Тиберием и его матерью Ливией. Так как отношения эти вскоре после 22 г. н. э. испортились, то постройку здания следует отнести ко времени более раннему, т. е. к началу царствования Тиберия. Статую «Августейшего Согласия» с изукрашенным и позолоченным рогом изобилия в руках нашли при раскопках здания (его раскапывали в 1817—1821 гг.). Голова ее имела, вероятно, портретное сходство с Ливией. Посвящение это преследовало весьма практические цели: служа выражением верноподданнических чувств, оно ставило здание под прямую защиту императорской семьи и освобождало помпейских суконщиков от уплаты всяких взносов за него в городскую казну.

Строители биржи должны были разрешить две задачи: во-первых, сделать так, чтобы здание ее входило гармонически как составная часть в архитектурный комплекс форума, а во-вторых, приспособить его для торговли и для склада товаров. Надо отдать справедливость помпейским архитекторам — с обеими задачами они справились превосходно (рис. 17, К).

Здание Евмахии представляет собой три части, перечисленные в приведенной выше надписи. Передняя часть его, обращенная к форуму, «Халкидик», или «халкидская зала», представляет собой своего рода огромный крытый балкон (39,5 м в ширину и 12,5 м в длину). С боковых сторон он был огражден решетками, которые открывались; на форум смотрела двухэтажная колоннада. Казалось бы, проще и красивее было поставить просто высокие ординарные колонны, но тогда здание резко выделялось

бы из общего плана форума и нарушало бы его. Строители сделали фасад своего здания совершенно по типу форумских портиков: тот же материал (травертин), та же высота, то же отсутствие канелюр, те же два ордера — дорический для нижних и ионийский для верхних колонн.

Первая задача была, таким образом, разрешена: новое здание являлось как бы органической частью форума. Задняя стена Халкидика выложена была мрамором; в ее четырех нишах стояли статуи основателей римского государства и создателей империи: Энея и Ромула, Цезаря и Августа. В обоих углах устроены были небольшие (1,36 м) возвышения, на которые поднимались по лесенкам; они служили, вероятно, для аукционов. Створчатые двери, обрамленные прекрасным растительным орнаментом, вырезанным на мраморе, вели во вторую часть биржи — в портики.

Халкидик предназначался для деловых встреч, разговоров и сделок; самая торговля происходила в портиках и в крипте. Портики с четырех сторон окружали открытый двор (37,7 м в длину и 19,16 м в ширину). Передний, наиболее парадный портик, куда посетитель попадал сразу из Халкидика, выше остальных (9 м в высоту); его стена целиком была облицована мрамором. В боковых портиках, более низких (6,2 м), сделаны были только пестрые мраморные панели; вверху над ними шла роспись.

Колоннада была двухэтажной, но пола между первым и вторым этажом не имелось. Это необычное устройство было вполне обдуманно и целесообразно, равно как и высота портиков, представляющаяся с первого взгляда совершенно ненужной; для защиты от солнца и дождя вполне, казалось бы, достаточно более низкого помещения. Но такая высота в соединении с отсутствием пола давала потоки света, лившиеся на товар, торговля которым шла в портиках, и достаточное освещение для крипты, где иначе стоял бы постоянный полумрак.

Крипта, закрытая галерея, примыкавшая непосредственно к боковым портикам, с множеством окон, пробитых в их стенах, была настоящим царством суконщиков. В портики вход был открыт для всех, и люди, конечно, ходили здесь толпами;

в крипту же вели два узких, вероятно, как правило, запертых входа из переднего портика и один с улицы Изобилия, возле которого помещалась каморка сторожа-привратника с окнами в обе стороны — на улицу и на самую биржу. В крипте был склад товаров; сюда заходили только хозяева и подручные их; сюда приглашали особо почтенного покупателя, которому желали угодить редким товаром, не поступавшим в общую продажу. Не исключена, конечно, возможность, что крипта служила и обширной лавкой, куда покупатели, однако, не допускались: они находились в портиках, а товары раскладывались на подоконниках, служивших прилавками.

В заднем портике, прямо напротив главного входа, устроена была огромная абсида (полукруглая ниша), в которой и находилась упомянутая уже статуя «Августейшего Согласия». В крипте стояла статуя Евмахии: высокая закутанная фигура с ласковым, печальным лицом. Под ней надпись: «Евмахии, дочери Луция, городской жрице, сукновалы». Надпись эта очень важна для характеристики отношений, существовавших в древней Италии между торговлей и промышленностью — они слиты вместе: сукновалы, т. е. хозяева мастерских, изготавливающих материи, являются в то же время и торговцами, продающими свой товар.

У входа в здание Евмахии с улицы Изобилия находится обычный помпейский колодезь. На его колонке сделано рельефное изображение женского бюста с рогом изобилия в руках. Это, конечно, тоже изображение «Согласия». Но археологи, раскопавшие этот колодезь, назвали эту фигуру «Изобилием», и от этого названия дано было имя и всей улице Изобилия.

Продуктовый рынок (macellum). Рынок находился на той же стороне форума, что и шерстяная биржа, но только севернее ее, и представлял собой прямоугольный двор, окруженный глубокой колоннадой (рис. 41). Кругом шли лавки, причем находившиеся на северной и южной сторонах были устроены так, чтобы жаркое полуденное солнце не попадало в них и не портило продуктов: они открывались на север. Поэтому вход в лавки, лежавшие с южной стороны, был со двора, а в лавки, расположенные на северной стороне, — с улицы Авгу-

сталов. В этих последних лавках нашли много обуглившихся продуктов; тут были винные ягоды, каштаны, сливы, зерно, чечевица, хлеб и пирожные. Над каждой лавкой надстроен был мезонин; деревянный балкон шел по всему этажу. Так как внутри лавок не обнаружено никаких лестниц, то, очевидно, во второй этаж попадали по деревянным лестницам прямо с улицы (рис. 17, Ж).

В глубине двора, в юго-восточном углу находилась мясная и рыбная лавка — большое помещение, задняя сторона которого была целиком занята подковообразным прилавком, устроенным покато для стока крови. Покупатель, сомневавшийся в качестве предлагаемого ему мяса или желавший принести жертву богам, мог пройти на противоположную сторону рынка, где в небольшой загородке стояли овцы и козы, и выбрать себе любое животное. Середину двора занимало круглое здание, куполообразная крыша которого покоилась на двенадцати колоннах, водруженных на довольно высокие постаменты. В середине находился водоем, служивший живорыбным садком. Купленную рыбу здесь же чистили; об этом свидетельствует большое количество найденной тут рыбьей чешуи. В лавках на западной стороне, обращенных к форуму, располагались менялы, игравшие при многообразии античной валюты важную роль в торговых городах древности.

Рынок, так же как и шерстяная биржа, находился под покровительством императорского дома: прямо против главного входа на форум, рядом с мясной лавкой поставили маленькую часовенку, посвященную императорскому культу. Часовня была открытой; поднявшись по пяти ступенькам, посетитель оказывался перед статуей императора, стоявшей на постаменте; по бокам в четырех нишах размещены были статуи членов императорской семьи. Здесь нашли руку, держащую земной шар, и две статуи в полной сохранности: одну женскую и одну мужскую. Кого изображали эти статуи, вопрос спорный, но женская статуя представляет собой одну из лучших скульптур, найденных в Помпеях. Это, несомненно, копия с греческого оригинала;

образцом ее, может быть, послужила знаменитая фидиевская⁵³ Немесида⁵⁴ из Рамна (город в Аттике).

Название продовольственного рынка «*macellum*» заимствовано с греческого. С эллинистического Востока пришел и его план: такие торговые ряды встречаем мы в греческих малоазийских городах. Позже они распространяются по всему римскому миру; в самом Риме первый такой рынок был выстроен в 179 г.

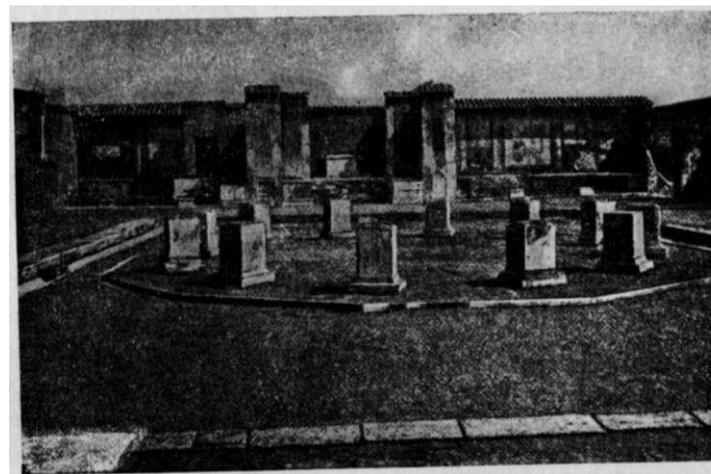

Рис. 41. Продуктовый рынок (*macellum*).

На одной монете Нерона⁵⁵ имеется изображение выстроенного им рынка: многоэтажные лавки, в середине — павильон под куполом, в глубине — часовенка со статуей божества. Такое же сходство с помпейским рынком имеется и в плане большого *macellum* в ПUTEОЛАХ, а также у рынков

Раскопки последнего времени обнаружили, что на месте этого рынка в Помпеях существовал другой, расположенный по такому же плану. Он представлял собой также открытый двор, замощенный битой черепицей и окруженный портиком с колоннами из туфа. Здесь шел ряд лавок. В начале империи посредине двора соорудили для торговли рыбой открытый павильон с деревянной конической крышей, опиравшейся на колонны. Землетрясение

63 г. сильно повредило этот рынок, который, однако, скоро был восстановлен. Лавки сделали просторнее; рыбный павильон перестроили. Тогда же была воздвигнута и часовня, посвященная императорскому культу.

Б а с и л и к а . На западной стороне форума, несколько наискось от здания Евмахии, находилась базилика. От нее, как и от прочих построек-вокруг форума, сохранились одни развалины, но название «*basilica*» нацарапанное несколько раз каким-то досужим помпейцем на уцелевшем куске стены, говорит о том, что развалины эти принадлежат именно зданию того типа, который в древности назывался «базиликой» (рис. 42).

«Базилика» — слово греческое, в переводе оно означает «царская». Известно, что в Афинах была «царская стоя» («стоя» означает то же, что и «портик»), названная так по имени одного из первых афинских магистратов, архонта-басилевса («басилевс» — «царившего здесь суд. Об устройстве и плане этого здания мы ничего не знаем. Возможно, что по этому плану начали строить свои базилики эллинистические цари, но может быть заимствовали они этот план и с Востока. Италия познакомилась с базиликой, во всяком случае, через Грецию: первая базилика в Риме построена была в 184 г. до н. э. Катон Старшим.

Витрувий рекомендовал строить базилики с той стороны форума, куда в зимние дни попадает как можно больше солнца, «чтобы зимой деловые люди имели возможность укрыться здесь от непогоды». Базилика в Помпеях этому требованию вполне удовлетворяла. Она служила, как и все базилики вообще, своего рода дополнением и продолжением форума. Здесь располагались торговцы, которым стало тесно на форуме; занятые люди и праздные гуляки прятались сюда в тень от томительного зноя и здесь же искали прибежища от южных ливней. Здесь происходили судебные разбирательства: Плиний Младший и другие знаменитые защитники неоднократно выступали со своими речами в римских базиликах. Сюда собирались деловые люди, для которых базилика служила биржей; сюда же Овидий ре-

комендовал заходить в поисках красавицы, с которой можно было бы затеять роман. Пол одной из старейших римских базилик, которая называется «Юлиевой», потому что постройку ее начал Юлий Цезарь, исчерчен множеством кругов и разных фигур: их нацарапали любители игры в кости. Подобных изображений в помпейской базилике не дошло до нас, вероятно по чистой случайности. Сохранилось зато множество надписей на стенах. Кто-то из посетителей, прочитав эти надписи, прибавил к ним и свою собственную:

**Диву даюся, стена, что ты не обрушилась. Можно ль
Вынести всю чепуху этих несносных писак.**

Чего тут только нет! Какой-то Пумидий Дипил сообщает, что он «был здесь за пять дней до октябрьских нон при консулах Марке Лепиде и Квинте Катуле» (т. е. 3 октября 78 г. до н. э.). Тут же — приглашение сыграть в мяч с распределением ролей между партнерами и рядом заметка, что Епафра стал лысым и что играть в мяч он не умеет. Пирр узнал о смерти своего товарища и выцарапывает ему на стене свой прощальный привет. Раб Ситтия, известного помпейского гражданина, нарисовал, кораблик и подписался: «рисовал Руфион, раб Ситтия». Кто-то сообщает, играя словами, что «актер Оппий — шахматист, вор» («вор» по-латыни «*fur*», а «шахматист» — «*furunculus*»). Среди цитат из Вергилия, Овидия и Проперция⁵⁶ стихи местных поэтов. Какой-то страдающий любовник желает пробить дубиной голову Венере и переломать ей ребра, потому что «она пронзила его нежную грудь»; другой ядовито советует: «Дверь * для просьб пусть будет глуха, но открыта для денег».

Имена, какие-то намеки на события из собственной и чужой жизни, морализующие размышления, откровенная брань, циничные разоблачения — все эти отголоски разнообразной и разноголосой жизни, которая оставила здесь свой полуистершийся и не всегда понятный для нас отпечаток, свидетель-

* Подразумевается дверь возлюбленной.

ствуют о том, что базилика была местом, которое посещали самые разнообразные слои: от образованных людей, легко справляющихся с античным стихосложением, до рабов, которые трудились над своими надписями с полным неведением орфографии и далеко не всегда умели справиться с выражением своих мыслей и чувств.

Базилика в Помпеях относится к числу древнейших построек этого типа — к концу II в. до н. э. По форме — это продолговатый прямоугольник, обращенный узкой стороной к форуму (рис. 17, Б). Здесь находился и вход: пять решетчатых дверей, разделенных прямоугольными пилястрами из туфа, вели в portик, служивший для базилики как бы прихожей. Отсюда посетитель входил уже в самое здание ее; пять внутренних входов соответствовали пяти наружным. Внутренность здания разделена была двумя рядами высоких ионийских колонн (10 м высоты каждая)

Рис. 43. Колонна с капителью из базилики.

на три пролета, или нефа; из боковых стен выступали коринфские полуколонны, высота которых, однако, была почти вдвое меньше высоты срединных колонн (5,9 м). Обломки, валявшиеся здесь, дали возможность реконструировать здание: над нижней стеной с ее полуколоннами стояли цельные колонны, перемежавшиеся для прочности со сплошной стеной, где были прорезаны только оконные отверстия.

У задней стены, прямо против входа находилось возвышение (около 2 м), украшенное колоннами. Здесь заседали судьи, тяжущиеся стороны стояли внизу. Пустое пространство внутри этого возвышения использовано было, вероятно, частью для

персонала, обслуживающего суд, частью для хранения разных хозяйственных принадлежностей, вроде тряпок, щеток, ведер — всего, что было необходимо для поддержания чистоты в помещении.

Раскопки последнего времени установили два периода в истории базилики. Первоначально это был «форум в миниатюре»: большой прямоугольник, обведенный двухэтажными портиками, между которыми лежало открытое пространство. Затем, когда поставили мощные кирпичные колонны, равные по высоте портикам, средний неф был закрыт крышей.

Интересно, как сделаны эти колонны (рис. 43). Они сложены из плоских пятиугольных, напоминающих по виду погоны, кирпичиков, которые укладывались рядами (по десять штук в ряд) так, чтобы острым углом они приходились наружу; при такой кладке на колонне получался ряд канелюр. Колонны затем покрывались стукком, создающим полное впечатление мрамора.

Помпеи могли гордиться своей базиликой: изящные, легкие, несмотря на свою высоту, колонны; стены, со вкусом отделанные под пестрый мрамор; потоки света, лившиеся сверху сквозь окна, и в свободные проемы между верхними колоннами, это здание оказало бы честь и не такому маленькому городку.

Торговые и деловые люди

Было бы очень ошибочно думать, что торговля в Помпеях происходила только на форуме и в больших, специально для разных видов торговли устроенных рынках. Лавки, похожие на наши ларьки, с широко открытым фасадом, были на всех главных улицах, а улица Изобилия (особенно в своей восточной части, на «Новых раскопках») имела вид настоящего базара: лавки и мастерские, где не только изготавливали определенный товар, но и торговали им, следуют одна за другой непрерывным рядом; некоторых из торговцев и хозяев мастерских мы знаем даже по имени. За мастерской знакомого уже нам Верекунда и за красильней помещался торговец железным това-

ром Юниан. В его лавке нашли много сельскохозяйственных орудий: серпов, кос, ножей, которыми пользовались виноградари, много бронзовых украшений для наборной сбруи, удил и т. д. Неподалеку — лавочка с задней комнаткой и мансардой; здесь жил землемер, занимавшийся в то же время изготовлением разных технических приборов. За пекарней некоего Бетития Плакида — лавка старьевщицкая, где нашли вязанки растения, из которого и поныне в Италии плетут маты. Между мастерскими — множество всяких лавок и харчевен.

Торговый и деловой люд в Помпеях располагался по довольно широкой шкале. На самой нижней ступеньке стояли мелкие торговцы, которые продавали свой незатейливый товар, раскладывая его прямо¹ на тротуаре. Свое место они обозначали надписями; на «Новых раскопках» между двумя домами нашли надписи: «место Сатурнина», «место Гафира». За ними шли люди, снимавшие лавку, а в лучшем случае имевшие и собственное помещение и совершавшие более или менее крупные торговые обороты. К таким относился горшечник Зосим, в лавке которого на стене имелся список базарных дней в Помпеях, Нуцерии, Ателле, Ноле, Кумах, Путеолах, Капуе и даже в Риме. Предприимчивый грек, повидимому, не довольствовался торговлей на месте, а разъезжал со своим товаром, забираясь иногда довольно далеко.

Самыми видными людьми в этом мире были, конечно, крупные купцы, занимавшиеся преимущественно заморской торговлей. В Помпеях эта торговля имела давние традиции. Итальянские купцы на Востоке во время расцвета Делоса⁵⁷ были, преимущественно, кампанцами; в морской торговле с Западом и Востоком при империи они продолжают принимать участие. В Помпеях ряд аристократических семей торговал с заморскими странами. Черепица с кирпичного завода Епидия и его вольноотпущенника Феодора широко была распространена по побережью Адриатического моря — от Истрии⁵⁸ до Аквилеи.⁵⁹ Лоллиевым встречается на Делосе I до н. э. Их помпейский дом полон воспоминаний о морских путе-

шествиях, которые, как это обычно для античного времени, переплетались с мифологическими образами: бронзовый руль и тут же изображение Нептуна; выложенные мозаикой фигурки дельфинов, корабельных носов и рядом сказочные морские чудовища. В доме упоминавшегося уже Марка Лукреция нашли символическое изображение Александрии: ⁶⁰ женщина, украшенная слоновыми клыками, наступила ногой на голову слона; по левую руку от нее сидит лев. Вместе с египетскими товарами в Помпеи проник и культ египетской Иисиды, насчитывавший в городе многочисленных поклонников, имевших свой храм и выступавших на городских выборах как особая самостоятельная корпорация.

В торговых и промышленных кругах Помпей особенно привлекают к себе внимание люди, вышедшие из низов, сумевшие собственной энергией и умением добиться независимого и обеспеченного существования. Это были частью свободные, проложившие себе дорогу собственной работой, частью бывшие рабы, отпущенные на волю. К первым принадлежал уже известный нам Умбриций Скавр, успешно торговавший гарумом. Мы не знаем его общественного положения, но то, что он стремился попасть в ряды городской знати или, по крайней мере, провести туда сына, это для нас несомненно. Его аристократическая фамилия «Скавр» подсказана была ему, вероятно, той рыбой, с которой ему приходилось иметь дело и которая по-гречески называлась «scombros». Сыну своему он доставил широкие возможности блеснуть щедростью и любовью к родному городу: молодой Скавр дал роскошные гладиаторские игры, оказал еще какие-то услуги городу, был избран в дуумвиры и скончался еще молодым, удостоившись от городского совета погребения на общественный счет и конной статуи на форуме. К этому же классу людей относился и Секст Аттий Амп, которому на Стабиевой улице принадлежала лавка, где были найдены плитки красок с его клеймом. Дело пигментария, т. е. мастера, изготавливающего краски и торгующего ими, было, видимо, наследственным в его семье; по крайней мере, Цице-

ронводном из своих писем от 46 г. дон. э. упоминает «красочника Аттия».

В доме Терентия Неона, выступившего на выборах незадолго до гибели города, сохранился портрет, вероятно, его

Рис. 44. Портрет родителей Терентия Неона.

родителей (рис. 44). Вглядимся в него — он интересен тем, что передает не только наружный, но до некоторой степени и внутренний облик человека, выбившегося из низов: перед нами простое грубоватое лицо; такие лица, вероятно, часто

встречались в деревнях. Этому человеку пришлось многое передумать — недаром же лоб его прорезала такая глубокая морщина. Можно с уверенностью сказать, что он не ломал себе голову над философскими системами и отвлеченными вопросами, но нелегко, видно, давалось учение и не сладко складывалась жизнь. Едва уловимый отпечаток грусти оставило прошлое на этом спокойном здоровом лице с твердым и несколько недоверчивым взглядом человека, которого жизнь научила не открывать широко ни своего сердца, ни своего кошелька. Он держит свиток с красивым красным ярлычком (эти ярлычки служили для того, чтобы писать на них заглавие произведения написанного в свитке), — любому ученому не зазорно взять такую книгу, — и сильной, грубой рукой деревенского парня зажимает его, как победное знамя, которое, наконец, добыто и отныне будет осенять его жизнь. И жену выбрал он под стать этой новой жизни: скромно и гладко причесанная, по манере августовского времени, женщина эта с живыми и умными глазами, отнюдь не деревенская простушка, знающая только веретено да иглу; в руках у нее дощечки и грифель для писания; она, как и муж ее, причастна отныне к городскому образованному кругу.

Литературным комментарием к этому портрету может служить страничка из Петрониева романа, где изображено детство человека, который в жизни пойдет по иному, более торному пути, чем его отец. Один из «маленьких людей», за столом у Тримальхиона, рассказывает о своем сыне: «Чуть свободная минутка — и головы от стола не поднимет. Толковый, хороший мальчишка. . . я купил ему несколько книжек. . . пусть немножко понюхает законов: для дома пригодится, да и ему хлеб будет. Я ему каждый день так и говорю: „Примигений, знай, чему бы ты ни учился, ты учишься для себя. Посмотри на стряпчего Фалерона: не учишься он, да у него сегодня куска хлеба не было бы. Совсем недавно таскал он на спине кули для продажи, а теперь — гляди! величается перед самим Норбаном. Наука — великое дело; с ней не пропадешь”». Этот текст и портрет составляют как бы два звена одной цепи: самое начало жизнен-

ной карьеры, так красочно описанное у Петрония, и момент ее начального, если можно так выразиться, завершения. Отсюда путь пойдет дальше, к новым успехам и утверждению своего благополучия.

Большую роль в деловых кругах Помпей играли вольноотпущенники: промышленность и торговля здесь, как и повсюду в Италии, постепенно все больше и больше переходит в их руки. Мы знаем очень мало об их жизни: античность была скупа на биографии даже крупных людей; написать биографию бывшего раба, до тонкости овладевшего искусством приготовления гарума или усвоившего все хитрости сукновального ремесла, никому, конечно, не приходило в голову. Только схематично можем мы представить себе карьеру умного и энергичного раба, который сначала работает на предприятии у хозяина, постепенно становится его правой рукой, затем получает от него свободу и заводит свое собственное дело. Мы видели, что «оффисина» Умбриция Скавра рядом «оффисин» его вольноотпущенников. Это явление можно было наблюдать по всему римскому миру. Вольноотпущенник становится видной фигурой: цепкий, изворотливый, испытывавший на себе все превратности судьбы, чуткий к наживе и неразборчивый в средствах, он больше всего ценил в жизни успех и деньги, очень гордился собой и своими достижениями и не упускал случая вознаградить себя за маяту и горечь прежней рабской жизни. Идеалом этих людей было чистое стяжание: «привет тебе, прибыль»; эта надпись выложенная на полу у входа в доме Ведия Сирика, потомка вольноотпущенника, равно как и другая, найденная в атриум дома, неизвестно кому принадлежавшего, «прибыль — радость», были искренним выражением их чаяний и мыслей. По уровню своей культуры стояли они невысоко, и утонченный аристократ, вроде Петрония, мог, конечно, издеваться над неуклюжим бытом этих неотесанных выскочек и смотреть на них с ироническим любопытством и ласковым презрением как на существа иной, низшей, породы. И, однако, тысячи таких **Тримальхионов** большого и мелкого калибра, беспомощно путавшихся в области самых

элементарных знаний, оказались создателями и организаторами италийской промышленности и торговли.

Среди потомков вольноотпущенников в Помпеях следует назвать упомянутого уже Ведия Сирика. Дом его был украшен изображением Победы, несущей корабельный нос; хозяин, дуумвир 60 г. н. э., был обязан, видимо, своим богатством также и морской торговле. Имя Ведиов часто встречается в деловых документах того времени. История рода неизвестна, но вероятным кажется предположение, по которому род Ведиов ведет свое происхождение от Ведия Поллиона, сына вольноотпущенника и друга Августа.

Из помпейских вольноотпущенников мы больше всего знаем о банкире Цецилии Юкунде. Он был вольноотпущенником знатного рода Цецилиев. Дом его стоял на Стабиевой улице, напротив той городской сукновальни, которая им одно время арендовалась, и по внешнему своему виду ничем не выделялся среди других. Внутри он украшен росписью и картинами, тоже ничем особо не замечательными. Самым интересным в доме Юкунда оказался деревянный ящик с восковыми табличками. Древние, как известно, в общежитии пользовались для черновиков, беглых записок, писем и деловых записей небольшими деревянными дощечками, покрытыми тонким слоем воска. Дощечки эти связывали между собой по две или по три и вставляли каждую в рамку, наподобие наших грифельных досок, чтобы воск одной таблички не прилипал к воску другой; писали на них острым железным грифелем, который назывался «стилем». В ящике у Юкунда нашли 132 таблички, содержавшие денежные расписки; почти все они имели отношение к продаже с аукционов. Юкунд вел эти продажи в качестве оценщика; присутствие его на аукционах было тем желательнее, что он, как банкир, всегда мог ссудить покупателя, у которого не оказывалось нужной суммы. Таким образом, Юкунд получал от продажи двойную выгоду: ему полагалась известная часть со всей выручки, а кроме того, аукцион оказывался весьма удобным случаем для помещения собственных его денег под проценты. Несколько табличек содержат документы на

аренду сукновальни и городского выгона, о чем мы уже упоминали.

Сохранился бюст Юкунда (рис. 45). Римские художники были превосходными портретистами; изображение Юкунда

Рис. 45. Бюст Цецилия Юкунда.

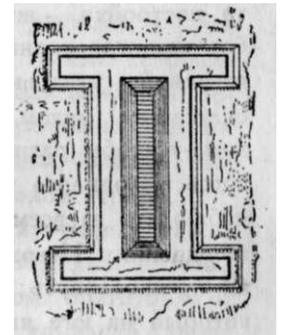
великолепно: полное, несколько обрюзгшее лицо стареющего человека, который много видел и много узнал за свою пеструю, трудную и не простую жизнь. При всем богатстве опыт его, однако, был весьма односторонен: он знал людей настолько, чтобы презирать их и не верить им, но не настолько,

чтобы их любить и на них полагаться. Недобрая усмешка, так великолепно переданная художником, была его обычной реакцией на всякое большое чувство и на любую высокую мысль. Он был у себя дома только среди денег и денежных расчетов: люди, которые зависели от него и вынуждены были обращаться к нему с просьбами, чувствовали себя в положении мухи, попавшей в тенета злого и хитрого паука; в Юкунде нет и тени добродушия и человечности, которые в конце концов так располагают к Тримальхиону. Мир, который создавал людей, подобных Юкунду, который давал им власть и силу над другими людьми, был страшным миром. Портрет Юкунда — это один из самых грозных обвинительных актов против рабовладельческого общества.

Глава VII

ДОМА И ОБСТАНОВКА ИХ

Допустим на одно мгновение, что Помпеи не были засыпаны пеплом, что время пронеслось над ними, их не коснувшись, что они остались такими же, какими были до дня своей гибели и что по улицам их старинной части бродит захвативший туда наш современник, житель какого-нибудь южного русского городка, такого же маленького, как и Помпеи. Глаза его, привыкшие к простору родных улиц и обилию зелени, в которой утопают дома с веселыми поблескивающими окнами, тщетно ищут, на чем бы отдохнуть и чему бы порадоваться. В узких, как щели, улицах ни деревца, ни кустика — одни сплошные слепые стены домов, которые будто повернулись спиной к улице, не желают на нее глядеть и не позволяют, чтобы в них заглядывали.

Рис. 46. Окно.

Древний италиец предпочитал вообще обходиться без окон. Отсутствие оконного стекла (им пользовались крайне редко, преимущественно в банях) не позволяло ему пробивать в стенах настоящих, привычных нам окон; он ограничивался скорее простыми дырами или щелями в стене, чем окнами (рис. 46). Настоящие окна (только без стекол) стали делать лишь с по-

явлением вторых этажей. Но до них было еще далеко. Кроме того, хозяин вовсе не желал показывать чужим глазам, что у него происходит дома: в рабовладельческом обществе к окружающему миру относились с подозрением и с опаскою. Дом ставили так, что он имел вид маленькой крепости, которая сосредоточивала всю жизнь внутри себя, противопоставляя напору враждебных внешних сил прочные непроницаемые стены. Свет эта крепость получает от внутренних двориков, которые, помимо прочего своего назначения, служат для всех помещений дома световыми колодцами.

Помещения в италийском городском доме располагались по четырем сторонам такого внутреннего прямоугольного двора. По существу, это был план деревенской усадьбы, почти такой же, какую мы встречаем у нас на Украине или в Белоруссии: квадрат или прямоугольник двора, все стороны которого заняты постройками, а ворота для въезда и калитка находятся на стороне, обращенной к улице или к дороге. План этот перенесли и в город, но так как места было немного и на него скупилась, то постройки — жилые комнаты, кладовые, хлева, стойла, амбарчики, где хранили всякие съестные припасы, упряжницы, стальной утварью и кормом для скотины — ставили сплошным рядом. Против главного входа в глубине этого дома-усадьбы расположено было хозяйское помещение: именно здесь находилось то место, откуда хозяйке всего удобнее было наблюдать за всем, что делается во дворе и в окружающих его помещениях. Невозможно было без ее ведома ни уйти со двора, ни проскользнуть в него. Перед каждым строением шел навес, который на юге является необходимым добавлением к постройке, так как в жаркое время он защищает от палящего солнца и людей и животных, а в период проливных дождей предохраняет стены от действия губительной сырости. По мере увеличения семьи и роста благосостояния, отдельные помещения, естественно, требовали расширения, а расширять их можно было только за счет двора, захватывая под них полосу за полосой от его свободной площади. Вместе с постройками продвигались вперед и навесы, крыши которых все сближались и сближались

между собой; их научились делать со скатом и соединять друг с другом по углам. В конце концов двор оказывался весь закрытым, за исключением средней части, которую необходимо было оставить открытой, потому что это отверстие стало теперь единственным источником света для всего дома. Таким образом двор из открытого пространства постепенно превращался в комнату, более или менее просторную, с широким четырехугольным проемом в крыше усадьбы. Эта комната италийского дома, до конца сохранившая отпечаток внутреннего дворика, называется «атрием».

Атрий, оказавшись центральным местом в доме, был постепенно использован с наибольшей выгодой для всего хозяйства. Под отверстием в крыше (оно называлось «компливиум»; латинское «pluvia» значит «дождь»), через которое по четырем обращенным внутрь скатам сбегала дождевая вода, устраивали водоем (имплювий). Вспомним, что дело происходило за много веков до появления водопроводов, копать колодцы было делом трудным; ходить к реке или источнику — часто бывало делом опасным. Дождевая вода сама давалась в руки человеку: эту драгоценную влагу следовало только собрать и сберечь! (Дождевая вода в древности считалась особенно полезной; в Помпеях I в. н. э., при наличии прекрасного водопровода, ее продолжали собирать в имплювиях, откуда она проходит в особые цистерны, устроенные под полом атрия).

За водоемом, несколько поодаль, складывали очаг с таким расчетом, чтобы его не заливало водой, но чтобы дым вытягивало наружу. Тут же ставили стол, на котором приготавливали: пищу и ставили посуду. Атрий стал главной комнатой дома: сюда собиралась вся семья для еды и отдыха; здесь приносили жертву богам-покровителям домашнего очага и дома — ларам. Здесь спали хозяева, и тут же стояли ящик с деньгами и ткацкий станок, удержавший за собой это место в старозаветных семьях до конца республики. Если дом был царством хозяйки, то атрий стал тем местом, откуда она им правила, за всем следя, ничего не упуская из виду, собирая вокруг себя всю семью. Здесь она работала вместе со своими дочерьми и слу-

жанками, занимаясь пряжей, тканьем и прочим женским рукоделием. Здесь застали Лукрецию⁶¹ за веретеном ее муж и его друзья, неожиданно прискакавшие в Рим из-под осажденной Ардеи, чтобы проверить, чем в их отсутствие занимаются их жены. Образ хозяйки, которая у очага вместе со своими помощницами «занята шерстью», навсегда остался в сердце римлянина как символ домашнего мира, довольства и уюта.

Время шло, менялись нравы, изменился весь облик дома и назначение его отдельных частей. Ни одной комнаты эти изменения не коснулись так сильно, как атрия. К концу республики — это уже не центр дома, не то место, где собирается вся семья, где молятся, едят и отдыхают под ласковым и строгим взглядом деятельной и хлопотливой хозяйки. Для приготовления пищи отвели особое место — кухню; туда перенесли очаг, и часто там же стали устраивать нишу для ларов. Хозяин с хозяйкой перебрались в особую спальню; ткацкий станок вынесли. Из самой уютной, семейной комнаты атрий уже в I в. до н. э. превратился в самую парадную и официальную, где принимали посторонних людей, которых не желали ввести в круг своей семьи, где велись деловые разговоры и шла беседа по обязанности. В богатых и знатных домах хозяин здесь по утрам принимал своих клиентов, людей, в значительной мере живших на его подачки и обязанных за это оказывать ему разные услуги и непременно свидетельствовать ему свое почтение, выражавшееся, между прочим, и в том, что с раннего утра собирались они к его дому и затем допускались в атрий, чтобы приветствовать хозяина с добрым утром. Эпитеты «гордый», «надменный» становятся теперь обычными для атрия, где от былых времен не осталось почти ничего, кроме отверстия в крыше и водоема в полу под этим отверстием.

Когда двор усадьбы превратился в атрий, то это превращение, естественно, повлекло за собой некоторые изменения в общем плане дома. Хозяева, перебравшись в атрий, перестали нуждаться в своей прежней комнате; ее переднюю стену сломали, прибавив, таким образом, ее площадь к площади атрия. После сноса стены правый и левый углы старой комнаты, при-

крытые спереди другими строениями, образовали в задней части атрия два закутка, которые назывались «крыльями» («alae» по-латыни). Они, действительно, напоминают распростертые птичьи крылья. Их использовали для разных хозяйственных надобностей, а иногда и как жилые помещения.

Атрий, превратившись в комнату, утратил ту свою часть, без которой южанин не может обойтись: навес, под которым он находится на свежем воздухе и в то же время в тени. Кроме того атрий, получавший теперь свет и воздух только через отверстие в крыше, стал нуждаться в сквозном ветре и прохладе. Все это было достигнуто пристройкой довольно большой, но не во всю ширину дома, веранды: часть задней стены в атрии разобрали и соорудили дощатый навес, состоявший из двух стен, покрытых крышей. На зимнее время ход из атрия на эту веранду заделывали досками; в летнее время он стоял или вовсе открытым или завешивался большим полотнищем. Выходила веранда в сад, находившийся за домом, и называлась «таблином». Варрон,⁶² живо интересовавшийся бытом древней Италии и хорошо знавший его, писал: «Зимой и в холода обедали у очага; в летнее же время — на открытом воздухе: в деревне во дворе, а в городе в таблине, под которым следует понимать балкон, сделанный из досок». С течением времени балкон этот оказался вдвинутым между двумя комнатами, которые пристроили с обеих его сторон и которые чаще всего предназначались под столовые.

Таково было первоначальное устройство италийского дома: атрий с внутренним балконом и крыльями, и с жилыми помещениями и хозяйственными постройками вокруг. Древнейшие дома в Помпеях, так называемые «дом Хирурга» и «дом Саллюстия», в основной старинной части своей позволяют легко усмотреть этот план, явившийся, конечно, результатом медленного и длительного развития.

Когда во II в. до н. э. Рим близко соприкоснулся с Грецией и с Востоком, то в результате победоносных войн в Италию начали стекаться огромные для того времени богатства, вкусы сделались прихотливыми, и древняя простота нравов стала

все больше отходить в область предания. Старинный полутемный атрий с еще более темными комнатками по сторонам начал казаться тесным, душным и неудобным. Перед глазами завоевателей стояли греческие дома с их перистильями — совершенно открытыми внутренними дворами, веселыми, светлыми, в зелени и цветах, с колоннами и фонтанами. Что было делать? перестраивать дедовские и прадедовские дома на греческий лад? уничтожить вовсе родной атрий и променять его на греческий перистиль? Самая мысль об этом должна была показаться кощунственной италийцу, консервативному и свято чтившему национальные традиции. Отцовское наследство оставалось священным для самых горячих поклонников Греции. В этом отношении характерен пример Цицерона, для которого греческая культура стала родна и дорога с юношеских лет, но который до конца дней своих оставался страстным патриотом, высоко ценившим национальное достояние. Немыслимо было отказаться, по крайней мере в то время, от старого дома с его закоптелым атрием, но можно было устроить двойной дом, прибавив к его исконно италийской части чужую, греческую. Римская литература на каждом шагу соединяла свое, чисто италийское, с иноземным, греческим. Почему было не поступить таким же образом и строителю-архитектору II—I вв. до н. э.? Перистиль становится отныне почти обязательной частью италийского дома; с его присоединением дом этот, если можно так выразиться, удвоился: он получил второй световой двор, совершенно открытый и дававший, следовательно, гораздо больше света, чем атрий. Как вокруг атрия, так и вокруг перистилья располагается ряд комнат; жизнь семьи перемещается сюда. Здесь проводят часы досуга, летом обедают, сюда приглашают близких друзей и знакомых. Атрий превращается, как мы уже говорили, в официальную приемную. Таблин, оказавшийся в середине нового дома, утратил, разумеется, характер веранды; он сделался рабочей комнатой хозяина, которая непосредственно связана с официальным атрием: здесь хозяин держит свои счетные книги, принимает доклады своих рабов и управляющих, продолжает деловой разговор, начавшийся в атрие. Здесь же хра-

нится домашний архив, который «сын принимает от отца и считает великой обязанностью передать его своим потомкам как отцовскую святыню».

По обе стороны таблина, а иногда только с одной его стороны устраивают коридор, который связывает обе части дома и по которому можно проходить из атрия в перистиль, не беспокоя хозяина, сидящего в таблине.

Таков был план италийского дома, увеличенного перистилем. Хозяйские расчеты и прихоти могли изменять этот план в некоторых подробностях: можно было сделать больше или меньше портиков, переместить крылья, сократить или увеличить число комнат — общий план дома оставался все-таки неизменным, как об этом убедительно свидетельствуют Помпеи. Надобно сказать, что этот новый италогреческий дом вовсе не представлял собой механического соединения элементов, по существу чужеродных. Вергилий очень многое заимствовал у Гомера, но римляне, считавшие «Энеиду» своей национальной эпопеей, были совершенно правы. И в римской литературе и в италийском доме чужое и свое соединялось между собой так, что в результате получалось нечто новое и органически целое. Атрий и комнаты вокруг него без перистилья были мрачнее и беднее воздухом, но и перистиль без атрия и таблина оставался бы обычным садиком — и только. Таблин оказался для него рамой, придавшей ему ту законченность, которую придает рама картине; атрий позволил рассматривать эту картину в перспективе: очарование, производимое колоннадами, зеленью и водой, было этим значительно увеличено.

Прежде чем перейти к помпейским домам, скажем несколько слов о материалах, которые употреблялись в древней Италии и, в частности, в Помпеях для жилищного строительства.

Италия была страной каменных зданий: каждый город и каждая усадьба использовали для строения тот камень, который находился поблизости и доставка которого обходилась дешевле и представляла меньше затруднений. Рим в течение долгого времени пользовался туфом и пеперином из Албанских гор. Позднее, уже к концу республики, появился травертин

в мрамор. В Помпеях от древнейшего периода и вплоть до II в. до н. э. строили из известняка, образованного известковыми отложениями реки Сарно и называемого поэтому «сарнским известняком». Его легко узнать по желтому цвету и обилию в нем растительных остатков. Фасады домов складывали из этого камня, обтесанного в виде больших плит, которые располагали правильными рядами, скрепляя их раствором из глины. Внутренние стены делали из кусков этого же известняка и тоже на глине; куски эти укладывали рядами между стойками из больших известковых плит, которые составляли как бы скелет стены и гарантировали ее прочность.

Начиная со II в. до н. э., сарнский известняк уступает место серому туфу, который привозили в Помпеи из соседних нуцеринских каменоломен. «Туфовый период» был как раз временем расцвета городского строительства и к нему относятся лучшие постройки города. Для Помпей это был период мирного строительства, оживленной торговли и сильного греческого влияния. Окрестные состоятельные землевладельцы и разбогатевшие купцы строили здесь свои дома, часто похожие на дворцы. Таковы, например, дом Фавна, дом Пансы, Епидия Руфа, Фигурных капителей. Серый туф хорошо поддается резцу: греческие и кампанские мастера широко и умело пользовались этим его свойством. Высокие пилястры, обрамляющие вход, увенчиваются теперь изящными капителями, на которых художник иногда умело высекает амура, вакханку или человеческое лицо, выглядывающее между изящно вырезанными, свисающими листьями мягкого аканфа. Стены фасадов сложены из больших плит, которые обычно отесываются так, что они образуют не сплошную ровную плоскость, как, например, в доме Хирурга, а несколько выступают своими краями над линией соединения, образуя таким образом глубокий паз. Наличие этих пазов делает игру света и теней гораздо богаче и уничтожает однотонность освещения. Скрепляющим материалом служит уже цемент, составляемый из «путоланской пыли», особого красноватого песка, который в соединении с известью, по словам Плиния, «противостоял морским волнам и сливал камни в одну

непреодолимую массу, становившуюся крепче с каждым днем». Внутренние стены делают из небольших, разных по форме, неотесанных булыжников, которые укладывают рядами и заливают цементным раствором. Такая кладка называлась, вследствие разнообразного вида камней, «неопределенной».

Римляне принесли с собой и новый материал и новую манеру кладки. Стены делают теперь «сеткой»: маленькие, отесанные в виде кубиков туфовые кирпичики укладывают рядами, ставя их на ребро таким образом, что стена приобретает вид туго натянутой сети, с отчетливо обрисовывающимися петлями. Большое распространение получает обожженный кирпич, который сначала употребляли попеременно с камнем; с I в. н. э. стены часто складывают целиком из кирпича и затем облицовывают их мрамором или туфом — вообще камнем, который поддается резцу. К сожалению, мы не можем представить себе, какое впечатление производила эта облицовка: ее сняли вскоре после гибели города сами хозяева или похитили люди, знавшие, где ее искать. Иногда стены просто штукатурили. Оштукатурен, например дом семьи Цеев («Новые раскопки»), очень известной в Помпеях; штукатурка была сделана здесь под мрамор.

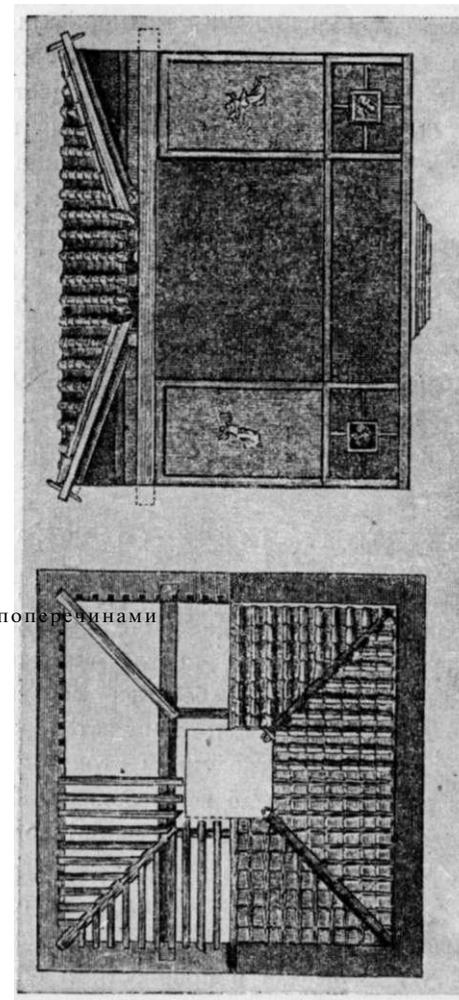
Для крыш употребляли сначала солому: поэты августовского времени любили вспоминать те времена, когда Рим, столица мира, состоял из хижин, крытых соломой. Еще при Августе показывали на Палатине тростниковый шалаш под соломенной крышей, который свято чтили, как жилище Ромула, основателя Рима. Солому сменила дранка. По свидетельству Плиния, дома в Риме до войны с Пирром,⁶³ т.е. до начала III в. до н. э., все крылись дранкой. Она уступила место черепице, как материалу более надежному в пожарном отношении. Крыша в перистиле одного помпейского дома, сохранившаяся только отчасти и вскоре рухнувшая, и несколько частично сохранившихся крыш на «Новых раскопках» дали нам достаточное представление об италийской крыше и о способе, каким укладывали на ней черепицу.

Кровельную черепицу делали разных видов: плоскую с боковыми краями, загнутыми книзу; при укладке рядами каждая

ниже лежащая черепица данного ряда как бы вдвигалась в верхнюю, линии соединения прикрывались еще черепицами, имевшими форму узкого, вдоль разрезанного цилиндра; эти полуцилиндры вставлялись один в другой. По углам клали особую черепицу, несколько напоминающую своим обращенным наружу концом скошенную лопату. С такой кровлей можно было не опасаться, что дождевая вода проникнет внутрь дома.

Интересен способ, каким возводили крышу над отверстием в так называемом «этрусском атрии», т. е. в таком, где крышу не поддерживали колонны (рис. 47). Еще в те далекие времена, когда в атрии помещался очаг, крышу его, во избежание пожара, приходилось значительно поднимать над остальным домом, а чтобы дождевая вода попадала в имплювий, надо было делать ее со скатами внутрь. Для этого в стены атрия вделывали две толстых крепких балки, дубовых или буковых, и связывали их посредине двумя поперечинами, которые, однако, не врубали в продольные балки, боясь их этим ослабить, а просто к ним прибивали. Чтобы стенки получившегося четырехугольника были равными по уровню, между этими поперечинами вставляли по толстому вкладышу, равной с ними высоты. С углов атрия к углам этого четырехугольника спускали так называемые «стропильные ноги» и по ним накладывали стропила. Остов крыши был теперь готов; оставалось только его накрыть.

Полов в Италии из досок не настилали. В отдаленные времена полом служила плотно убитая земля; впоследствии ее начали заливать особой массой, которую готовили из гипсового цемента, смешанного с толченым кирпичом. Это была «сигнийская работа», получившая название свое от маленького латинского городка Сигнии, особенно славившегося мастерами, делавшими такие полы. Чтобы сделать пол наряднее, в эту массу стали вставлять кирпичные плитки (их обычно располагали в форме колосьев) или кусочки разноцветного мрамора, из которых складывали различные геометрические фигуры. Иногда, вытесав эти кусочки в форме маленьких кубиков, располагали их правильными рядами и четырехугольниками, делая из пола подобие шахматной доски. Отсюда недалеко уже было и до мо-

заичного пола: маленькими кубиками, мраморными или (с начала империи) из цветного стекла, начали покрывать полы, выкладывая самые разнообразные рисунки: цветы, фрукты, птиц, животных, батальные картины, схватки гладиаторов, мифические сцены и портретные головы. В Риме мозаичные полы появились во второй половине II в. до н. э.: поэт Луцилий сравнивал умелосоставленную речь с мозаичным полом. В Помпеях нет почти ни одного дома, где не было бы на полу хоть небольшого пространства, выложенного мозаикой, иногда превосходной. Одинакового пола во всем доме, обычно, не бывало: в комнатах попроще довольствовались «сигнийской работой»; в остальных разнообразили полы выложенными узорами и мозаикой.

Комнаты италийского дома

Атрий. Первой комнатой, в которую попадал посетитель, пройдя через небольшие сени, куда часто выходила каморка привратника и где на полу бывал иногда выложен мозаикой страшный цепной пес с надписью «берегись собаки», был атрий — очень высокая, просторная и темноватая комната. Мы упоминали уже об этруском бесколонном атрие; именно таких старинных атриев в Помпеях было всего больше. Иногда встречаются четырехколонные; для этих атриев потребляли не две, а четыре более коротких балки, из которых каждая одним концом вделывалась в стену, а другим ложилась на одну из четырех колонн, стоявших по углам комплювия. Крыша при такой основе значительно выигрывала в прочности и обходилась дешевле, потому что длинные крепкие балки, по мере уничтожения лесов в Италии, становились все реже и дороже. Помпеи знают несколько таких четырехколонных атриев. Один из самых красивых находится в доме Серебряной свадьбы (назван так потому, что здесь раскопки начаты были в день серебряной свадьбы итальянской королевской четы) (рис. 48). Он очень просторен (16,53X11,28 м) и высок. Колонны из туфа, коринф-

ского ордера, гладкие внизу и канелированные дальше, имеют в высоту 6,86 м. Комплювий настолько велик, что его приходи-

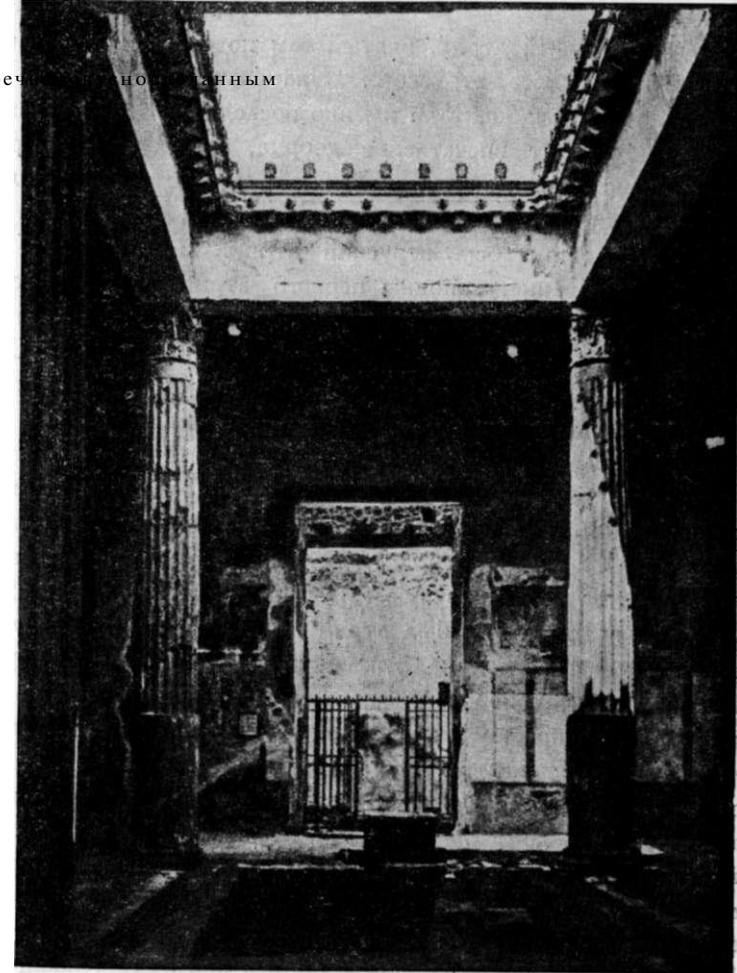

Рис. 48. Четырехколонный атрий в доме Серебряной свадьбы.

лось затягивать полотнищем для защиты от солнца. Полотнище это можно было отдергивать и опять натягивать с помощью

шнурков, проходивших через бронзовые кольца, вделанные в каждую колонну. Не уступит ему по величине и элегантности и четырехколонный атрий в доме с Лабиринтом (назван так по мозаике, изображающей Фессея с Минотавром⁶⁴ в лабиринте).

Четырехколонный атрий, взятый сам по себе, был, конечно, наряднее и красивее этрусского. Знаменательно однако, что люди со вкусом предпочитали именно последний. В доме Фавна, который производит впечатление дворца, имеется два атрия: этрусский (рис. 49) и четырехколонный. Вокруг четырехколонного группируются все службы и комнаты для работников. Центром господской половины был этрусский атрий. Предпочтение это имело свое основание: колонны первого атрия своей тяжелой массой заслоняли ту перспективу, наличие которой, после присоединения перистиля, так украшало италийский дом. Стоя в пустом полусумрачном атрие можно было через раскрытый таблин видеть колонны перистиля, вытянувшиеся прямыми рядами, зелень и цветы садика, сверкающие струи ведеметов. Иногда, как например, в доме Фавна или в доме Ариадны, за первым перистилем виднелся второй со своим садом. Из этрусского атрия в доме Корнелия Руфа открывался вид «на равнину и поднимающуюся за ней Молочную гору (Mons Lactarius) (рис. 50).

Третьим видом атрия был атрий многоколонный. Витрувий называет его «коринфским», неизвестно почему. В Коринфе,⁰⁵ конечно, никаких атриев не было. По всему своему виду, по величине верхнего проема атрия эти являются настоящими перистильями, только сдвинутыми со своего обычного места. Атриев такого типа в Помпеях мало; лучший образец коринфского атрия имеется в доме Епидия Руфа: шестнадцать стройных дорических колонн, высотой в 4,35 м, поддерживают крышу, более низкую, чем обычно в помпейских атриях. Хозяин дома решил по каким-то соображениям использовать пространство, обычно отдаваемое перистилью, под промысловый сад, грядки которого, освобожденные из-под пепла, превосходно видны и сейчас. Занимает этот сад площадь около 300 кв. м; в углу его находится комнатка для садовника, а далее — маленький садик-цветник. Импульсивный остался обязательной принадлежностью атрия:

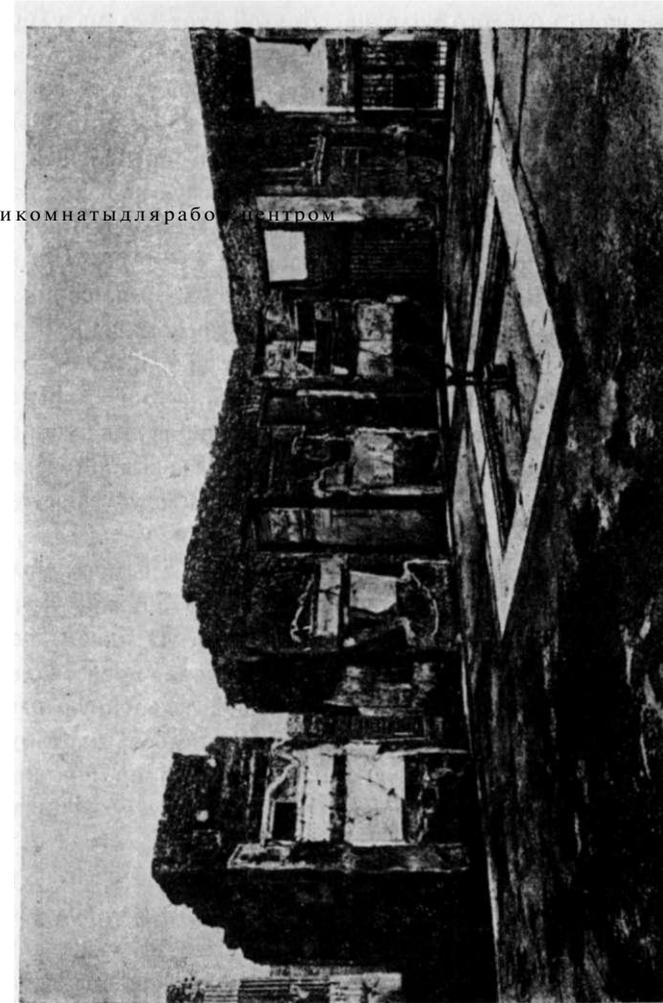

Рис. 49. Дом Фавна; этрусский атрий

вода из него поступала в цистерну, устроенную под полом; ее черпали оттуда через круглое отверстие, которое обделывали в виде невысокого круглого колодца. Другой сток вел на улицу: через него спускали грязную и застоявшуюся воду. Имплювий обычно облицовывали туфом или мрамором и часто устраивали в нем фонтан. Иногда этот фонтан помещали возле имплювия, проводя водопроводную трубу внутрь статуи, изображающей ребенка, животное или какую-нибудь мифологическую фигуру; вода из этого фонтана била не прямо в имплювий, а в большую каменную чашу, помещенную в середине имплювия; из нее, переливаясь через край, вода с плеском стекала обратно в имплювий. За фонтаном стоял стол, оставшийся здесь, как воспоминание о тех временах, когда в атрии готовили пищу и ели. Стол этот назывался «картибулом»; Варрон, помнивший, что во времена его детства картибул стоял в Риме во многих атриях, описывает его, как «каменный четырехугольный стол на одной ножке, на котором и вокруг которого ставили бронзовую посуду». В Помпеях он оставался во многих атриях как украшение, и действительно мог служить украшением: он был мраморный, его длинную доску поддерживали, обычно, четыре ножки, концы которых были отделаны в виде львиных лап. В одном доме нашли картибул, подставкой которого служила превосходная фигура сидящей львицы, свирепо повернувшей оскаленную пасть в сторону входившего. В атрии Корнелия Руфа доска картибула покоилась на двух великолепных плитах; каждая из них была отделана в виде двух крылатых грифов, повернутых спинами один к другому (рис. 50).

Статуя, служившая фонтаном; мраморный резервуар, куда вливалась и откуда с журчаньем стекала вода, и картибул были главными украшениями атрия. Надо представить себе весь этот ансамбль, чтобы почувствовать его прелесть. Сверканье воды, блеск мрамора, непринужденная поза статуи, обычно смеющейся или улыбающейся, врывались в несколько мрачную строгость атрия, смягчая и оживляя ее. В доме Обеллия Фирма веселый сатир дружески улыбался посетителю из-за струй воды, падавших в большой резервуар, поставленный на две высокие, изящно

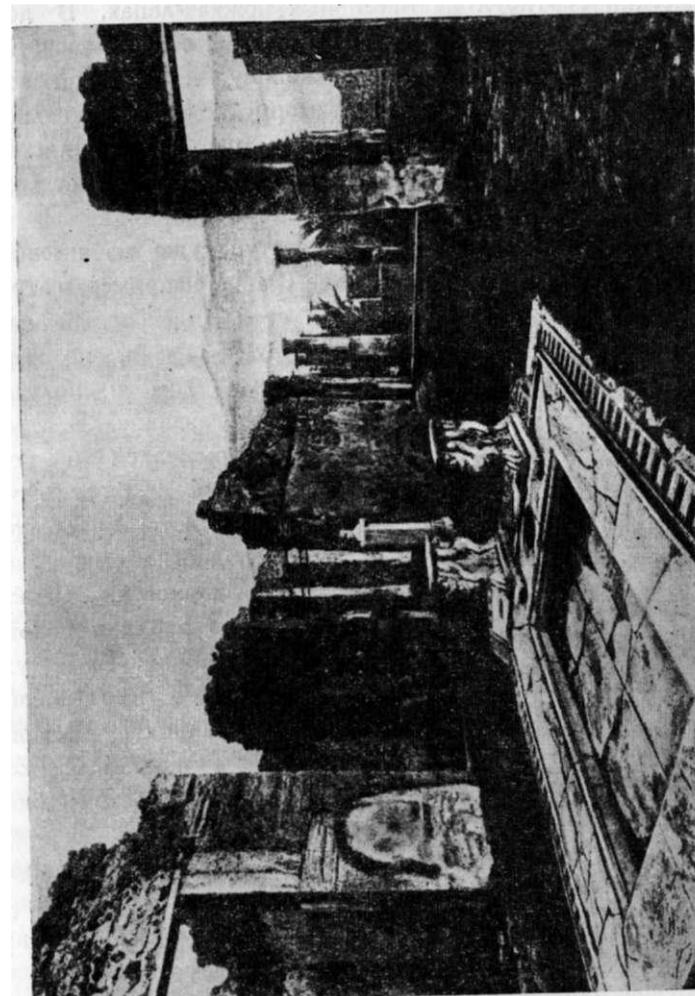

Рис. 50. Дом Корнелия Руфа (атрий, таблин и перистиль).

обделанные плиты. За ним, как бы замыкая этот уголок, поднимался высокий картибул на массивных ножках-лапах. В доме с Балконом в атрии, на невысоком пьедестале, стоит смеющийся мальчик; в левой руке он держит раковину, из которой вода попадает в глубокую и широкую мраморную вазу на канелированной ножке. По обе стороны статуи — невысокие ил Антерос, поставивший бюст Везония Приму, из которых через две проведенных в них трубы тоже бьет вода. А за статуей — опять картибул.

Иногда в атриях находились еще статуи, уже не имевшие никакого отношения к фонтану. В доме Фавна, например, в атрии стоял прекрасный пляшущий фавн, по которому дом и получил свое название. В атрии же помещался и портретный бюст хозяина, который обычно преподносил ему, в знак благодарности, какой-нибудь раб или вольноотпущенник. Бюст уже знакомого нам хозяина сукновальни Везония Прима поставил «казначей Антерос», как гласит надпись под этим бюстом; бюст Цецилия Юкунда тоже стоял в атрии.

Рис. 51. Денежный ящик.

Остался от старых времен в атрии и денежный ящик (рис 51). Это был прочный деревянный сундук, обложенный железными или бронзовыми пластинками, на которых были выбиты различные украшения. В каждом углу его находилось по двойной ножке, половинки которой были поставлены одна к другой под прямым углом; эти ножки охватывали каменную платформу, специально сделанную по размеру ящика; его как бы надевали на эту платформу и прикрепляли к ней металлическим болтом, проходившим сквозь дно ящика. Ящики эти бывали очень велики: Аппиан⁶⁶ рассказывает, что во время проокрип-

ций вольноотпущенник некоего Виния спрятал своего бывшего господина в таком ящике и благополучно продержал его там, пока опасность не миновала. Охранял этот ящик и ведал им доверенный раб-казначей — аркарий (от латинского слова «арка» — не в ящике) ил Антерос, поставивший бюст Везония Приму, был у него именно аркарием.

Полы помпейских атриев можно расположить по очень широкой шкале: от полов сигнийской работы с прокладкой из кусочков пестрого мрамора, иногда просто отбитых от какой-нибудь глыбы, а иногда вытесанных в форме квадратов, кругов или ромбов, и до полов с мозаикой. Края имплевия обычно украшали мозаикой простого рисунка, например спиралями или меандром. В доме Корнелия Руфа здесь изображены зубчатые стены и башни укрепленного города. Великолепен пол в атрии Публия Паквия Прокула: полосы белой мозаики, чередующиеся с черной; в каждой полосе какое-нибудь изображение — птица, рыба или животное.

Таблин. Таблин, как мы уже видели, непосредственно примыкал к атрию. Он был значительно уже его, продолговат, но больше, чем атрий, приближался к квадрату. На атрий он обычно открывался во всю свою ширину; дверей между обеими комнатами не было; вход в таблин, обрамленный, обычно, мощными пилястрами, задергивался широким полотнищем. В некоторых домах нашли крючки, на которые этот занавес можно было закидывать. Они вделаны в большие бронзовые кружки (иногда диаметром в 16 см); в одном случае мастер придал такому крючку форму изогнутого корабельного носа; в другом — укрепил его в шее мощного быка, упрямо склонившего свою сильную голову. Пол в таблине бывал также украшен мозаикой. В Доме трагического поэта, например, в таблине находилась превосходная мозаика, изображающая театральную уборную перед выходом актеров на сцену: бородатый старик, руководитель труппы, обращается с последними наставлениями к двум юношам, уже облекшимся в костюмы сатиров; около старика, справа и слева, лежат маски; сзади него молодой актер, с помощью служителя.

облачается в длинную одежду с рукавами; посередине флейтистка репетирует на своем инструменте.

Иногда перед порогом таблина, еще в атрии выкладывали мозаикой какой-нибудь узор или предмет: например перед таблином в доме Охоты находилась прекрасной работы мозаичная маска.

Таблин бывает открыт на перистиль во всю ширину, но бывает, что выход здесь и сужен — иногда чуть-чуть, а иногда и на треть, а то и на всю половину ширины таблина. Иногда таблин отделяется от перистыля невысоким парапетом; иногда же он открыт на перистиль широким окном. Подобное устройство диктовалось, между прочим, и соображениями эстетического порядка: перспективу перистыля, открывавшуюся из атрия, строитель суживал, придавая ей этим большую законченность и выразительность. Таблин для него являлся как бы рамой, в которую он вставлял картину, представлявшуюся глазам того, кто находился в атрии, да и в самом таблине.

«Крылья». Что касается «крыльев», то помпейцы, видимо, недоумевали, как им быть с этой старинной частью дома. Крыльев, обычно, полагалось два, но иногда число это сокращали и оставляли только одно крыло. В некоторых домах сюда ставили шкафы или превращали крыло в шкаф-чулан, набивая полки, следы которых сохранились до сих пор. Иногда крыло использовали для прохода в соседнее помещение. В некоторых крыльях по середине пола выложен мозаичный орнаментированный прямоугольник: здесь, очевидно, была столовая. Иногда крылья использовали как спальни. В доме Епидия Руфа крыло, устроенное не в конце, а по середине атрия, было превращено в домашнюю часовенку.

Перистиль. Любимой частью дома был перистиль — внутренний двор вытянутой прямоугольной формы (Витрувий считал, что длина перистыля должна быть на одну треть больше его ширины). Вокруг него с трех, иногда с двух сторон шла крытая колоннада. Пространство, оставшееся открытым, было превращено в садик и цветник.

Раскрашенные или покрытые штукатуркой под мрамор колонны; фонтаны, ниши, выложенные мозаикой или раковинами;

мраморные, бронзовые и терракотовые статуи и статуэтки — все это говорит о том, как дорог был этот уголок помпейцу и с каким часто наивным рвением стремился он его украсить. В этом свежем благоуханном уголке, куда не проникал нескромный взгляд непрошеного посетителя, он чувствовал себя настоящим дома, и недаром ларов так часто помещают в перистиле. Перистиль не мыслим без цветов, которые в жизни древних играли вообще роль большую, чем у нас: без венков, цветов и гирлянд не обходился ни один языческий праздник, общественный или семейный. Мы не знаем, чем засаживали помпейцы в самнитский период свои перистыли и сады, раскинутые за ними, но флора помпейских садилов времен империи нам хорошо известна. Усовершенствованная техника раскопок дала возможность находить и исследовать углубления, оставленные корнями растений, иногда определять их породу, проследить очертания грядок и клумб. На помощь пришла еще роспись помпейских стен, сохранившая образцы окружающей флоры. Изучению ее посвящены специальные работы; мы знаем теперь, что из декоративных растений в Помпеях сажали так называемый «мягкий аканф» (*Acanthus mollis*) послуживший образцом для самнитской трактовки коринфских капителей, алое, плющ, тамариск, мирт, тростник и папирус, а из цветов сеяли полевые маргаритки, красный полевой мак, и также снотворный, простой и махровый; сажали лилии, шпашник, нарциссы, ирисы, шток-розы и так называемые «дамасские розы». В некоторых садилах нашли клумбы, окаймленные высоким бордюром из кирпича, поставленного на ребро. Внутри клумб кирпичом же выведены прямоугольники со вписанными в них концентрическими кругами: площадь была как бы разбита на отделения, которые засеивали и засаживали разными цветами, превращая, таким образом, всю клумбу в душистый пестрый ковер. Иногда по веру низенькой балюстрады, соединявшей колонны перистыля, делали широкое углубление в виде борозды, которое засыпали землей и затем засаживали цветами. Кроме того, ставили еще цветы в горшках и в ящиках.

Жизнь в помпейских домах замерла навсегда, но помпейские садики воскресли. Клумбы при доме Веттиев (рис. 52), разби-

тые некогда рабом-садовником, современный садовник засадил такими же цветами, какие цвели здесь двадцать веков назад. На «Новых раскопках» садики возрождают с той же тщательностью и точностью, с какой реставрируют дома; мы говорили уже, каким благодеянием для этих садиков оказалась находка древнего колодца.

Самым прекрасным в природе для античного человека было соединение воды и зелени: без этих двух элементов не обходится ни литературный, ни живописный пейзаж, ни «Буколики» Вергилия, ни помпейские фрески. И помпейцы постарались, конечно, чтобы их любимые садики были богаты водой, причем воде надлежит не только питать их любимые цветы: она превращается в одно из главных украшений сада. Чего только ни придумывают помпейцы, на сколько ладов ни изощряются над тем, как провести воду в свои садики! Она бьет фонтанами, течет в каналах, каскадом скатывается с лестничек, нарочно устроенных для маленьких искусственных водопадов. В Помпеях, так же как и в Риме, любили усиливать таким образом звук журчащей воды; Сенека, с присущей стоицизму сухостью, укорял своих современников за эту выдумку, в которой ему виделась только прихоть избалованного роскошью вкуса. Вряд ли, однако, кому-нибудь из его читателей, наслаждавшихся блеском его отточенных антитез, приходило на мысль руководствоваться в жизни строгими требованиями философа. В Помпеях искусственные водопады, возмущавшие строгого стоика, имелись во многих домах: в доме с Большим фонтаном, в доме с Малым фонтаном, в доме, принадлежавшем, вероятно, Марку Лукрецию, и в ряде других. В первом из названных домов устроена была глубокая, полукруглая ниша (абсида), украшенная раковинами и пестрой мозаикой, из которых были выложены самые разнообразные узоры (рис. 53). В середине ниши изображена голова речного бога, а под ней находится обложенное бронзой узкое отверстие, откуда бьет вода, стеканэшая водопадом по шести ступенькам в бассейн. По середине бассейна на круглом постаменте, чуть выдающемся из воды, стоял амур с дельфином, из пасти которого била вода. В доме Марка Лукреция (дом этот, назван так на основании

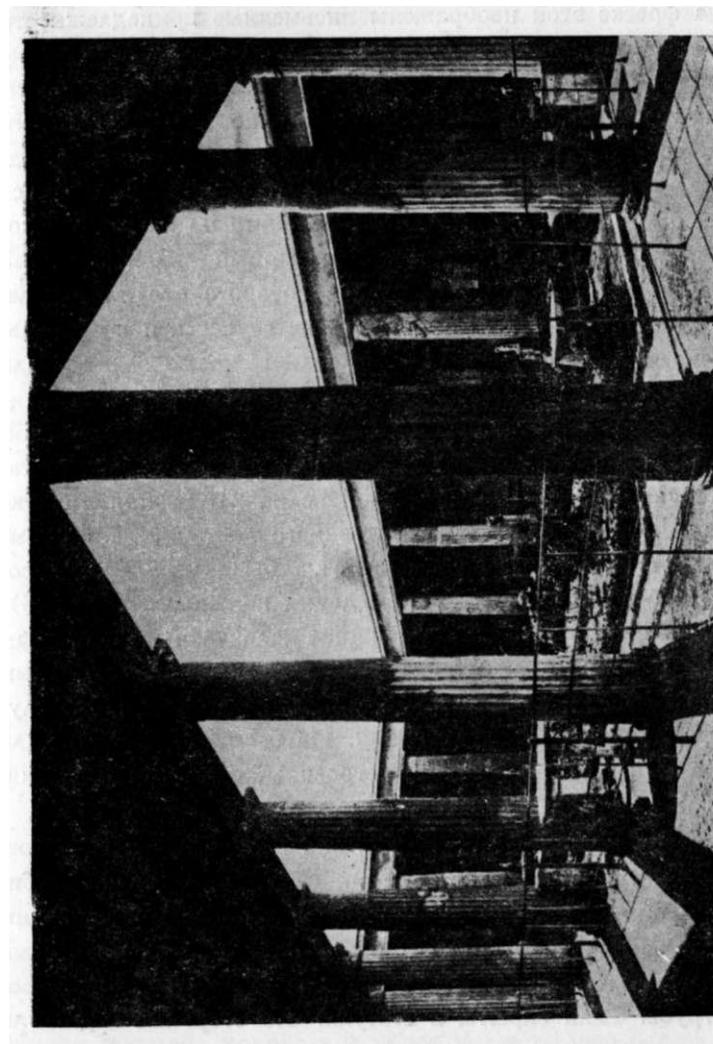

Рис. 52. Перистиль в доме Веттиев.

фрески, найденной в маленькой комнатке, открытой на перистиль; на фреске этой изображены письменные принадлежности и письмо с адресом: «Марку Лукрецию, жрецу Марса,⁶⁷ декуриону в Помпеях») настоящего садика в перистиле не было: цветы росли в глубоком желобе, выдолбленном по верху невысокого парапета, соединяющего пилястры, которые с двух сторон поддерживают крышу перистиля. В глубине двора находилась ниша знакомого уже нам вида с украшениями из раковин и мозаик; в глубине ее стоял белый мраморный силен хорошей работы с кожаным сосудом-мехом, из которого струилась вода. Она скатывалась вниз с пяти мраморных ступенек и по небольшому каналу, выложенному тоже белым мрамором, стекала в круглый бассейн (диаметром 2 м, глубиной 0,7 м), в середине которого на колонке стояла круглая чаша из желтого нумидийского мрамора; из нее бил фонтан. Вокруг бассейна все заставлено статуями самой разнообразной величины (например утка и две коровы) и разного художественного достоинства. В доме Корнелия Тегета в конце сада устроена была маленькая часовенка в виде открытого храма с двумя колоннами (рис. 58); в его полукруглой нише стояла изящная маленькая статуя нимфы или Венеры с раковиной в руках, откуда вода по мраморным ступенькам стекала в бассейн, стены которого выкрашены голубой краской и разрисованы рыбами. Из бассейна она попадала в канал, а из канала — в фонтан, устроенный по середине беседки, где помещалась летняя столовая.

Нельзя представить себе помпейских садиков без водометов. Хозяевам часто бывает мало одного фонтана; пользуясь обилием воды, они устраивают их несколько, причем придают им самую разнообразную форму. В перистиле у Веттиев, который постарались восстановить целиком в его прежнем виде, водопроводные трубы были скрыты в статуях. По сторонам перистиля стояли прямоугольные, а по углам круглые резервуары; вода била в них из двенадцати статуэток, бронзовых и мраморных, стоявших на постаментах: из клювов уток, которых держали два мальчика, из пасти пойманного зайца, из амфор в руках сатиров. Было еще два фонтана по середине сада, вода которых сте-

кала также в мраморные вместилища. В доме Голкония Руфа садик был обведен глубокой канавкой, куда попадала вода, бывшая из колонн пилястров. В доме Попидия Секунда Августа, одном из самых богатых

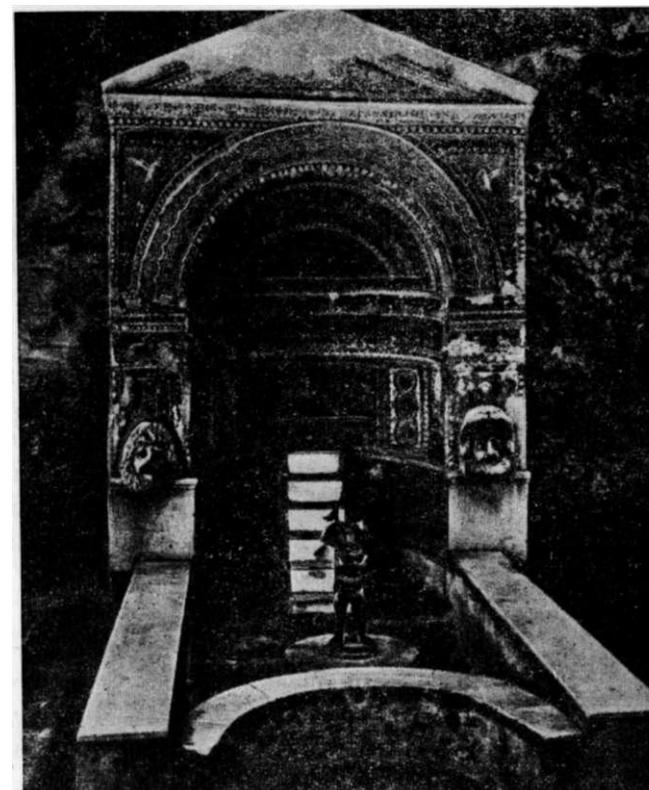

Рис. 53. Ниша с фонтаном.

хозяин поставил вокруг красивого полукруглого бассейна, отделанного мрамором, целый зверинец: были тут и лев, и дикий кабан, и лань, и две собаки, и свивающаяся кольцами, поднявшаяся на хвост змея (рис. 54). Каждая из этих небольших бронзовых фигурок была фонтаном.

Статуи не только служили для оформления фонтанов: они, как мы уже видели, были любимым украшением перистилей. Качество этих статуй зависело от средств, а еще больше от художественного вкуса хозяина: Марк Лукреций — человек, несомненно, богатый, так как в противном случае, он не мог бы состоять членом городского совета, — украсил свой садик коллекцией безвкусных вещей; у богача Корнелия Тегета рядом

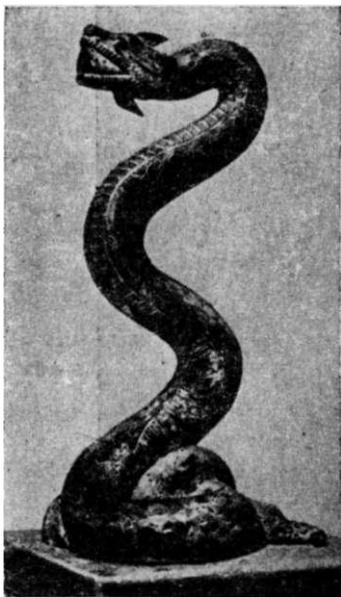

Рис. 54. Статуя для фонтана.

с первоклассными произведениями искусства были статуи весьма малой художественной ценности. По общему уровню своему помпейские граждане не отличались высоким эстетическим развитием. Это особенно относится к населению Помпей последнего периода, когда от старой самнитской аристократии, вроде хозяев дома Фавна, воспитанных в греческом духе, ничего не осталось. Римские колонисты, потомки старых семей, воспитанные в новом духе, занявшиеся торговой и промышленной деятельностью, разбогатевшие и богатые вольноотпущенники — все эти люди, занятые практическими делами и погоней за прибылью и наживой, не имели времени и возможности воспитывать свой

глаз на образцах подлинного искусства.

Рис. 54. Статуя для фонтана.

Тем изумительнее та тяга к красоте, которая живет в каждом из них, богатом и бедном, знатном и простом. Без стенной росписи, без фресок, без пола, украшенного если не мозаикой, то хоть каким-нибудь узором из кирпича или осколков мрамора, без цветов — немислимый самый скромный и бедный помпейский домик. Только рабы и совсем нищие ремесленники жили в комнатах без всяких украшений. В перистиле маленького домика, который преж-

ний его хозяин вынужден был продать Тегету, фонтан представлен просто водопроводной трубой, из которой вода текла в большой долией. У хозяина, видимо, не было средств для установки статуи и настоящего фонтана, но водопроводная труба послушно изогнулась в его руках, приняв форму взвившейся кверху змеи. Неизвестный хозяин жалкого домишки, сжатого между лавками и домом богатого соседа, сажает в крохотном дворике несколько цветочных кустиков. Сплошь и рядом картины, украшавшие дома помпейцев, плохо и грубо выполнены; но представить себе жизнь в доме без картин помпейцы были не в состоянии. Их стремление украшать свои садики статуями может вызвать иногда улыбку, но стремление это, часто неуклюжее и комичное, говорит о вошедшей в их плоть и кровь любви к искусству.

Рис. 55. Статуя эфеба из дома Корнелия Тегета.

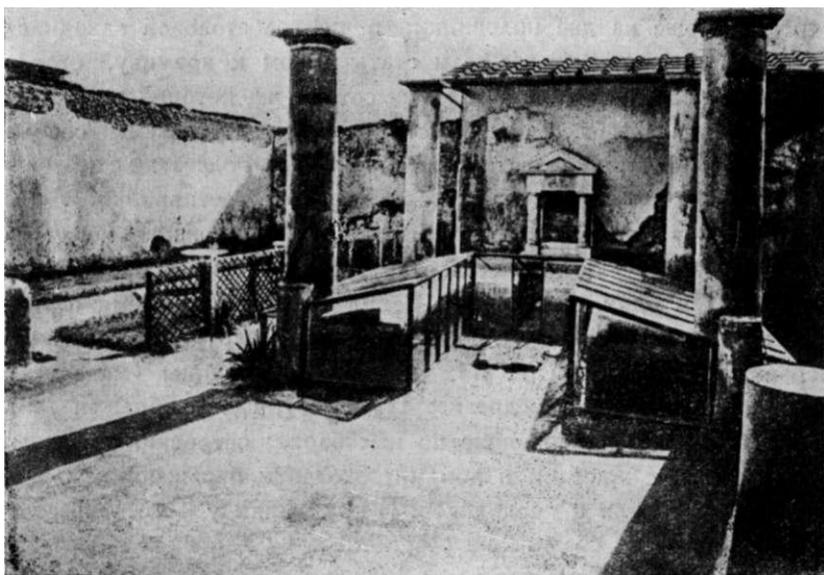
Для жителя древних Помпей оно было также необходимо, как хлеб, воздух, вода, и как без них, так и без него помпеец не представлял себе жизни. Без Помпей мы почти ничего не знали бы об античной живописи и не имели бы представления о многих скульптурных произведе-

ниях: у того же Попидия Августяна возле упомянутого бассейна стояла великолепная архаическая статуя Аполлона с кифарой⁶⁸ в руках (по ней дом получил название «дома Кифареда»); прекрасная статуя греческого юноши (очень хорошая копия с оригинала V в. до н. э.) (рис. 55) найдена была в доме уже упоминавшегося Корнелия Тегета. Когда началось извержение Везувия, хозяин, боясь за эту драгоценную вещь, велел обернуть статую грубой тканью и спрятать в одной из внутренних комнат — мера, которой мы обязаны тем, что кладоискатели античного и нового времени не обнаружили статуи на обычном месте в садике перистилия. В доме знакомого уже нам Лорея Тибуртина в садике у самых колонн портика во всю его длину был устроен глубокий, выложенный камнями канал (такие каналы называют греческим словом «еврипы», т. е. «проливы») (рис. 56), под прямым углом к нему шел другой. По краям его в зелени цветов и травы стояли небольшие мраморные статуэтки, в том числе прекрасный сфинкс с головой женщины. Богато был украшен мрамором садик в доме Золоченых амуров (рис. 57) (назван так по медальончикам амуров, отделанных золотом). Особенно замечательна здесь статуэтка Омфалы в львиной шкуре Геракла (по легенде Геракл в наказание **за** совершенное им убийство должен был провести три года **на** службе у лидийской царицы Омфалы; она одела его в женскую одежду и заставила прясть шерсть со своими служанками, а сама надела шкуру убитого им чудовищного льва, которую он обычно носил). Хозяева этого дома украсили свой перистиль мраморными досками, которые висели на цепях между колоннами. У входа в стену был вделан кусок темного стекла, служивший зеркалом. Перистиль этот вместе с садиком с максимальной точностью восстановлен в своем античном виде.

На юге любят обедать летом на открытом воздухе, и помпейцы разделяли эту любовь. Летнюю столовую они обычно устраивали в саду, в беседке, обвитой виноградными лозами. В доме Саллюстия между портиком (единственным) и наружной стеной находился крохотный садик, представляющий собой дорожку, обсаженную с обеих сторон цветами, росшими в узких и длинных каменных ящиках. Недостающую растительность

Рис. 56. Портик и садик в доме Лорея Тибуртина.

дополнял сад, нарисованный на стене. В том конце дорожки, где она расширяется, устроена была беседка (о ее существовании свидетельствуют дыры в стенах, проделанные для жердей, которые заплетал виноград, и большой прочный каменный столб, служивший опорой для этого зеленого потолка). Между камен-

Рис. 58. Столовая в саду у Корнелия Тегета.

(Впереди постамент, на котором стояла статуя эфеба, использованная в качестве подставки для светильников).

ными помостами, на которых возлежали обедавшие (в древности обедали лежа), стоял круглый стол на одной ножке (доселе сохранившейся на месте). Возле находился маленький, внутри голубой, водоем; напротив него из стены била струя свежей воды, проведенной из городского водопровода и стекавшая в упомянутый водоем.

Прекрасно сохранилась летняя столовая Корнелия Тегета (рис. 58). По сторонам трех каменных помостов стоят четыре

неканелированные колонны, выкрашенные в светлоголубой цвет. Они поддерживали настил из жердей, по которому вились виноградные лозы: раскопками были обнаружены в земле возле колонны их корни. В две передние колонны вмурованы круглые невысокие (1 м) подставки для статуй. Столовая была расположена рядом с храмиком, о котором мы уже упоминали, и откуда вода текла в канал. Канал этот как будто разрывал среднее ложе на две половинки; в центре столовой находился фонтан. Впереди справа, если стать лицом к храмику, стояла круглая подставка (около 1 м высотой), на которой и находилась статуя Эфеба. К рукам статуи были приделаны особые приспособления, куда вставляли бронзовые подставки с несколькими разветвлениями, на которые вешали светильники. Ложа были с внутренней стороны расписаны; возлежавшие могли за обедом рассматривать ряд картин, развивающих на протяжении почти 10 м одну тему: сцены и виды Египта во время периодического разлива Нила. По содержанию картины эти можно сравнить со знаменитой мозаикой из Палестрины (маленький городок возле Рима — древнее Пренесте), где изображен Нил в полном разливе: снующие по нем барки; островки, обросшие тростником, с храмами и домами; охотники, поражающие львов, пантер, бегемотов и крокодилов. В триклинии у Тегета чрезвычайно интересно соединение реалистических картинок (деревенская девушка, которая сидит с веретеном и прядет, а рядом с ней большая сторожевая собака на цепи; сельская веселая пирушка на открытом воздухе; любовная сцена, разыгрывающаяся в убогой сельской харчевне) со стилизованными пейзажами, в которых отчетливо выступают египетские моменты: Исида, крылатый сфинкс, священный бык Апис, крокодил, ибис, эфиопы в виде смуглых курносых пигмеев, обелиски, характерные египетско-эллинистические строения — высокие, прямоугольные, с большим, тоже прямоугольным входом. Особенно интересна одна фреска: раб-пигмей ногами приводит в движение архимедово колесо, знаменитую «улитку», с помощью которой производилась поливка засеянных полей и огородов: до сих пор — единственное имеющееся у нас изображение этой машины.

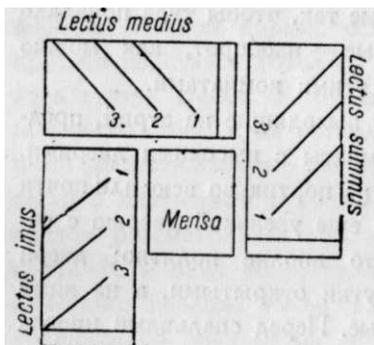
Вокруг атрия и перистилия располагаются комнаты помпейского дома, который поражает нас количеством комнат (у Тегета их было не меньше 30, и он был самым большим в Помпеях; у Епидия Руфа — около 20; в доме Фавна — около 40) и малыми размерами большинства их (комнаты в 6—8 м и даже меньше — отнюдь не редкость). Зато италиец желал, чтобы комнаты его были приспособлены к временам года; в доме устраивали особые столовые и спальни для зимнего времени и особые для летнего, помещая первые так, чтобы туда попадало как можно больше солнца, а вторые — наоборот, как можно больше от него укрывая. Займемся этими комнатами.

Спальни. В Помпеях спальни, выходящие на атрий, представляют собой высокие узкие комнаты с высокими дверями. Спальни вокруг перистилия открыты на портик во всю или почти во всю ширину и часто сообщаются еще узенькой дверью с соседними комнатами. Устройство это вполне понятно: двери в портик летом держали круглые сутки открытыми, а на зиму их закрывали и ходили через боковые. Перед спальнями иногда находилось нечто вроде маленькой прихожей, предназначавшейся, вероятно, для прислуживающего раба. Часто в спальнях устраивали для кровати нишу в стене. Если пол в спальне был мозаичным, то место, где стояла кровать, оставляли белым и окружали каким-нибудь орнаментом. Кроме того, потолок над кроватью иногда делали в виде коробового свода. По величине своей спальни часто бывали так малы, что кровать, особенно если она была двуспальной, занимала комнату почти целиком.

Столовые. Столовые, триклинии, обычно помещались рядом с таблином, но были и столовые, выходявшие в перистиль. Варрон укорял своих современников за то, что «они очень заняты тем, как бы расположить свои летние столовые на восточную, прохладную сторону, а зимние на заход солнца». У Тримальхиона были особые столовые для каждого времени года. В доме богатого помпейца столовых имелось несколько; обычно — это небольшие комнатки (3,5—4 м шириной и 6 м длиной), освещавшиеся из атрия или перистилия. На перистиль они открываются, в большинстве случаев, во всю ширину, но

снабжены большими створчатыми дверями. Значительную часть комнаты (метров 16 в квадрате) занимает стол и расположенные вокруг него три ложа (самое название столовой «триклиний» греческого происхождения от «treis» — «три» и «cline» — «ложе») (рис. 59). Квадрат, ими занятый, часто обведен мозаичным узором.

Древние италийцы обедали сидя; старинный обычай этот утратился под греческим влиянием: мужчины начали располагаться вокруг стола лежа;

сидели только женщины и дети (возлежать за столом разрешали себе лишь женщины легкого поведения; Цицерон, описывая разнузданную жизнь товарищей Катилины, изображал их «возлежащими на пирушках в обнимку с бесстыдными женщинами»). Убранство столовой было приспособлено

к этой новой моде.

Рис. 59. План триклиния*

Состоя-

ло оно из стола, обычно круглого, на одной прочной ножке, и трех широких пиршественных лож. Приличие требовало, чтобы на одном ложе помещалось не более трех человек: по словам Варрона, число приглашенных к обеду следовало начинать с числа Граций, т. е. с трех, и доводить до числа Муз, т. е. до девяти, и его не превышать. Гостей рассаживали по строгому этикету: для самых уважаемых предназначалось «среднее ложе»; здесь на обеде у Наэидиена, который так весело был описан Горацием⁶⁹ в одной из сатир, хозяин усадил Мецената⁷⁰ с двумя его молчаливыми спутниками; самым почетным местом на этом ложе («консульским», как его называли, потому что здесь сажали консула, если он бывал в гостях) считалось последнее с краю; рядом с ним находилось место хозяина, сидевшего на «нижнем ложе».

* Lectus — ложе; I. medius — среднее ложе; I. imus — нижнее ложе; I. summus — верхнее ложе; mensa — стол.

В одном помпейском доме в летнем триклинии, устроенном, как обычно, в садике (на «Новых раскопках»), на стенах были написаны в стихах четкими белыми буквами по черному полю правила поведения для застольников и приказ рабу-прислужнику. На одной стене:

**Ноги, мальчик, водою омой и досуха вытри,
Дай салфетки гостям, наши платки береги.***

Над средним ложе другая надпись:

**Взор на супругу чужую не смей кидать похотливый,
Ласков с нею не будь: скромно себя ты веди.**

И, наконец, против первой надписи:

**[Будь приветлив с соседом], и прочь ненавистные ссоры!
Если не можешь, шаги к дому обратно направь.****

Обедавшие помещались поперек лож и несколько наискось, так что голова каждого лежащего ниже (начиная от изголовья) приходилась, примерно, на уровне груди его соседа, возлежавшего выше.

Надо сказать, что эти столовые при своих малых размерах были очень неудобны: в них буквально негде было повернуться и нельзя было встать, не беспокоя соседей. В богатых домах уже в I в. н. э. начали устраивать столовые большего, чем обычно, размера: в доме Кифареда, например, это комната размером в 7 X 11 м, в доме Пансы — размером в 7,5 X 10 м. Они выходили, обычно, в перистиль и назывались греческим именем «oikos», т. е. «дом». Одним из видов такой комнаты был «коринфский ойкос». Отличительная его особенность состоит в том, что вдоль стен комнаты шли колонны, перекрытые коробовым сводом; потолок между колоннами и стеной был

* Катулл рассказывает в одном из своих стихотворений о госте, который на пирушке таскал салфетки у зазевавшихся сотрапезников. О госте, у которого «за пазухой спрятано множество салфеток», пишет и Марциал.

** Начало этого стихотворения не сохранилось и дополнено по смыслу. Дополнение взято в квадратные скобки.

обыкновенным, плоским. Комната, таким образом, приобретала вид базилики с ее тремя нефами: в среднем нефе находились обедающие, у которых теперь было достаточно пространства, чтобы вставать и проходить к своему месту, не тревожа остальных; в боковых стояли прислуживающие рабы.

Очень любопытно устройство столовой в доме Серебряной свадьбы (рис. 60); это просторная (13 X 6 м), продолговатая комната, явно разделяющаяся на две части: в задней — четыре восьмигранных колонны, очень близко поставленные к стенам, поддерживали коробовый свод; это и была собственно столовая; передняя часть предназначалась для рабов, которые, обычно в большом количестве, должны были прислуживать за столом. Этим комнатам стремились придать с помощью росписи и мозаик особо парадный вид. Одна из таких самых великолепных помпейских столовых находится в доме Корнелия Тегета. Это большая комната, широко открытая на перистиль и находящаяся прямо напротив летнего триклиния. Пышность стенной росписи дополняется еще прекрасным полом. У порога почти во всю длину комнаты мрамором выложена пестрая дорожка, от которой, в центр комнаты и переходя за него идет другая, более широкая. Почти в середине находится мозаичный квадрат (размером 0,9 X 0,9 м) изумительной работы из кусочков дорогого разноцветного мрамора. Геометрический рисунок (ромбы, шестиугольники, круги, треугольники, входящие между собой в разные сочетания) оживлен растительным орнаментом: стилизованными чашечками распустившегося цветка. Мозаика эта замечательна еще тем, что здесь впервые видим мы применение разноцветной (красной, синей, зеленой, белой и золотистой) стеклянной пасты, из которой сделаны розетки, вписанные внутри четырех шестиугольников, находящихся по углам квадрата. Квадрат этот, производящий впечатление яркого коврика, был предметом особой заботы хозяина, приказавшего прикрыть его толстым свинцовым листом, который снимали только в торжественных случаях. Эта мера предосторожности, необычная для Помпей, спасла редкую мозаику, стеклянные части которой иначе погибли бы от раскаленного пепла и падающих камней.

Кухни. Скажем еще несколько слов о помпейских кухнях. Они помещались, обычно в задней части дома, занимая иногда

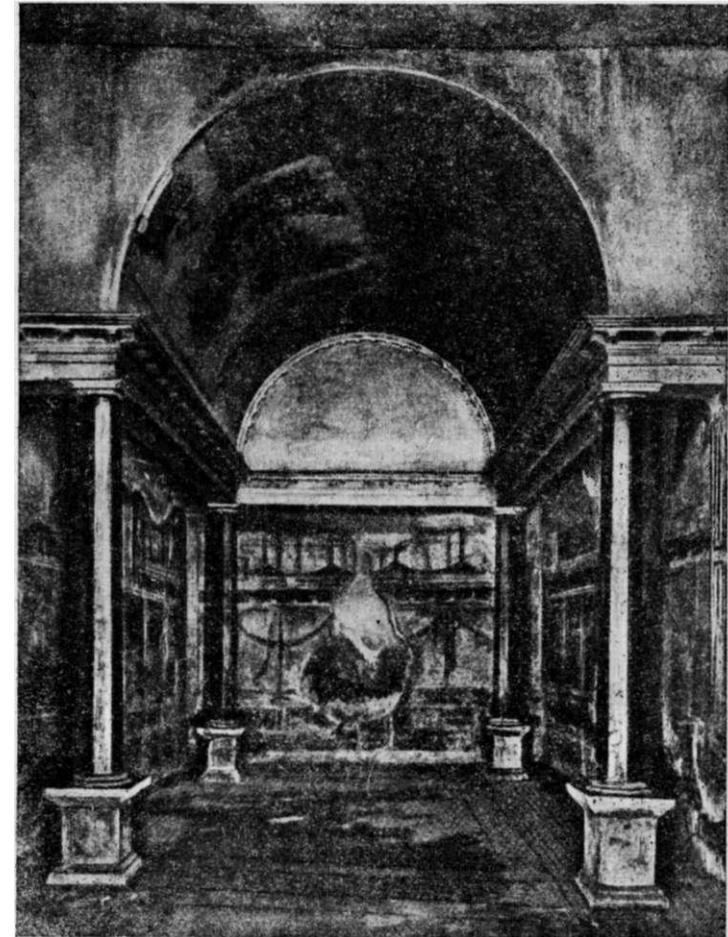

Рис. 60. Парадная столовая в доме Серебряной свадьбы.

пристройку. Это — маленькое помещение (редко бывает 15 кв. м), загроможденное при этом очагом, столом, а иногда еще водоемом и печью; оно не всегда правильной формы: бы-

вают кухни в виде трапеции или в виде узкого вытянутого коридора. Освещается кухня плохо: внутренними окнами или люками в крыше. Так как здесь находится очаг, то тут же часто помещается и ларарий. В кухне устроен сток для грязной воды, по которому она попадает в уборную, расположенную, обычно, рядом с кухней. Иногда кухни устраивали в подвале, иногда в верхнем этаже. Варрон говорит, что столовые из первого этажа часто переносили наверх; может быть, с тех времен остался еще обычай устраивать лестницу в верхние помещения именно на кухне. Поблизости от нее делали кладовую или чулан с провизией.

Ларарий. Итальянский дом вообще и помпейский в частности не мыслимы без места, посвященного ларам, без места их почитания — без ларария. Лары — это духи-покровители дома, с которыми связана вся его жизнь. К ним обращаются с горем и с радостью, в знаменательные для семьи дни, в праздники и в будни. Хозяин, приезжая в свое имение, прежде всего приносит им жертву; за каждым обедом им ставят в крохотных блюдечках на очаг еду и затем бросают ее в огонь; трижды в месяц (в календы, ноны и иды*) хозяйка кладет венок на очаг, который всегда поддерживается в чистоте, потому что это алтарь ларов, и простые, грубо вырезанные изображения их стоят около очага. Поэт Тибулл,⁷¹ отправляясь на войну, трогательно просит домашних богов:

**Лары отцов, сохраните меня! вы вскормили ребенка,
Крошкой был я тогда, бегал, играл возле вас.**

Им молятся при отъезде и при возвращении, в день рождения и свадьбы, а также по выздоровлении. Юноша, вступая в совершеннолетие, приносит им в дар золотой медальон, который носил мальчиком; девушка — свои детские игрушки. Жизнь каждого члена семьи и всего дома тесно связана с ларами, и борьба первых христианских писателей с культом ларов свиде-

* Календы — первое число каждого месяца; ноны в марте, мае, июле и октябре приходились на 7-е, а в прочие месяцы на 5-е число; иды в вышеупомянутые четыре месяца на 15-е, а в остальные на 13-е число.

тельствуем о том, как долго и прочно держался он в сердце античного человека.

Первоначально местом почитания ларов был атрий с его очагом. Впоследствии, когда очаг перенесли на кухню, туда переместился и ларарий, а затем его стали помещать в разных местах дома: в крыльях, в перистиле, в триклинных, во входных сенях. Ларарий представляет собой или нишу, квадратную, четырехугольную или полукруглую с арочным сводом, или настоящую маленькую часовенку, колонны которой опираются на невысокий пьедестал и перекрыты обычно двускатной крышей. Иногда просто на стене имелось изображение ларов. Перед этим изображением стоял постоянный или переносный алтарь, куда клали венки и цветы, где жгли ладан и совершали возлияния. Один из самых интересных ларариев найден в доме Веттиев. Это часовенка («эдикула» — буквально «храмик») высотой в 3,7 м, очень неглубокая в противоположность обычным помпейским часовенкам. На прочном основании, несколько выступающем из стены, утверждены две коринфских полуколонны, на которых покоится архитрав и фронтоны. Часовенка украшена лепными рельефами и расписана красной, желтой и голубой красками. Лары изображены на стене ниши: на белом поле стоят, приподнявшись на цыпочки, в легкой позе танца, двое юношей в белых туниках с пурпурной перевязью через плечо и чашей в форме рога в руках. Между ними — молодой человек в тоге с красной полосой. Дело в том, что вместе с ларами обычно изображали божественного спутника и помощника хозяина дома — его гения. Так же как и ларов, семья чтит гения своего главы: гению хозяина приносят жертвы, ему посвящают дары, им клянутся. Изображение его, которому иногда придают черты портретного сходства с самим хозяином, помещают в ларарий. У Веттиев, однако, по мнению некоторых, между ларами нарисован гений Нерона: в лице закутанного в тогу юноши с полным лицом усматривают сходство с портретом императора; при империи культ императорского гения был широко распространен; изображение в домашней часовенке его гения вполне соответствует духу времени. Внизу

под ларами нарисован свивающийся кольцами змей — это символ гения. Змея была животным, ему посвященным; иногда вместо гения изображали просто змею. Она ползет к алтарю, где лежат яйцо и плоды, чтобы вкусить от предложенной жертвы.

Меблировка

Помпейский дом показался бы нам почти пустым, а древний италиец пришел бы в ужас от загроможденности наших квартир. У античного человека мебели в доме было мало, и стол — главная принадлежность нашего комнатного убранства — играл в его жизни роль значительно меньшую, чем у нас. Письменных столов древние вовсе не знали, так как занимались и читали лежа. За столом обедали; красиво отделанный стол был декоративной мебелью, украшавшей атрий или перистиль, и, наконец, столом пользовались еще, чтобы на него ставить разные вещи: он заменял нашу этажерку. Обеденный стол, по свидетельству Варрона, был квадратным; потом его стали делать круглым. Помпейские обеденные столы были и той и другой формы, мраморные и деревянные. Кроме больших столов, были в ходу еще маленькие круглые столики на трех ножках, вытаскиваемых в виде ног лани или козы. Такой столик имеется на одной фреске, изображающей сценку из жизни постоялого двора: на нем стоит чаша и лежит какая-то еда; около, на двух длинных скамьях, сидят, закусывая и выпивая, остановившиеся здесь путешественники. Столиками этими пользовались как легкой переносной утварью и на пирушках: на них расставляли вино.

Сохранились и столы-этажерки: это небольшие высокие столики на трех или четырех ножках. Очень хорош один из них (рис. 61); несмотря на соединение самых разных и несовместимых мотивов, он производит впечатление изящества и обдуманной законченности. Круглая доска его из красного тенарского мрамора с бронзовыми украшениями по ободку покоится на четырех бронзовых ножках, изогнутых в виде ног животного и оканчивающихся мощной когтистой лапой, упершейся в подставку. Вверху ножки отделаны в виде цветочных чашечек, из

которых выходят фигурки мальчиков. Ножки вделаны в шарниры, укрепленные в нижней поверхности столовой доски, и соединены с помощью подвижных пересекающихся поперечин таким образом, что их можно сдвигать и раздвигать: столик от этого становится выше (на 1/4) или ниже.

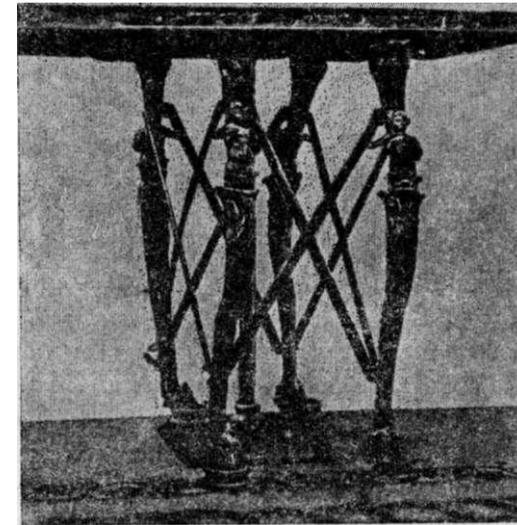

Рис. 61. Помпейский раздвижной столик.

Любопытная находка сделана в одном доме на «Новых раскопках»: три мраморных столовых ножки в виде львиных лап, на каждой из которых с некоторой разницей в написании стоят три имени «П. Каска Лонг». Они принадлежали одному из самых деятельных участников в заговоре против Цезаря: первый удар кинжалом нанес ему Каска.

Проданный вследствие конфискации имени Каски, стол прошел, вероятно, через множество рук, пока попал, наконец, в тихие Помпеи.

Ложа. Ложе в быту древней Италии играло большую роль. На нем не только спали, но обедали, занимались, читали, писали. Ложа для спанья, занятий и трапезы почти не отличались друг от друга. Кроватью для очень бедных людей служил каменный помост (длиной метра в 2, шириной в 1 м и высотой 50—70 см), на который клали матрацы, подушки и покрывала. Чаше, однако, спали на деревянных кроватях (металлических не было вовсе), видом своим очень напоминающих наши, с высоким изголовьем, но часто вовсе без изножья. Богатые люди украшали кровати бронзой, серебром, слоновой костью. Иногда ножки делали целиком из бронзы; в Помпеях были найдены так же кровати с ножками из слоновой кости.

Удалось сделать гипсовый отлив с изголовья одной кровати: в его сплошную поверхность вставлено пять прямоугольных филенок с рамками: в Помпеях любили разнообразить таким образом ровную плоскость широких досок. Современную сетку заменял ременный переплет, который натягивался на деревянную раму.

Постель стлали почти так же, как и у нас; тюфяки и подушки, обычно, набивали шерстяными оческами. С I в. н. э. пошли, однако, в ход подушки с гусиным пером и пухом. Плиний Старший, долгое время проживший в Германии, рассказывает, как римские военачальники отправляли на охоту за гусями целые отряды солдат, снимая их для этого даже с караулов. Матрац закрывали или мягкими шкурами или пестрым расшитым покрывалом; другое покрывало в том же роде служило одеялом, простынь не употребляли. В столовой ставили ложа более широкие, чем в спальне, и также застилали матрацами и покрывалами; по краю, обращенному к столу, лежали подушки, особая для каждого места, на которую обедавший опирался левой рукой. В Помпеях нашли прекрасный экземпляр такого обеденного ложа с деревянной рамой и деревянными же точеными ножками (рис. 62). В изголовье вставлена длинная сплошная филенка; с боков оно украшено поясными фигурами, литыми из бронзы. Рама и ножки обиты бронзой, причем со стороны, обращенной к столу, обивка рамы богато выложена серебром,

Иногда ложа вокруг стола вмуровывали в пол: неизменно делали это с каменными покатыми помостами, в летних столовых, устраиваемых в садовых беседках; такие помосты найдены в доме Саллюстия, у Корнелия Тегета, у Лорея Тибуртина. Недавняя находка заставляет, однако, думать, что они отнюдь не обязательны для летних столовых. В перистиле богатого и знатного Паквия Прокула («Новые раскопки»), в садовой

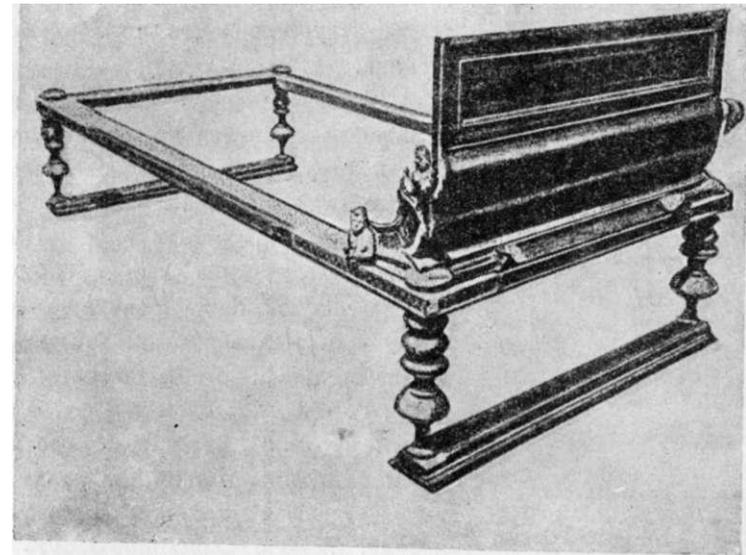
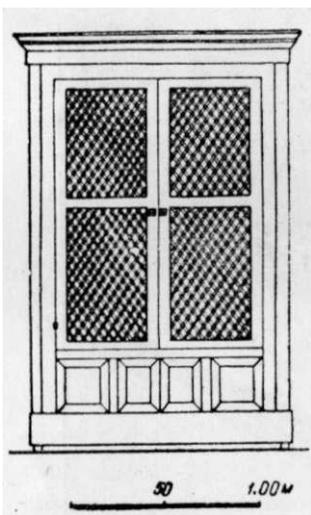

Рис. 62. Ложе для триклиния.

беседке уже знакомого нам типа, нашли в пепле явственный отпечаток трех обеденных топчанов, сколоченных из досок с помощью больших железных гвоздей. Скромный остов топчана был, конечно, целиком скрыт под тюфяками (обычно пестрыми и расшитыми) и покрывалами.

В начале империи в моду начали входить полукруглые ложа, получившие название «сигмы» за свое сходство с греческой перевернутой буквой «сигма». На них могло поместиться несколько

человек, иногда до двенадцати. Помпейские фрески неоднократно изображают такую сигму. Особенно хороша одна фреска: вокруг низенького трехногого стола собралось общество в девять человек; некоторые стоят, другие возлежат на сигме; на столике разложены какие-то небольшие круглые предметы; один из лежащих держит в левой руке маленькую собачку и собирается поставить ее на стол. В древности так же, как и у нас, любили дрессировать домашних животных; хозяин, очевидно, хочет продемонстрировать собравшимся приятелям искусство своего четвероногого ученика.

Шкафы. Древность нуждалась в шкафах значительно меньше, чем мы, потому что античную одежду, так же как и наше белье, очень удобно было хранить в ларях. Шкафами пользовались редко, причем иногда какую-нибудь крохотную комнату или маленькое крыло превращали в шкаф; стены комнаты служили готовым остовом шкафа, в который только вставляли соответственной длины и ширины полки. В таких шкафах хранили провизию,

посуду, разную домашнюю утварь.

Рис.

63.

Шкаф.

Иногда туда складывали ковры, покрывала и одежду; очень часто ставили книги. Были, однако, и настоящие шкафы. Шкаф, стоявший в усадьбе под Боскореале оставил такой ясный отпечаток в пепле, что сделанный гипсовый отлив превосходно передает его форму совсем современного шкафа с двойными дверцами и панелями. В нем находилась посуда и туалетные принадлежности. Очень красивый шкаф (рис. 63) удалось реконструировать в одном доме на «Новых раскопках»: дверцы маленьких нижних ящичков отделаны в виде входов в комнаты; створчатые дверцы, украшенные бронзовыми кольцами, представляют собой четыре рамы, в которые вставлен

простой и изящный сквозной переплет. Высота шкафа 2,18 м, ширина 1,35 м.

Светильники. Избалованные электричеством мы плохо представляем себе, каким жалким освещением пользовались древние. Восхищаясь художественной отделкой светильников, мы не думаем о том скудном свете, какой они давали. Светильники часто представляют собой настоящие маленькие памятники искусства, но как осветительные приборы уступают самой невзрачной керосиновой лампочке. По устройству своему они напоминают коптилки, которыми пользовались ленинградцы во время блокады; в плоский сосуд с дырочкой наверху наливали оливковое масло, а через носик сосуда пропускали льняной фитиль, скрученный в виде толстого шнура. Чтобы было светлее, в комнату ставили по несколько светильников или делали их со многими фитилями (в Помпеях найдены светильники в форме лодки, с четырнадцатью фитилями).

Рис. 64. Светильник из дома Корнелия Тегета.

Античные мастера изощрялись и над тем, как изукрасить светильники и над тем, какую новую оригинальную форму им придать. Украшениями служили мотивы из растительного и животного царства, мифологические и бытовые сценки. Ручки глиняных светильников отделявали пальметками, завитками или крупными листьями аканфа; у ^{13*} бронзовых изогнутая, очень удобная для держания ручка заканчивалась головой какого-нибудь животного, например

лошади или льва. Форму придумывали самую разнообразную: светильники делали в виде маски; человеческой головы, у которой фитиль был вставлен в рот; ноги, обутой в сандалию; слоновьего хобота; утки, закинута голова которой служила ручкой, а хвост заканчивался двумя отверстиями для фитилей.

для наливанья масла.

Рис. 65. Канделябр.

Очень интересный светильник нашли в доме Тегета: обнаженный бородатый мужчина ярко выраженного восточного типа сидит на земле и держит между ног обеими руками сосуд конической формы — это и есть сама лампа (рис. 64); на спине фигуры, рядом с круглой ручкой, имеется отверстие

Бронзовые светильники изготовлялись, обычно, в виде сосудов со снимающейся крышкой; ручкой для этой крышки и одновременно ее украшением служила какая-нибудь фигурка, к которой Иногда прикреплялась на цепочке иголка с крючком, чтобы

поправлять фитиль. На крышке одного светильника стоит бородатый сатир, на другой — сидит маленький крылатый амур, борющийся с гусем. Очень хороша крышка со стремительно бегущим и оглядывающимся на бегу юношей-моряком.

Все комнаты первого этажа в помпейских домах, получавшие свет из атрия или перистилия, нуждались в освещении. Ложились, правда, рано и вставали с рассветом, но в спальнях, освещавшихся только из атрия или перистилия, темнело рано; за

столом же имели обыкновение засиживаться до темна: один из знакомых Плиния Младшего, известный своим умеренным образом жизни, заканчивал свой «простой обед» уже ночью; Плиний Старший «так дорожил временем», по словам племянника, что «летом вставал из-за стола еще засветло, а зимой с наступлением темноты»; иными словами, он сидел за столом часа три. Чтобы разогнать мрак густых южных сумерок, в комнату не только вносили много светильников, но и помещали их на особых высоких подставках. Одни из этих подставок стояли на полу и назывались «канделябрами» (от латинского слова «candela» — «свеча»; древнейшие канделябры, изображение которых найдено в этрусских могилах, предназначались не для ламп, а для свечей) (рис. 65); высота их — от 0,75 до 1,5 м. Есть канделябры, в которых высокий четырехгранный стержень или изящная канелированная колонка на трех звериных лапах поддерживает одну или несколько ламп. Очень любили канделябры в виде дерева, с ветвей которого свисало по нескольку ламп. Иногда светильник помещали на невысоком (не выше 0,5 м) трехногом столике, который ставили чаще всего на стол-этажерку, придвигаемую к самому ложу.

Стенная роспись

Мы говорили уже, что в помпейском доме все комнаты, за исключением имевших чисто хозяйственное назначение (кладовые, кухни) и отведенных для рабов, были расписаны. Эта стенная роспись отнюдь не оставалась за все время существования города одной и той же: менялось социальное лицо заказчиков, менялись вкусы и, в связи с этим, менялась и живопись. Вся она выполнена в фресковой технике: художник писал по сырой штукатурке. Грунт подготавливался особым образом, так, чтобы оставаться сырым в течение длительного периода, пока стену расписывали. Яркость помпейских красок объясняется и особой обработкой грунта и качеством материала для красок, длительные поиски которого увенчались, наконец, успехом.

В Помпеях работало несколько художественных мастерских, «школ», выработавших свои определенные правила, которыми строго руководствовались ученики. Индивидуальность проявлялась только в способности комбинировать данные мотивы, развивать и варьировать их в согласии с традицией. Помпеи, конечно, не были центром, дающим тон; они следовали моде, шедшей из Рима, который, в свою очередь, усваивал течения, занесенные из Греции и с эллинистического Востока.

В помпейской стенной живописи различают четыре «стиля». Первый стиль получил название «инкрустационного». Сущность его заключается в том, что штукатурку, покрывающую стены дома, отделяют «под мрамор», т. е. придают ей такой вид, что стена кажется сложенной из мраморных плит. Плоскость стены делится на несколько по-разному отделяемых полей; с течением времени эти плиты начинают раскрашивать пестрыми красками, покрывают их сетью прожилок. Живописец, таким образом, присоединяет свои усилия по декорированию дома к работе лепщика. Хороший пример этого стиля дает таблин в доме Саллюстия. Внизу — сплошная желтая панель; над ней — сначала широкая полоса, как будто сложенная из черных мраморных плит, а за ней — более узкие полосы, расписанные в разные цвета: желтый, зеленый, фиолетовый. Живописец и лепщик трудятся вместе над украшением дома. Вверху — фриз, составленный из лепного карниза, над которым опять идут ряды «мраморных плит» и второй карниз. Стена украшена, таким образом, на высоту около двух третей.

Прекрасные образцы такого стиля, в полном его развитии, дают дома эллинистического Делоса и Приены. В итальянской трактовке его, известной нам лучше всего по Помпеям, особенно любимы были чисто архитектурные детали: колонны и пилястры, подчеркивающие вертикальную тенденцию стены. Ими пользуются преимущественно для обрамления дверей, окон и ниш и в верхней части стены, между первым и вторым карнизом.

Общее впечатление, которое производит этот стиль, несколько тяжеловесное. Тяжеловесность эта начинает утомлять; стена кажется скучной.

Второй стиль (конец II в. до н. э.) отказывается от лепных рельефов и берет только элементы живописи, имевшиеся в первом. Его можно охарактеризовать как чистую архитектурную живопись. Первый стиль «утверждал стену» как нечто прочное, как некую преграду между комнатой и остальным миром; второй стиль эту преграду устраняет. Колонны, полуколонны и пилястры теперь не только обрамляют двери или украшают фриз: художник рисует их на стене от нижней панели, а то и от самого пола и до потолка; соблюдение пропорций и искусное распределение теней делают то, что настоящая стена исчезает, будучи заслонена, как театральной декорацией, тем, что нарисовал художник. Он создает перспективу и пространственную иллюзию. В дальнейшем развитии второго стиля на стене появляется ряд величавых сооружений, расположенных в нескольких пространственных планах: стена за ними не чувствуется. В центре этих строений обычно бывает нарисована закрытая дверь, которую в последней стадии развития этого стиля художник изображает раскрытой, и через образовавшийся «пролом» зритель видит деревья, людей, животных — сцены пейзажного и мифологического характера.

Второй стиль соединил в себе два разных элемента: архитектурную перспективу и монументальную живопись, причем первая использована как рамка для второй (рис. 66). Тайна его успеха заключается в ясной простоте общего плана стеновых декораций и в том, что художник сумел до известной степени реалистически подать свои великолепные архитектурные сооружения с видами вдаль, которые по существу «зачеркивают» не только стены, но и самую комнату, превращая ее лишь в зрительную площадку, откуда можно созерцать торжественную пышность величавых дворцов и необъятные дали широкого мира, открывающиеся за этими дворцами. Родиной этого стиля считаются эллинистические центры М. Азии; трудно было найти живопись более подходящую для Рима в период его экспансии.

Третий стиль является своего рода протестом против второго. Если второй стиль «зачеркивает» стену комнаты, закрывая ее перспективой уходящих вдаль зданий, которые иногда

как бы раскрываются, чтобы показать пейзаж или людей, находящихся еще дальше, то третий стиль помнит, что стена есть прежде всего плоскость: никаких «проломов», ничего, что следовало бы распределять на разных пространственных планах. Совершенным выражением третьего стиля может служить стена в доме Столетней годовщины,* где на черном фоне главного поля стоят крохотные, словно затерявшиеся белые фигурки. Декорации этого стиля являются подражанием ковру, который повешен на середине стены. Настоящие ковры были, конечно, на стенах помпейских домов, но от них ничего не осталось; уцелели только гвозди или крючки, на которых ковры держались. Художник включает в свои нарисованные ковры целые картины. Не будем искать здесь эпизодов из римской истории или хроники местных событий: перед нами проходит чуть ли не вся греческая мифология с преимущественной склонностью к любовным историям, трактованным в духе овидиевой поэзии. Усталое общество империи не хочет далеких перспектив, не ищет поучений и высоких героических образов: оно охотно закрывается в стенах своего дома, которые опять надежно отгородили человека от внешнего мира, приобретя реальность, утраченную* во втором стиле. Архитектурные мотивы, появляющиеся сейчас в «коврах», подчинены их стилю: они кажутся «плоскими», имеют чисто орнаментальное значение. Перспективное расположение есть только во фризах. Архитектурные сооружения нарисованные художником, работающим в третьем стиле, совершенно нереальны. Но приходит момент, когда мотив ковра оставлен, сохраняются только эти нереальные постройки. Забыв о ковре, художник разбрасывает свои фантастические сооружения по стене; его воображение не знает теперь удержу: он стремится только заполнить пространство, блеснуть выдумкой, поразить нереальностью своей композиции. Декорация перегружает стены, которые сплошь покрыты теперь фантастическими строениями — это последний, четвертый стиль помпейской живописи.

* Был раскопан в столетнюю годовщину помпейских раскопок.

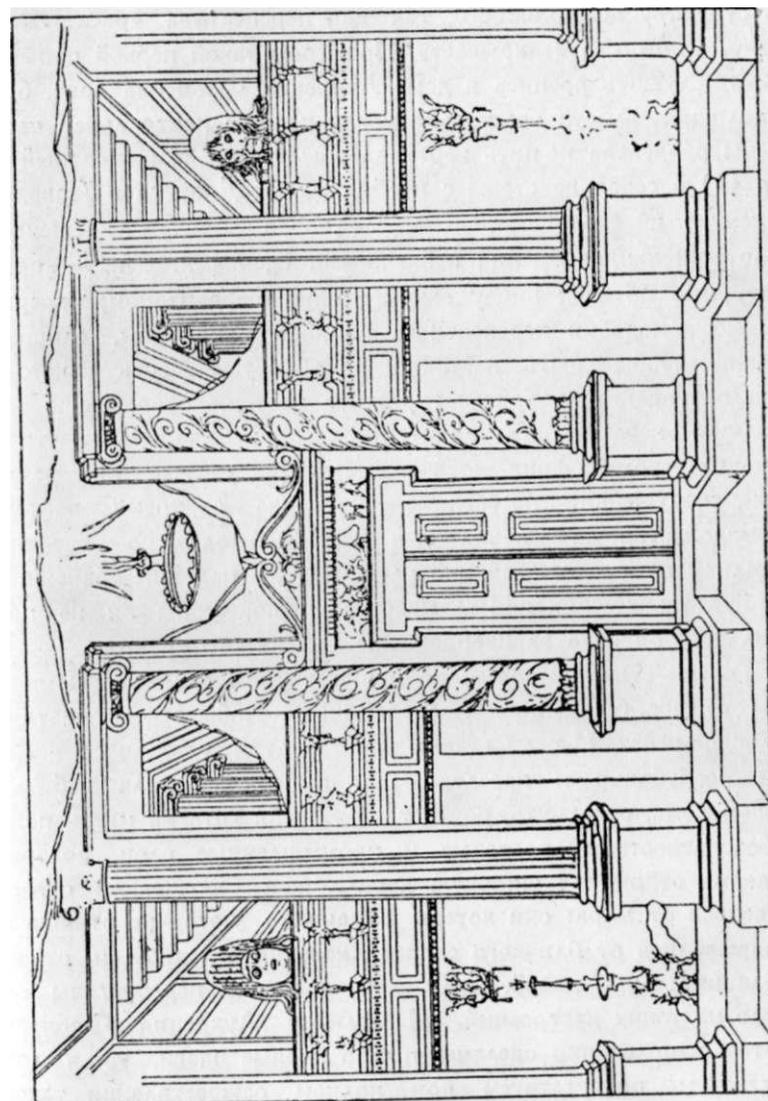

Рис. 66. Стена в усадьбе Фанния Стабигора. Второй стиль.

Началом четвертого стиля следует считать попытку примирения «принципа ковра» с перспективой — примирения по существу невозможного, так как перспектива «раскрывает» стену, а ковер ее «закрывает». Примером такой первой попытки может служить роспись в доме Лукреция Фронтоня (рис. 67): панели нет, вместо нее только узкая полоса; центральная часть стены разделена на пять вертикальных полос: тёмнокрасный ковер (1) в середине стены с изображением Диониса и Ариадны в центре, по сторонам два черных ковра (2 и 3), украшенных золотыми канделябрами и пейзажными сценками; 4 и 5 — архитектурные мотивы; внизу высокое окно с фронтоном; вверху, в некоем подобии перспективы, ионийские колонны, слишком тонкие, чтобы быть настоящими, образуют часть какого-то круглого здания; вокруг — гирлянды цветов, которые еще углубляют нереальность архитектурного мотива. Фантастичен и архитектурный фриз, хотя в нем можно узнать типы реальных сооружений; посередине — базилика с тремя нефами; с каждой стороны — павильон и над ним беседка, но в середине базилики помещен маленький натюрморт, а над ним треножник, как-будто художник подсказывает зрителю, чтобы он не принимал его рисунка за изображение подлинного здания.

Третий стиль, который по изяществу не знает в Помпеях равного себе, был слишком «академичен», чтобы рассчитывать на большой успех. И если старая аристократия, усталая от неурядиц республики и преследований империи, хотела забиться в свои дома, отдохнуть, почувствовать себя хоть на миг в покое и безопасности, то торговые и промышленные слои, которым империя открывала широкую дорогу, вовсе не желали отгораживаться от мира: они хотели домашнего уюта, но отнюдь не отказывались от близкого соприкосновения с миром и от его соблазнительных далей. Соединение ковра и перспективы выросло из таких настроений. И если у Лукреция Фронтоня в этом направлении сделаны только первые шаги, то в доме Веттиев мы присутствуем при полном осуществлении такого соединения (рис. 68). Традиционное деление стены на три горизонтальных части сохранено. Панель украшена в инкруста-

ционном стиле. Центральная часть стены разделена вертикально на отдельные поля: на длинных стенах — таких полей по пять на каждой, на коротких — по три. В середине ковер с мифологической сценой; он как бы вставлен в тонкие золотые

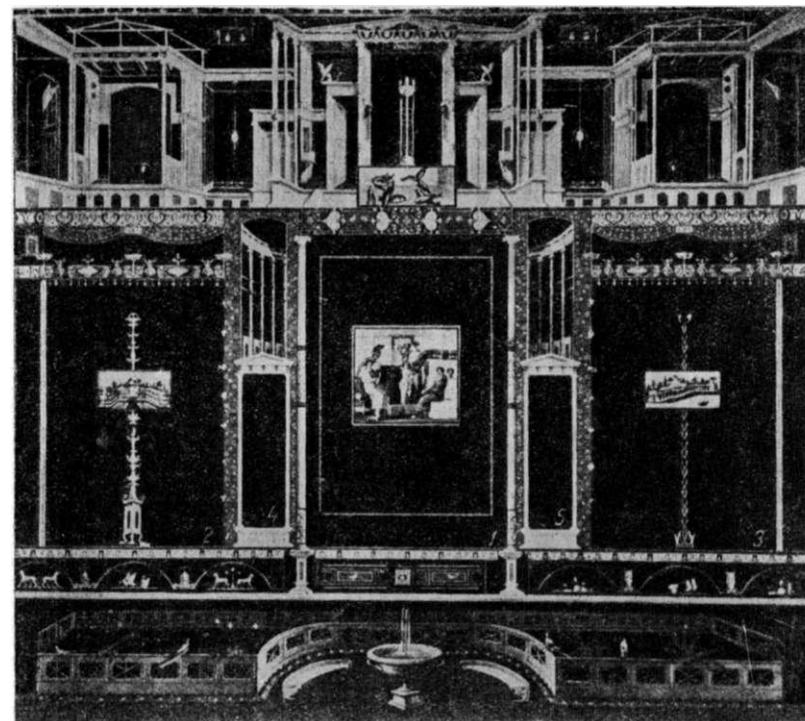

Рис. 67. Стена в доме Лукреция Фронтоня. Третий стиль.

колонки, украшенные фигурным и растительным орнаментом; на колонках покоится архитрав, с которого свисают цветочные гирлянды; по сторонам изображены перспективы уходящих зданий, под которыми находятся маленькие натюрморты, а еще ниже — высокая панель. Дальше на длинных стенах — белые ковры с парящими в воздухе фигурами посередине. Фриз покрыт фантастическими строениями, которые имеют не только

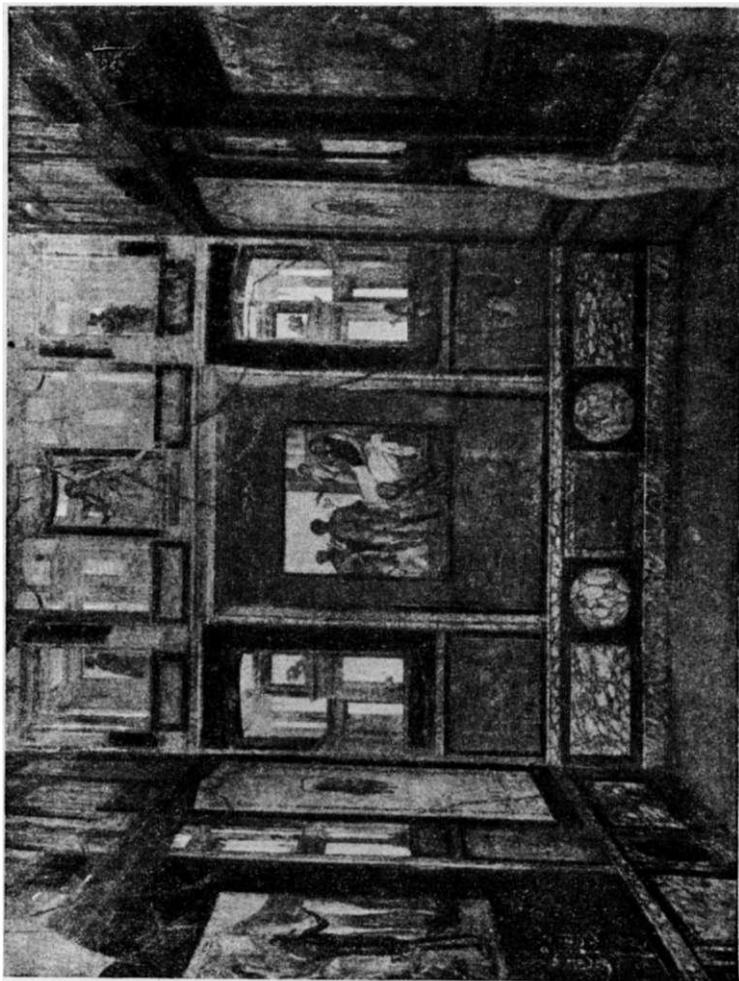

Рис. 68. Стена в доме Веттиев. Четвертый стиль.

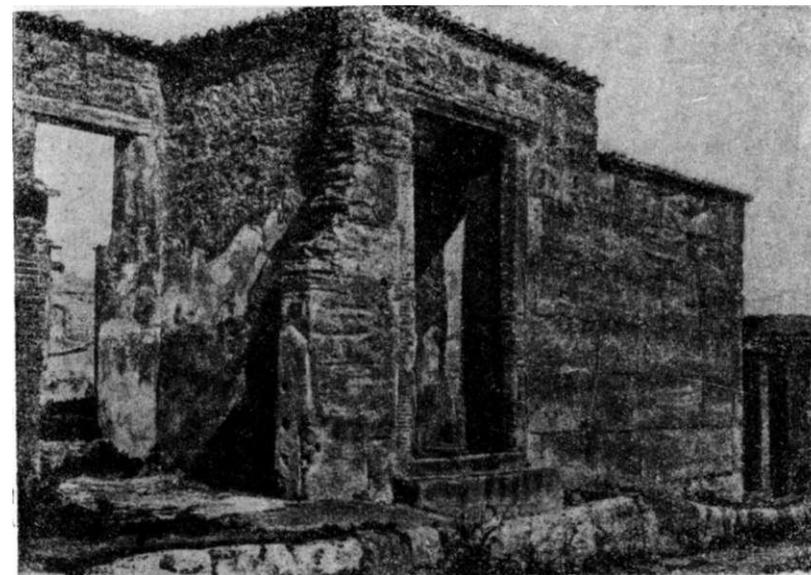

Рис. 69. Дом Хирурга. Фасад.

орнаментальный характер, как в доме Лукреция Фронтоня, но рассчитаны на то, чтобы обмануть глаз: с балкона смотрят вниз божеества и жрецы, а за ними уходят вдаль колоннады зданий.

С гибелью города окончилось развитие стеной живописи в Помпеях. Росткам новых стилей, которые можно наблюдать

на стенах, не суждено было развиваться и развернуться во всей полноте.

Перейдем теперь к рассмотрению нескольких наиболее замечательных помпейских домов.

Дом Хирурга (назван так потому, что в нем нашли Довольно большой набор хирургических инструментов) расположен на Консульской улице, недалеко от Геркуланских ворот. Это один из древнейших помпейских домов (построен около 400 г. до н. э.), основной план которого (без позднейших при-

строек) дает нам ясное представление об окончательной форме италийского дома, создавшейся в результате длительного развития. Фасад его и наружные стены (рис. 69) сложены из массивных известковых плит (68—74 см высотой); толщина

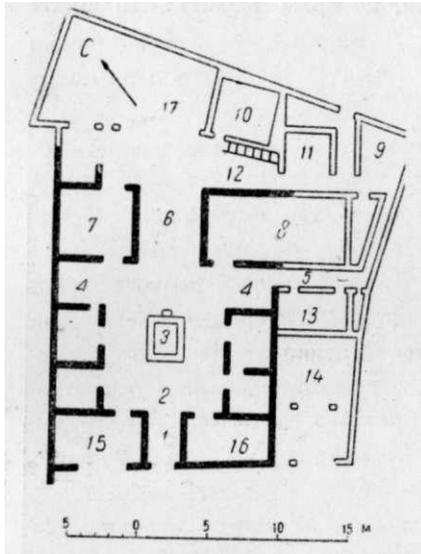
стен около 0,5 м. Широкая (первоначально 2,74 м) и высокая (3,55 м) створчатая дверь, к которой ведет несколько ступеней из лавы, открывалась в небольшие сени (1) (рис. 70), а оттуда — в просторный этрусский атрий (2), имплювий которого (3) обложен туфом. Пол — сигнийской работы; по обе стороны атрия — жилые комнаты, спальни; за ними — два крыла (4); напротив атрия — таблин (6), а по обе стороны его — столовые (7 и 8). В старом доме столовые эти были приблизительно одинаковы по размеру и квадратны по форме. Они вместе с таблином выходили на портик, за которым шел садик (17). И внешний вид и распланировка дома производят впечатление ясной и строгой простоты.

Рис. 70. План дома Хирурга.

1 — сени; 2 — атрий; 3 — имплювий;

4 — «крылья»; 5 — коридор; 6 — таблин; 7 и 8 — столовые; 9 — кухня!

10 — летняя столовая; 11 — летняя спальня; 12 — лестница на мезонин; 13 — комната хозяина; 14 — отдельная квартира с мезонином; 15 и 16 — лавки; 17 — садик. (Черным нарисованы старые части дома; светлым — позднейшие пристройки).

хозяин устроил себе еще одну комнату (13); увеличил столовую направо от таблина (8) и захватил под постройки часть садика и портика; сделал тут кухню (9), маленькую летнюю столовую (4, 2X3, 2 м) с окном в садик (10) и летнюю спальню (11). Над этими новыми комнатами была надстроена мансарда, на которую поднимались по лестнице (12), захватившей значительную часть бывшего портика. Комнаты (15) и (16), первоначально выходившие на улицу глухими стенами, превращены были в лавки.

Из картин, украшающих этот дом, любопытны две, находящиеся в комнате 10. Они относятся ко времени гораздо более позднему, чем постройка всего дома. Одна изображает художницу, за работой: она срисовывает стоящую перед ней статую; на дверях висит уже готовая картина; другую держит перед художницей амур; за работой с живым интересом следят две девушки, притаившиеся за дверным косяком. На другой картине две девушки и мужчина заняты какой-то литературной работой: одна девушка держит исписанный свиток, у мужчины в руках таблички для письма. Отражали ли эти картины в какой-то мере вкусы хозяйки дома или ее дочери? были ли случайностью? — во всяком случае, они интересны как показатель новых течений, просачивавшихся в женскую среду: женщине уже мало быть только хозяйкой, она стремится к умственной и художественной культуре.

Одним из прекраснейших образцов следующего «туфowego периода», когда вместо массивных, шероховатых и известняковых глыб стали в качестве строительного материала пользоваться серым туфом из каменоломен соседней Нуцерии, является дом Фавна (рис. 71), занимающий целый квартал между Ноланской улицей и Меркуриевым переулком до н. э. и представляет собой настоящий дворец с двумя атриями и двумя перистильями. Предполагают, что дом этот принадлежал старинному и знатному оскскому роду Сатриев.

Мы говорили уже, что центром хозяйской половины был этрусский атрий (1). К нему вел парадно оформленный коридор (2) с прекрасной мозаикой у входа в атрий: две трагические

маски среди цветов, листьев и плодов. Очень просторный атрий (16,11 X 9,9 м) в то же время и очень высок — не ниже 9 м. Нанего выходили спальни (4). Рядом находился второй, четырехколонный атрий (3), вокруг которого группировались служебные и служебные помещения. За этими атриями находился первый перистиль (5), окруженный 28 ионическими колоннами из туфа с капителями превосходной работы. Посере-

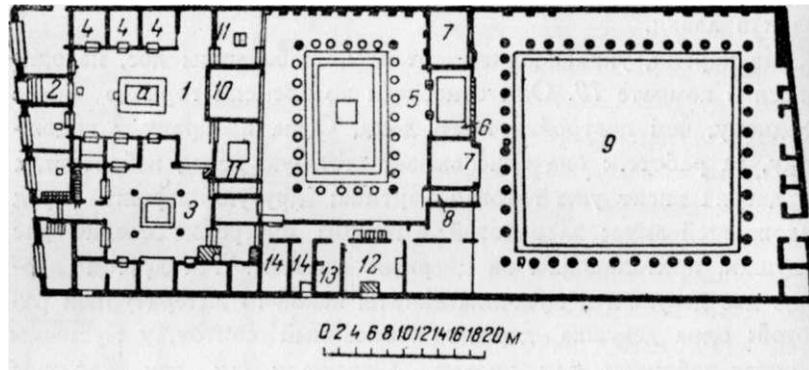

Рис. 71. Дом Фавна (план).

1 — этрусский атрий: *a* — импловий; 2 — сени; 3 — четырехколонный атрий; 4 — спальни; 5 — первый перистиль; 6 — экседра с мозаикой (битва при Иссе); 7 — летние столовые; 8 — коридорчик; 9 — второй перистиль; 10 — табли; 11 — зимние столовые; 12 — кухня; 13 — баня; 14 — стойла.

дине из мраморного бассейна бил фонтан. На этот перистиль выходит во всю ширину открытая на него комната (6), знаменитая своей мозаикой, изображающей битву при Иссе между персами и солдатами Александра Македонского. Вход в эту комнату (такие парадные, с очень широким входом комнаты назывались «екседрами») обрамлен двумя пилястрами и разделен двумя колоннами одной высоты с пилястрами и с колоннами перистилия. Колонны эти фиолетово-красного цвета украшены коринфскими очень красивыми капителями. Узкий коридорчик (8) ведет во второй, еще больший перистиль (9), дорическая колоннада которого окружает просторный сад пло-

щадью 32 X 35 м. Жилые помещения располагались вокруг обоих атриев. Вдоль коридора, шедшего из четырехколонного атрия, были расположены стойла, баня и кухня (12—14). Зимние столовые (11) находились по сторонам таблины (10), летние (7) — около экседры с мозаикой и открывались на северную сторону во второй перистиль. Простор-

Рис. 72. Фигура Александра (часть мозаики из дома Фавна).

ность помещения и его продуманный план соединяются с художественностью отделки. Такая мозаика, как битва Александра с Дарием, сделала бы честь любому дворцу. Хозяева дома, видимо, вообще любили мозаики, и в нем сохранились прекрасные образцы ее: в одном триклинии — Вакх верхом на пантере, в крыльях четырехколонного атрия — голубки, пьющие из чаши, и великолепная кошка с птицей в зубах. Изящная и простая роспись стен первоначально была вся выдержана в первом стиле.

Остановимся вкратце на битве Александра с Дарием

(рис. 72). Мозаика эта (на рис. дана только фигура Александра) является копией с картины какого-то знаменитого художника; при передаче ее в новой технике возникли и некоторая путаница и несогласованность в частях. И тем не менее, изумительная композиция, характеристика действующих лиц и точность в передаче целого и отдельных деталей производят впечатление на зрителя и сейчас, несмотря на все ошибки, допущенные мозаичистом при переводе картины на язык своего ремесла. Изображен последний критический момент всего сражения — встреча Александра с Дарием. Дело персов проиграно: с правой стороны несется обратившаяся в бегство персидская конница; в центре Дарий на колеснице; возница хлещет коней, стремясь вывезти царя из последней безнадежной схватки; к нему неудержимо рвется Александр; шлем свалился с него в пылу боя, волосы растрепались; исхудалое, обросшее лицо, грубое и некрасивое, с чертами несомненно портретного сходства (как далеки от него идеализированные бюсты Александра!); два знатных перса, прикрывая собой царя, бросились навстречу победителю; конь одного, пораженный македонским копьём, падает на землю; всадник успел перекинуть ногу через шею лошади, чтобы она не придавила его при падении. Товарищ, жертвуя собственной жизнью, соскочил на землю и силится подвести к упавшему своего упирающегося буланого жеребца; поздно, — Александр, на лице которого запечатлено выражение неукротимой отваги и решимости, пронзает копьём упавшего; самоотверженный друг с ужасом и тоской смотрит на эту сцену; Дарий, забыв о собственной опасности, с искаженным от горя лицом, всем корпусом тянется к поверженному, протягивая вперед руку, словно он хочет схватить и удержать смертоносное копьё врага. Гете писал по поводу этой мозаики (ее нашли 21 октября 1832 г.), что ее изучение и исследование неизменно приводят «к простому и чистому восторженному изумлению».

В Помпеях найдется немало домов, приближающихся к дому Фавна по своей красоте и величине. Таким, например, был дом Пансы, прежде чем он попал в руки своего последнего владельца. Его многочисленные комнаты располагались вокруг

одного атрия и перистилья, за которым шел еще большой сад. Богатый дом туфового периода, если он и не достигает размеров дворца, всегда поражает нас грандиозностью своего ансамбля: таков, например, дом Лабиринта с двумя атриями и обширным квадратным перистилем, дом Ариадны или дом Мелеагра, где огромный перистиль находится рядом с очень большим атрием.

Остановимся еще на двух домах, принадлежавших представителям торгового и промышленного класса в Помпеях — на доме Веттиев и доме Корнелия Тегета.

Хозяевами первого дома были, судя по печатям, найденным в доме, и по надписям на наружной стене, двое близких родственников — Авл Веттий Реститут и Авл Веттий Конвива, бывшие рабы одного из Веттиев. В Помпеях Веттиев было много, и представители этого рода, принадлежавшие к разным его семьям, бывали и эдилами и дуумвирами. Кто из них отпустил на волю наших Реститута и Конвиву, не известно, но принадлежность их к вольноотпущенникам не вызывает сомнения, так как Конвива в одной надписи назван «августалом». Августалы — это религиозная коллегия, главной целью которой было отправление императорского культа. Членами ее состояли исключительно вольноотпущенники, преимущественно ремесленники и торговцы, часто очень состоятельные. Какими принадлежали наши Веттии.

Дом их, находящийся через квартал от улицы Меркурия к востоку, в тихой части города, не отличается величиной: узенькие сени ведут в этрусский атрий, за которым сразу идет перистиль; таблица нет. Рядом с большим атрием — другой поменьше с ларарием, о котором говорилось выше; на атрий выходит ряд хозяйственных помещений, между прочим каморка повара и кухня — тесная высокая комната с очагом, под которым имелось помещение для топлива; на очаге стояло два тренога и лежала железная решетка, а возле него — много всякой посуды, бронзовой и глиняной. Из большого перистилья можно пройти в маленький дворик, окруженный с трех сторон колоннами (площадью 4,97 X 2,01 м), куда выходили две комнатки:

маленькая столовая (4,88 X 3,5 м) и совсем крохотная спальня (3,67*2,75 м). На большой перистиль выходит «ойкос» и столовая.

В жизни дома (он был построен еще в до-римскую пору, но от этого времени в нем сохранилось очень мало: плиты из туфа в форме куба, которыми увенчаны вместо капителей входные пилястры, часть передней и часть задней стены атрия) можно различить два периода: до землетрясения 63 г. и после него. В первый период дом принадлежал человеку, обладавшему тонким художественным вкусом и любовью к науке и литературе; в это время стены комнат были покрыты изящной росписью и хорошими картинами, в которых видна рука настоящего мастера, может быть лучшего из тех, кто работал в Помпеях. Новые же хозяева не были знатоками в искусстве: роспись, которой они покрыли пострадавший от землетрясения дом, груба; краски слишком кричащи; картины выполнены рукой не мастеров, а ремесленников; в перистиле поставлены безвкусные вещи.

В парадной столовой возле перистилия сохранились (одни хуже, другие лучше) изображения амуров, занятых ремесленной работой и сельскохозяйственной, а также торговлей. Наличие этих фресок (они относятся к первому периоду) чрезвычайно знаменательно: человек, принадлежавший, несомненно, к верхам помпейского общества, открыто заявлял о своем интересе не только к сельскому труду (это для италийца и римлянина вполне естественно), но и к ремеслу. Представить этот труд во всей его реалистической наготе художник, однако, не решился: подлинные рабочие заменены амурами. Амуры изображены за приготовлением венков и продажей их, за сбором винограда и продажей вина, в качестве ювелиров и мастеров,готавливающих духи. Займемся этими последними, особенно хорошо сохранившимися фресками (рис. 73).

В правом углу фрески изображен пресс для масла; основанием его служит квадратный белый камень с круглым отверстием в середине и выемкой спереди (несколько таких камней было найдено в Помпеях); в нем укреплены две широкие стойки, скрепленные сверху толстой доской и прорезанные

почти по всей своей длине; в эти прорезы вставлены параллельно верхней четыре доски, которые с помощью лежащих между ними клиньев можно поднимать и опускать, усиливая таким образом давление на нижнюю доску, под которой лежат масла. Два амура ловкими ударами молотков как раз загоняют эти клинья, и масло течет в огромный таз, стоящий под прессом. Дальше — маленькая психея кипятит масло в тазу такой же формы, поставленном на треног, под которым разведен огонь, а рядом с ней два амура толкут в высокой ступке разные ароматы, необходимые для духов (духи в древности готовили не на спирту, которого не знали, а на оливковом масле плохого сорта: это были не духи в нашем смысле, а маслянистые эссенции, которыми натирались). За ними между высоким шкафом с разной посудой и ящиком на ножках стоит амур с флягой в руках. На ящике лежат маленькие весы (их коромысло несколько выдается по обе стороны ящика) и какой-то сверток, может быть рецепты разных притираний. В левом углу — сцена продажи: амур с большой бутылкой подмышкой черпает из нее ложкой, видимо, пробу для покупательницы, которая сидит в непринужденной позе, поставив ноги на скамеечку, за ней стоит рабыня с опухалом.

Не менее интересны и ювелиры. В правом углу — печь; около нее возится с клещами и паяльной трубкой один амур; другой, прислонив к печке глубокое блюдо, полирует его. За ними амур, который работает у наковальни, ударяя маленьким молоточком по куску золота, который он держит щипцами. Перед ним на высокой подставке шест, к которому прикреплены большие весы и весы поменьше. Тут же стоит маленький сундучок с тремя выдвинутыми ящичками, где лежат разные золотые вещи. Дальше следует, как и на предыдущей фреске, сцена продажи: амур держит в руке маленькие весы, на одной чашке которых лежит какая-то золотая вещь, а на другой гири; и он и покупательница внимательно следят за весами, находящимися в полном равновесии. Заканчивается фреска изображением двух амуров, работающих у наковальни: один держит щипцами кусок золота, другой бьет по нему молотком.

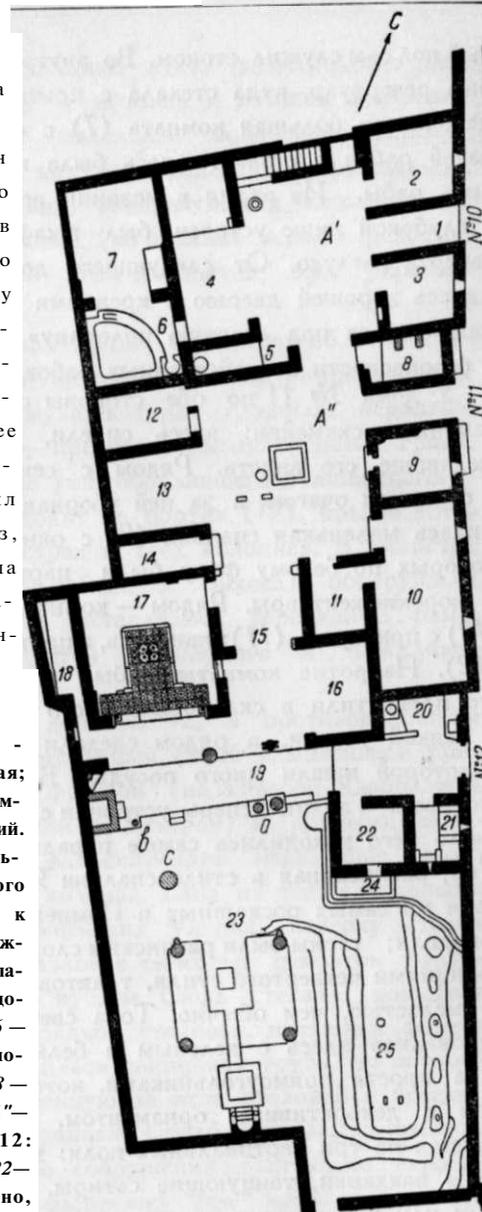
Художник, рисовавший эти фрески, был большим мастером. В однообразный мир маленьких амуров, имевших стандартные черты (пухлые крылатые мальчики), он сумел внести и жизнь и разнообразие и придать их позам и движениям те черты, которые характеризуют не только известную работу, но и определенный социальный тип. Во всей позе амур, держащего шипцами кусок металла, чувствуется стремление обезопасить себя, как только возможно, от искр, которые сыплются из-под ударов молота; напряжение, которое требуется, чтобы удержать полируемое блюдо, передано во всем теле «рабочего»; жесты амуров: держащего весы, покупающего вино (рис. 74), наклоняющего амфору или того, который из боязни перелить нагибает ее слишком осторожно, — великолепны по своей правдивости и выразительности. Окаменелая поза служанки красноречиво говорит о ее подневольном положении, и эта связанность рабыни еще более подчеркнута небрежно свободной манерой хозяйки, непринужденно растирающей на руке душистую эссенцию. Также контрастны между собой неуклюжая поза хозяина деревенской гостиницы и полная достоинства спокойная фигура его покупателя (рис. 74, слева).

Дом Тегета (рис. 75) («Новые раскопки», район I, квартал VII, дома №№ 10—12) интересен, между прочим, и как пример концентрации в одних руках городской недвижимой собственности: Тегет скупил три дома, один из них с небольшим земельным участком, а незадолго до гибели города прибавил к этой покупке еще четвертый, примыкавший к его саду. Все три дома были соединены между собой, и в них был произведен ряд переделок, которые зачастую до такой степени изменяют первоначальный облик комнаты, что нелегко угадать ее прежнее назначение. Первый из домов, входящих в состав обители Тегета (по фасаду оно занимает вместе с садом 50 с лишним метров), обозначен № 10. Он представляет собой скромное небольшое помещение. По обе стороны входа (1) расположены две спальни (2) и (3); атрий (A') принадлежит к редкому в Помпеях типу «черепаховых», т. е. таких, которые были накрыты сплошной (без комплювия) крышей; свет он получал

от спален, имевших каждая по окну, и от таблина (4), выходящего на открытый дворик. Таблин превратили в большую вытянутую комнату, отняв от него часть под баню (5). Баня эта, по своему плану очень напоминающая наши ваннные комнаты, устроена была своеобразно и опять-таки скорее в нашем вкусе: на невысокой подставке (0,8 м) стоял большой и глубокий таз, в который вода поступала по одной трубе и выливалась через другую; наклон-

Рис. 75. Дом Корнелия Тегета (план).

Дом № 10: 1—вход; 2 и 3 — спальни; 4 — таблин; 5— ванная; 6— внутренний дворик, 7— комната для рабов; A'—атрий. Дом № 11: 8— кухня; 9— спальня; 10 — комната неизвестного назначения; 11 — прихожая к ней; 12—спальня; 13— прежний таблин, обращенный в кладовую, 14 — маленькая кладовая; 15 — новый таблин; 16 — экседра; 17— парадная столовая — корифский ойкос; 18 — чуланчик; 19—портик; A''— атрий с имплювием. Дом № 12: 20— прихожая; 21— кухня; 22— комната, служившая, вероятно, спальней; 23—беседка и летняя столовая; 24 — водоем! 25 — сад.

ный пол сам служил стоком. Во внутреннем дворике (6) устроен был резервуар, куда стекала с крыш дождевая вода, а рядом находилась большая комната (7) с очагом и нишами для кроватей рабов в стенах: здесь была кухня и здесь же помещались рабы. Из атрия в мезонин вела лестница, под которой в глубокой нише устроен был шкаф. Дверь на улицу была заперта наглухо. От следующего дома № 11 эта часть отделялась хорошей дверью с крепкими запорами: новый хозяин назначил ее под «черную половину» и желал чувствовать себя в безопасности от собственных рабов.

У дома № 11 по обе стороны от входа устроены низкие каменные скамейки: здесь сидели, поджидая хозяина, люди, желавшие его видеть. Рядом с сенями устроена кухня (8) с обычным очагом, а за ней уборная; по другую сторону находилась маленькая спальня (9) с окном на улицу и стенами, на которых по белому фону были нарисованы журавли, кошки и морские кентавры. Рядом — комната неизвестного назначения (10) с прихожей (11); наискось, в противоположном углу спальня (12). Напротив комнаты 9 был первоначально таблин (13); его превратили в складочное место для разных инструментов и всякой утвари, а рядом сделали маленькую кладовку (14), в которой нашли много посуды. Был еще чулан (18) возле столовой. Таблин теперь устроили с другой стороны атрия (15); около него находились самые парадные комнаты дома: екседра (16), расписанная в стиле спальни 9 и коринфский ойкос (17), один из самых роскошных в Помпеях. О его мозаиках мы уже говорили; стены были расписаны сложными архитектурными композициями четвертого стиля, трактованными с большей широтой и смелостью, чем обычно. Тона светлосиний и желтый комбинировались здесь с зеленым и белым. Стенная панель разделана просто прямоугольниками, которые заполнены растительным и декоративным орнаментом. Выше, как обычно, стена делится на три вертикальных поля: в середине боковых изображены вакханки, танцующие сатиры, юноши с копьями, группами или в одиночку; в среднем — над часовенкой маленькая картина или обычный мотив канделябра. Свисающие гирлянды.

маски, парные колесницы заполняют пустое пространство над фантастическими постройками. У потолка к росписи присоединяются лепные украшения: маленькие золоченые женские фигурки были расставлены как кариатиды, поддерживавшие одной рукой фестоны гирлянд, вьющихся над невиданными зданиями. Потолок был штучный (по крайней мере по среднему, коробовому своду); каждый его квадратик был украшен рельефной фигуркой.

Меблировка соответствовала такому богатству: об этом свидетельствуют обломки статуй, бронзовые ножки пиршественных лож и великолепная голова мула, которая служила, вероятно, украшением одной из них, — прекрасно моделирована грива, раздутые ноздри и прижатые уши обозлившегося животного.

Таблин (15) и ойкос выходят на портик (19), крыша которого покоится на двух пилястрах и трех колоннах. В пилястре и двух колоннах (со стороны таблина и ойкоса) обнаружили пазы, в которые, как думают, вставлялись деревянные рамы со слюдой, служившие защитой в холодное и дождливое время.

Прямо против входа в дом № 12, в противоположном конце, стоит большой четырехугольный столб с маленькой приступочкой спереди, с грубой фреской (на которой изображена любовная сцена между Марсом и Венерой) и разными орнаментами: художник желал замаскировать назначение этого столба. Это — водонапорная колонка, одна из тех, с которыми мы уже встречались на помпейских улицах; наверху столба имеется четырехугольное, обмазанное гипсовым цементом углубление вместимостью около 3 куб. м. Сюда стекала дождевая вода с крыши портика и парадной столовой, питавшая фонтан в летнем триклинии. Сохранилась свинцовая труба, по которой вода шла в часовенку, устроенную за этой столовой в беседке, о которой мы уже говорили раньше. Столб этот закрыл прелестную часовню, бывшую до его сооружения настоящим украшением портика: основание расписано под мрамор, на нем маленький храмик: глубокая ниша в форме абсиды с шатровым потолком, отделанным в виде раковины и выкрашенным в си-

ний цвет; два пилястра с капителями украшены изящно вылепленными стилизованными канделябрами.

По обе стороны входа прихожая (20) и кухня (21). Рядом с беседкой (23), налево от нее, если смотреть со стороны атрия (А"), находился небольшой садик с огородными грядками и каналом для орошения (25). Украшением его служил круглый мраморный стол и мраморная полукруглая скамья. В этой части сада у наружной стены комнаты (22) стоял большой резервуар (24), оштукатуренный сигнийским цементом и предназначенный, вероятно, для стирки; в углу, между стеной ограды и резервуаром нашли много амфор, а в глубине садика, возле маленькой калитки, через которую был ход в соседний, тоже купленный Тегетом дом, лежала куча разной черепицы и груды туфовых плит: Тегет собирался ремонтировать и переделывать новое помещение. Дом имел и второй этаж, комнаты которого шли над всеми комнатами, расположенными вокруг атрия (А"), кроме очень высоких (10) и (16). В доме № 10 был мезонин «ад помещением (1,2 и 3); отсюда внутренняя галерея вела к верхнему коридору над баней (5); из него был ход в мезонин над таблином (4); коридор выходил опять на внутреннюю галерею над одной из сторон дворика (6), шедшую в мезонин над комнатой (7).

Корнелий Тегет, судя по его имени, принадлежал к вольноотпущенникам. Фрески в его летнем триклинии, его собственное имя, изображение египетского божества в одной из спален — все говорит о его связях с Египтом. Весьма вероятно, что связи эти были торговыми; дела Тегета, судя по тому, как он расширял свое обиталище и какие предметы искусства покупал, шли превосходно. Богатство не прибавило ему вкуса, но значительно повысило уровень его потребностей: ему мало дома в 30 комнат; он желает иметь у себя произведения первоклассных мастеров, но непрочь приобрести и скверную статуэтку, которая как-никак увеличит его коллекцию. Ему нужна вода — и безобразный грубо размалеванный столб закрывает своей неуклюжей громадой маленький изящный храмик. Тегет использовал бронзовую статую эфеба весьма практически: сделал ее подставкой для

канделябров. Можно представить себе, что в густые южные сумерки его летняя столовая, освещенная многочисленными светильниками, блеск которых отражался на позолоченной поверхности статуи, была местом очень привлекательным; но человек с действительным пониманием искусства, вероятно обзавелся бы иным канделябром. Одним из украшений его обеденного стола было четыре небольших (около 0,25 м) статуэтки; все они изображали старого продавца сластей (рис. 76), отвратительная нагота которого, воспроизведенная с натуралистической точностью, производит впечатление отталкивающее. Эти фигурки держали в руках сосуды с разными приправами для кушаний. Тегет забавлялся этими уродцами, правда, прекрасной работы, и рассчитывал позабавить ими и

своих застольников.

Рис. 76. Продавец сластей. Статуэтка из дома Корнелия Тегета.

Все дома, о которых шла речь, — это дома богатых людей. В каких же помещениях жила помпейская беднота?

Совершенно ясно, что дома небогатого населения с самых отдаленных времен отличались от богатых не только убранством, но и планом. Ремесленники и мелкие торговцы складывали для себя крохотные домишки, которые одновременно

служили и жилищем, и мастерской, и лавкой. Иногда в задней части такого домика отделяли специальную клетушку для жилья. Хозяину такой хижинки нечего было закрываться от улицы; наоборот, он должен был находиться с ней всегда в тесном общении: мастерил ли он что-нибудь, торговал ли какой-нибудь мелочью, все равно — и заказчик и покупатель приходили с улицы. К этому надо прибавить потребность в свете и воздухе и южную привычку к жизни под открытым небом. Эти жилища в Помпеях широко открыты на улицу и закрываются от нее только ночью. Следы подобных домов IV в. до н. э. были найдены по северной стороне Ноланской улицы. Можно не сомневаться, что такие постройки были на всех улицах города, особенно в бойких и торговых местах, но строили их не так уж основательно и не из очень прочного материала (вероятнее всего из необожженного, а только высушенного на солнце кирпича), и поэтому погибли они почти целиком.

Состоятельные помпейские граждане, вроде неизвестного хозяина дома Хирурга, довольно рано пришли к той мысли, что если сельское хозяйство и управление собственным участком земли является для них единственно достойным занятием, то торговлю продуктами этого хозяйства можно организовать, приспособив к этому делу какого-нибудь смышленного раба, который будет находиться под прямым контролем хозяина (рис. 77). В доме Хирурга, который выходил первоначально на улицу сплошной глухой стеной, в какой-то период времени по обе стороны главного входа были устроены две лавки, непосредственно сообщавшиеся с домом: хозяин, видимо, был причастен к торговле и надзирал за ней. Даже в таком доме, как дом Фавна, было несколько лавок, расположенных по фасаду и сообщавшихся с господской половиной дома.

С течением времени население Помпей увеличивалось, а промышленность развивалась, обогащаясь новыми отраслями. В среде ремесленников и мелких торговцев происходил обычный процесс: богатели единицы, беднели сотни. Земля в городе, конечно, дорожала; строиться бедному человеку становилось вовсе не под силу. Богатый домовладелец превосходно это учи-

тывал: его дом, расположенный обычно на относительно большом участке, мог превратиться для него в хороший источник доходов; для этого надо было только занять пустующую землю пристройками, которые можно потом сдавать торговому и ремес-

Рис. 77. Вход в богатый дом; рядом лавка.

ленному человеку под квартиры. Хорошим примером этих новых расчетов может служить упоминавшийся уже нами дом Саллюстия (рис. 78), который был построен в конце III, самое позднее в начале II в. до н. э. Основное ядро его по плану очень напоминает дом Хирурга, только дом Саллюстия выше и просторнее. Хозяин устроил в нем две лавки для торговли от себя (9 и 9), а кроме того еще помещение для пекарни и булочной (11) и не-

сколько лавок (10), не сообщавшихся с домом, — они отдавались в наем. Еще яснее эта тенденция строиться так, чтобы превращать дом в доходную статью, обнаруживается в доме Пансы

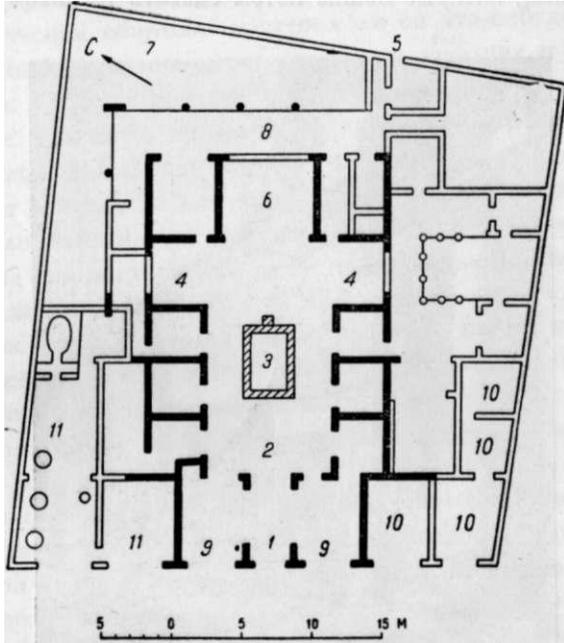

Рис. 78. Дом Саллюстия (план).

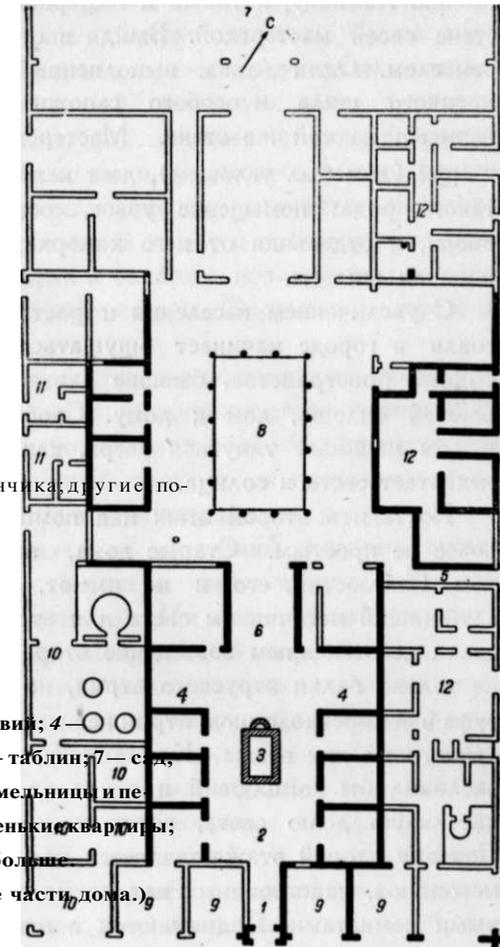
1—вход; 2—атрий; 3—импловий; 4—крылья"; 5—задний вход; 6—таблин; 7—сад, 8—портик; 9—лавки, где торговля шла от хозяина дома; 10—лавки, сдававшиеся в наем; 11—помещение для пекарни. (Черным обозначен старый дом, светлым — новые пристройки.)

(рис. 79), который занимает, как и дом Фавна, целый квартал и так же, как последний, относится к самнитскому периоду. В римское время он подвергался достройке и переделке, придавшим ему тот окончательный вид, в котором он и дошел до нас. Хозяйское помещение находится в середине дома; с трех сторон (на четвертой находился большой сад, грядки которого сохра-

нились превосходно) его окружают лавки и маленькие квартирки, сдаваемые в наем. В этих отдельных помещениях, иногда совсем крохотных, иногда побольше, ничего уже не осталось от старинного италийского дома: для атрия здесь, конечно, места нет; таблин не существует; некоторые из этих квартир состоят из двух-трехкоморок мезонинчика; другие побольше, очень напоминают современные квартиры с комнатами, расположенными по обе стороны коридора.

Рис 79. Дом Пансы (план).

1—вход; 2—атрий; 3—импловий; 4—крылья"; 5—задний вход; 6—таблин; 7—сад, 8—перистиль; 9—лавки; 10—мельницы и пекарня; 11—две отдельные маленькие квартиры; 12—отдельные квартиры побольше (Черным нарисованы старые части дома.)

К концу существования Помпей в них не было почти ни одного большого дома, в котором не имелось бы нескольких помещений, предназначенных хозяином для сдачи в наем под жилье, лавку или мастерскую. Цезий Бланд, Центурион девятой преторианской когорты, уступил одно из

Нонию Кампану, который и выцарапал свое имя и звание на стене своей мастерской. Выйдя в отставку, он жил сапожным ремеслом. Один заказ, выполненный им 14 июля с помощью крепкого шила и особого сапожного ножа, он увековечил записью на той же стене. Мастерская его, открытая на две улицы (дом был угловым), дает ясное представление о жилищах такого рода: помещение узкое, освещавшееся только через двери, и отдельная от него каморка, почти вовсе темная, служившая жильем.

С увеличением населения и ростом промышленности и торговли в городе начинает ощущаться жилищная нужда. Свободные пространства, бывшие раньше между домами, застраиваются сплошь, дом к дому. Свободного места больше нет, и дом начинает тянуться вверх, как растение, которому внизу нехватает света и солнца.

Поставить второй этаж над помпейским домом было делом вовсе не простым. Старые дома, например дом Хирурга или дом Саллюстия, его и не имеют. Большой проем в крыше, служивший источником света для атрия и прилежащих комнат, делал невозможным возведение второго этажа над всем домом: не только балки этрусского атрия, но и колонны из непрочного туфа в четырехколонном атрие не выдержали бы тяжести поставленного на них этажа. Кроме того, второй этаж над атрием заслонил бы комплювий и отнял от передней части дома значительную долю света, которого и так было не очень много. Поэтому второй этаж появляется над помпейским домом в виде мезонинов, надстроенных над двумя-тремя передними или боковыми комнатами. Поднимаются в эти мезонины прямо с улицы по наружным лестницам.

Когда обожженный кирпич завоевал прочное место в строительстве, а кирпичные колонны заменили собой колонны из туфа, для надстройки второго этажа открылись новые возможности: кирпичные колонны могли стать опорой для внутренних галерей, которые, опоясав комплювий, стали связующим звеном между отдельными мезонинами, куда теперь вела уже внутренняя лестница. Разрастающаяся семья получала, таким

образом, новую возможность разместиться в доме, становившемся без надстроек для нее слишком тесным. Кроме того, расчетливый домохозяин придумал еще способ увеличения жилой площади: он выдвинул на улицу некоторую часть мезонина, которую можно назвать висячим, со всех сторон закрытым балконом. Стены этого балкона прорезаны большими окнами и он служит, таким образом, «фонарем» для всего мезонина, к которому он придан. Часто такой мезонин превращался совсем в отдельную квартиру. Бывали и балконы, покоящиеся на колоннах или каменных столбах: такие есть на Форумской улице и на северной стороне Морской.

Таковы были перемены, постепенно изменявшие облик помпейского богатого дома, охотно подчинившегося требованиям бойкого промышленного и торгового города. Из одноэтажного особняка, занимавшего большую площадь и предназначенного для одной семьи, он постепенно превращался в конгломерат лавок, мастерских, промышленных заведений, которые, оцепив атрий и перистиль, словно зажали в своем кольце ядро старинного аристократического жилья. Им мало, однако, захваченной площади, и дом покорно ставит на себя второй этаж, который ему никак не удастся органически связать со своим массивным корпусом, прерванным в середине обширным проемом комплювия. А так как над домом второму этажу места мало, то он высовывается на улицу, повиснув над ней в виде балкона.

Старая землевладельческая аристократия в Помпеях или включалась в общий поток промышленной и торговой жизни (вспомним Везония Прима и первого хозяина дома Веттиев, украсившего самую парадную комнату своего дома изображениями ремесленной и торговой деятельности), или сходила на нет. «Давным-давно прошла пора, что были Вибии богаты»: упадок старинного рода крупных землевладельцев засвидетельствован этим меланхолическим стихом, нацарапанным на стене базилики, а Вибии ведь были не единственными, кого постигла такая судьба. Беднея и теряя свое общественное положение, представители старых родов вынуждены были расставаться со своими домами; перестраивая на новый лад свою жизнь и бе-

рясь за какое-нибудь промышленное или торговое предприятие, они нередко должны были приспособлять к нему свое жилище. Большая сукновальня Верания Гипсея на Меркуриевой улице разместилась в прекрасном доме, варварски переделанном: перегородки между колоннами обезобразили коринфский атрий; перистиль, принадлежавший к числу самых обширных, богатых светом и воздухом, загромождали тяжелые кирпичные столбы, которые служили опорой террасе, где сушились материи. А вот сукновальня Везония Прима — атрий с имплювием, фонтаном и картибулом: перед нами со вкусом устроенное жилье, украшенное в стиле эпохи Августа, и вдруг за таблинком в изящном перистиле три громадных прямоугольных ванны, лохани с сукновальной глиной, стойла для «танца фуллонов». Сукновальня вольноотпущенника Стефана занимала прежний атрий и перистиль. Красильня некоего Убония поместилась в прелестном перистиле на Стабиевой улице: вместо веселого садика с фонтаном здесь стоят грубые, черные и растрескавшиеся от жара круглые печи с дымящимися котлами, в которых красят ткани. Прекрасный загородный дом — вилла Мистерий (рис. 80) (получил свое название от ряда фресок, которые расшифровываются как картины посвящения в мистерии Диониса), — находившийся на расстоянии около 100 м к северо-западу от Геркуланских ворот, пережил длинную и сложную историю. Основное ядро его принадлежит III в. до н. э., к нему относятся атрий, таблин и комнаты, группирующиеся вокруг них. С трех сторон они были окружены портиком (5), куда выходили некоторые комнаты. Вместо крыльев устроен коридор (4), пересекавший портик. Во II в. до н. э. к дому был добавлен перистиль с колоннами из туфа (12), куда вел сводчатый вход (13). Вокруг перистилля возник ряд новых помещений, между прочим большая столовая в северном углу (15), открытый дворик (7), второй атрий (10) и расположенная рядом с ним баня. Центром жизни дома стал теперь перистиль. В I в. до н. э. большинство комнат было расписано в любимом тогда архитектурном стиле, и около того же времени пространство между колоннами в перистиле заложили почти до половины их высоты. Между 14

и 63 гг. н. э. главный вход выдвинули вперед к улице и с северо-восточной стороны пристроили большое крыло специально для рабов (14); на западной стороне частично заделали портик,

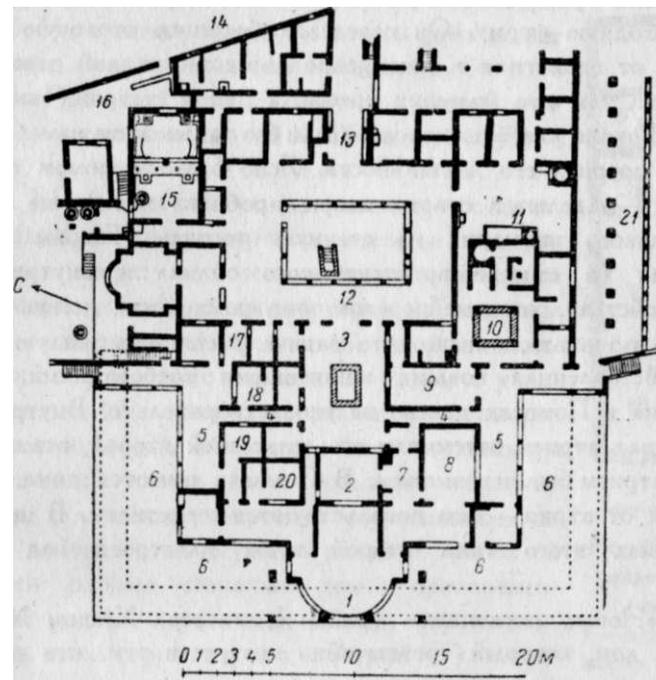

Рис. 80. Вилла Мистерий (план).

1—веранда; 2—таблин; 3—атрий; 4—коридор; 5—портик первоначального дома; 6—терраса в сад; 7—проходная комната; 8—спальня; 9—приемная; 10—атрий перед баней; 11—двор; 12—перистиль; 13—сводчатый вход; 14—комнаты для рабов; 15—столовая (превращена в давальню для винограда); 16—ход к винному погребу; 17—20—спальни; 21—портик.

шедший вокруг атрия; пробили в новой стене окна и пристроили с юга полукруглую веранду; с юго-восточной стороны прибавили новый двойной портик.

Дом сильно пострадал от землетрясения 63 г. Принадлежал он каким-то богатым людям (высказано было даже предположе-

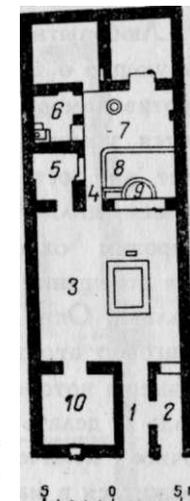
ние, что им одно время владел сам Август, а затем его наследники), но в последние годы существования города вилла оказалась в руках вольноотпущенника старинной самнитской семьи Истацидиев, грека Зосимы, который вознамерился превратить его в доходную ферму. Он переделал большую столовую (15) к северу от перистиля в помещение для виноградной давилки и поставил там два больших пресса, а рядом устроил винный погреб. Трудно сказать, каковы были его дальнейшие намерения: Везувий прервал его деятельность. Ясно одно: с домом он не считался — заделывал старые двери, пробивал новые, не обращая никакого внимания на стенную роспись. Таковы были изменения (в смысле архитектурного облика и внутреннего переустройства), которые пережил ряд помпейских домов.

Надо признать, однако, что задача расширить жилую площадь, поставленная новыми жизненными требованиями, была разрешена в Помпеях далеко не удовлетворительно. Внутренние галереи над атрием затемняли его; сплошной второй этаж над домом с атрием был невозможен. В Помпеях имеются дома, отказавшиеся от атрия — они довольствуются перистилем. В некоторых домах этого типа второй этаж надстроен над всем домом.

На «Новых раскопках» (район I, квартал X, дом № 11) разрыли дом, который чрезвычайно интересен тем, что второй этаж над перистилем здесь органически связан с домом и не является чуждым наростом, что для Помпей обычно. На второй этаж вела широкая и удобная (тоже редко в Помпеях) деревянная лестница, помещенная в северном портике. Комнаты верхнего этажа шли с северной, восточной и южной сторон.

Мы неоднократно говорили, что Помпеи последнего периода своей жизни представляли собой промышленный, торговый и ремесленный город. Место старой землевладельческой знати заняли люди типа братьев Веттиев или Корнелия Тегета. Значительно разросся класс ремесленников и небогатых торговцев. Эти люди стоят в экономическом отношении выше той бедноты, которая вынуждена довольствоваться жильем, состоящим из одной комнаты с чуланчиком, вроде того помещения, какое занимал, на-

пример, знакомый нам сапожник Кампан. В Помпеях имеются любопытные примеры таких домиков. Строительство их идет по двум линиям: хозяева одних желают строиться по той же плану, что и богатые их соседи; им необходим атрий. Интересным примером такого дома может служить домишко, находившийся между богатым домом Публия Паквия Прокула с одной стороны и лавкой с другой («Новые раскопки», район I, квартал VII, дома №№ 2 и 3) (рис. 81). Зажатый между своими соседями, он вынужден был в поисках света и воздуха тянуться вверх: один мезонинчик его выходил на улицу, другой, с противоположной стороны дома, — на маленький открытый дворик, заменявший в этом доме перистиль. Рядом с узкими сенями (1) находилась маленькая каморка привратницы (2), в которой была и лестница в мезонин; здесь нашли большие железные гребни для чесания шерсти и нацарапанные на стене полуистертые обрывки какой-то любовной песенки: рабыня, стерегшая дом и одновременно готовившая шерсть для пряжи, скрашивала пеньем свою горькую участь. Атрий (3) слишком мал: тут нет места ни для крыльев, ни для других комнат; узенький коридорчик из него (4) ведет в маленькую спальню (5), рядом с которой находится крохотная канурка (6), где под очень неудобной крутой лестницей в задний мезонин устроена уборная. Мезонин этот своим балконом выходил на открытый дворик (7), половину которого занимал устроенный на возвышении (0,5 м) цветник (8). В середине его был полукруглый бассейн (9), куда стекала дождевая вода; три статуэтки, мраморные подставки которых найдены здесь, стояли по его краю или среди цветов. В углу дворика находилась кухня: здесь нашли

Рис. 81. План маленького домика.
1— сеня; 2— коморка привратницы; 3— атрий;
4— коридорчик; 5— спальня; 6— помещение с уборной и лестницей; 7— внутренний дворик; 8— цветник; 9— бассейн; 10 — комната на улицу.

треног и некоторое количество посуды. Хозяину хотелось в этой тесноте создать некоторую иллюзию простора, и он нарисовал на стене дворика сад: цветущие олеандры, чашу, из которой пьют павлин и какие-то птицы, и гущу деревьев за ними.

Любопытны в этом домике следующие черты, свидетельствующие о том, что атрий, в сущности, здесь вовсе не нужен: против каморки привратницы, по другую сторону сеней, находится комната с окном на улицу; атрий, следовательно, не дает ей достаточно света; дворик, находящийся сразу же за атрием, является настоящим световым колодцем, на который широким окном выходит атрий; комплювия недостаточно для освещения даже атрия; на этот же дворик смотрит и окно спальни. Окна эти, вместе со световым двориком, подписывают приговор атрию. Вполне пригодный для большого дома, общие размеры которого позволяли отводить и под него обширную площадь и делать комплювий, обеспечивавший относительно достаточное количество света, атрий естественно должен был съезжиться в маленьком доме и не мог выполнять своей основной обязанности: давать свет в остальные помещения дома.

В 1935 г. на «Новых раскопках» (район I, квартал X) найдены были маленькие домики (№№ 1—3), строители которых не пожелали вовсе иметь атрий (рис. 82). Именно такие дома характерны для строительства в последний период жизни города. Домик № 1 сохранил прямо против входа большую комнату (1); здесь только выступы в противоположных боковых стенах отделяют ту часть, которую по старой памяти можно назвать «таблином», по существу же — это продолжение передней комнаты, несколько превосходящее ее своей шириной (недопустимая вещь для старого, настоящего таблина). Таблин (3) получает свет из маленького открытого дворика (5), где устроена кухня и уборная. На этот дворик он выходит дверью и широким окном. Угловая комната (2) на улицу имеет два больших окна в форме трапеции, узкой стороной повернутой к улице. Таблин же, освещаемый внутренним двориком, передает этот свет комнатам (1) и (4).

Соседний дом № 3 когда-то входил в состав какого-то большого и богатого дома. Тем интереснее перестройка и переделки, которым он подвергся незадолго до гибели города. Атрия нет, спальня (3), выходящая на улицу, освещена окном; хар-

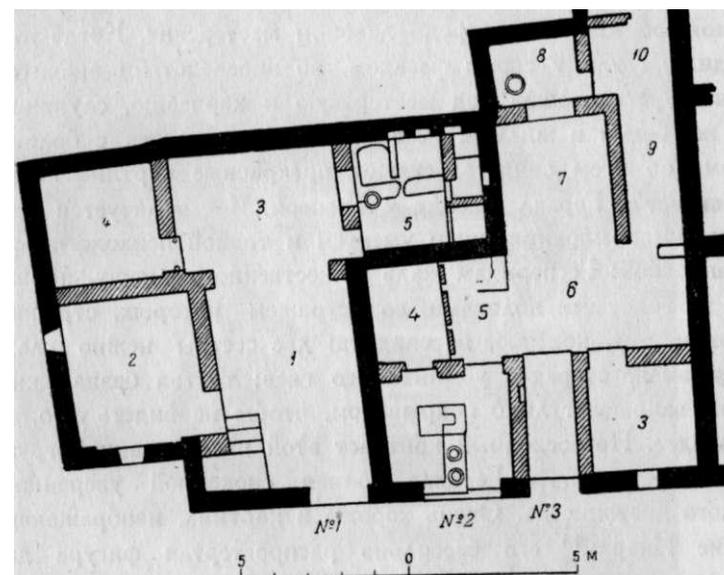

Рис. 82. Дома без атриев (план).

Дом № 1: 7—большая передняя комната; 2—комната на улицу, освещаемая окнами; 3—таблин; 4—комната, получающая свет из таблина; 5—внутренний дворик. Дом № 2: лавка; 4 к 5—комнаты, с ней связанные. Дом № 3: 3—спальня на улице; 6—комната, занимающая место атрия; 7—таблин; 8—дворик; 9—коридор; 10—чулан; 11—кухня.

чевня (2), находящаяся по другую сторону коридора, получает свет с улицы через широкий проем в стене от прилавка к двери; две лежащие за ней комнатки (4 и 5) освещаются отсюда; комната, занимающая место атрия (6), освещена через таблин (1), открытый на нее во всю ширину и выходящий широким

окном в крохотный дворик (8) (1,63X2,35 м), единственное назначение которого — быть световым колодцем для этих комнат.

Среди маленьких помпейских домиков есть один, который особенно привлекает к себе наше внимание: мы знаем трагическую судьбу его обитателей. Домик этот принадлежал жрецу Аманду, имя которого с обозначением его профессии встречается в избирательной программе; дом очень невелик, неправильной формы, зажат среди лавок и мастерских. Когда-то он выходил на улицу своим фасадом, но впоследствии значительная часть его отошла под мастерскую и харчевню, служившие в то же время и жильем. Хозяин его, был человек с большим вкусом: об этом свидетельствуют прекрасные картины. Избитый сюжет — Геракл в саду у Гесперид⁷² — трактуется здесь с большим композиционным умением и тонкой психологической мотивировкой: Гесперидам жаль мужественного юношу, пришедшего за золотыми яблоками, со стражем которых, страшным драконом, ему, конечно, не сладить; две сестры нежно гладят голову змея, стараясь усыпить его гнев; третья безнадежным жестом закрывает лицо покрывалом, чтобы не видеть того, что произойдет. Превосходный контраст этой взволнованной группе представляет фигура Геракла, полная спокойной уверенности и тихого достоинства. Очень хороша и картина, изображающая падение Икара:⁷³ его бессильно распростертая фигура дана в смелом ракурсе; изумление тех, кто видит человека падающего с неба, выражено в красноречивых жестах; на заднем плане великолепно дан город, окруженный стеной, с зубчатыми башнями и воротами, до странности напоминающий средневековый город. Дом был построен очень давно: еще в до-римское время. Штукатурка в коридоре обвалилась и под ней обнаружился слой старой с остатками интересной фрески: с одной стороны два бьющихся пеших воина, а с другой — два всадника; один настигает противника и вонзает в него копье; настигнутый оборачивается назад и закрывается щитом, в котором теперь ему уже нет надобности. Над ним надпись оскскими буквами: «Спартак»; надпись над его противником разобрать нельзя: фреска изображала гибель знаменитого вождя рабов.

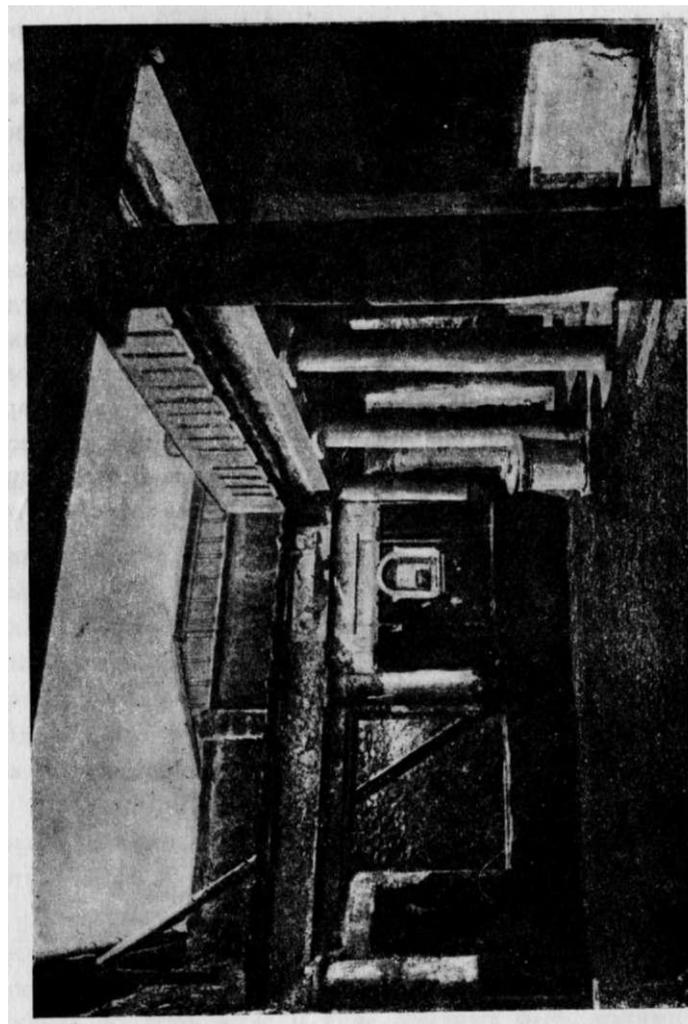

Рис. 83. Перистиль в доме Аманды.

Первоначальный вид дома совершенно исказили позднейшие перегородки и мансарды, но они дали возможность расселиться здесь целой большой семье. Она вся погибла здесь: в коридоре, под слоем пемзы было погребено шесть человек: взрослые мужчины, женщины и совсем маленькая девочка. Единственным местом в доме Аманда, куда попадало солнце, был маленький перистиль (рис. 83), заключенный между небольшим портиком и стеной соседнего дома. Его осеняла огромная ветвистая лоза винограда, вившаяся по стене и затенявшая весь дворик. В земле ясно видны глубокие впадины от ее корней, а в стене сохранилось еще несколько гвоздей, поддерживавших некогда ее плети. На колоннах скромного перистилия остались рисунки и надписи, нацарапанные детской рукой: густая пальма, поразившая детское воображение в каком-нибудь богатом саду, карикатура женщины в шляпе цилиндрической формы и подпись «Euhodia» и имя отца, с которым неопытная рука ребенка еще не умела совладать, несколько раз его начиная «А» «М» «А» «А».

Глава VIII

Б А Н И

В жизни древнего италийца бани играли роль значительно большую, чем в нашей. Самые большие и лучше всего сохранившиеся — это бани, выстроенные в Риме Диоклетианом⁷⁴ (площадью в 13 га) и Каракаллой⁷⁵ (площадью в 11 га). Римские бани представляют собою своеобразное сочетание бани, сада отдыха и дворца культуры; кроме специально банных помещений, здесь имелись библиотеки, картинные галереи, парки, украшенные первоклассными произведениями искусства, площадки для занятий гимнастикой, врачебные кабинеты и залы для отдыха. Здесь зачастую проводили добрую половину дня: купались и плавали в роскошных бассейнах, работали в библиотеках, беседовали с друзьями, подвергали себя различным врачебным процедурам, прогуливались по саду, играли и занимались гимнастикой.

Бани такого небольшого городка, как Помпеи, не могли, конечно, соперничать со столичными, но это не делает их менее интересными. Благодаря их хорошей сохранности по ним можно судить об устройстве и виде обычных бань, какими пользовалась провинциальная Италия.

В те времена, о которых мы говорим, население Италии мылось в бане ежедневно. Давно оставлен был обычай мыться только раз в неделю; теперь он соблюдался только для рабов.

Уже в конце III в. до н. э. люди посостоятельнее строили себе отдельные помещения для бань. Сенека оставил нам описание бани в имении Сципиона (победителя Ганнибала) под Литерном (Кампания); это было узкое и темное помещение, с окнами, похожими скорее на щели, просто оштукатуренное, без всяких украшений. Такие же простые бани, только, конечно, значительно больших размеров, строились частными лицами и на казенный счет для общественного пользования по всей Италии и не только в городах, но и в деревнях. В деревне, возле которой было расположено имение Плиния Младшего (под Лаврентом, Лациум), имелись три платные бани. В Риме к концу республики их было около 170. На обязанности эдиров лежало следить за чистотой в этих помещениях и за должной температурой воды, которую они мерили собственной рукой. Бани были мужские и женские; в небольших же поселениях с единственной баней отводились различные часы пользования для женщин и для мужчин. Открывали бани обычно с двух часов дня; об открытии возвещали звоном колокольчика. Плата за посещение бань взималась минимальная (1/4 асса, т. е. меньше одной копейки); часто населению предоставлялось пользование банями бесплатно. Кроме общественных бань, имелись и частные. Сельскую усадьбу немисливо представить себе без бань — одной для хозяина и другой для рабов. В Помпеях мы знаем ряд домов, которые имеют маленькие (на одного человека) баньки, расположенные обычно рядом с кухней и устроенные (в миниатюре) по общепринятому плану итальянских бань.

В Помпеях было несколько бань, принадлежащих частным владельцам. От них почти ничего не уцелело; зато довольно хорошо сохранились городские бани, которых в Помпеях было (ко времени гибели города) три: две вполне законченные и третья строящаяся. Самыми старыми и большими были Стабиевы (названы так потому, что выкопаны для Стабиев, а не наоборот), получившую в новое время название «Стабиевой», занимавшие целый большой квартал. Выстроены они были еще во II в. до н. э., а в 80-х годах до н. э., после вывода Сулловой колонии, очевидно в связи с изменившимися потребностями и

выросшим населением, несколько переделаны и отремонтированы. В это же время по распоряжению городского совета выстроили и новые бани, поменьше и попроще, к северу от форума. Археологи называют их «Форумскими» или «Малыми банями». Место для них выбрали с правильным расчетом, город был теперь как бы поделен между двумя банями: старым надлежало обслуживать преимущественно восточную и южную части города, новым — западную и северную.

Стабиевы бани наглядно свидетельствуют о том влиянии, какое греческое население Кампании оказало на нравы и обычаи ее коренных жителей. В Греции баня являлась обычно добавлением к палестре (площадка для гимнастических игр). Как ни сильно было в Риме греческое влияние, но там палестру при банях мы найдем только со времен Августа. В Помпеях баню с палестрой выстроили во II в. до н. э.

Посетитель Стабиевых бань (рис. 84), если он входил через главный вход (5) с улицы Изобилия, попадал прямо на палестру (Б) — обширный двор (21 м в ширину и 33 м в глубину), окруженный с трех сторон крытой колоннадой. Налево от входа стояла широкая каменная скамейка, всегда находившаяся в тени, так как над этой частью колоннады шел второй этаж. С этой скамейки можно было удобно наблюдать за всем, что происходило на палестре. Здесь, перед тем как идти в баню, играли в разные игры и занимались гимнастикой. Одни фехтовали на мечах; другие раскачивали тяжелый мешок, набитый песком, мукой или зерном, и, раскачав, старались сразу же остановить его. На нем же учились боксу под руководством учителя-специалиста. Некоторые упражнялись со штангами. Любимой игрой, имевшей много разновидностей, была игра в мяч. Игравшие «в треугольник» становились по углам воображаемого треугольника, и каждый из них должен был одной рукой бросать партнеру свой мяч, а другой рукой ловить брошенный партнером. Тот, кто поймал больше мячей, считался выигравшим. Игра эта требовала много внимания, а главное умения действовать обеими руками одновременно, но в разных направлениях и по-разному* Если игроков было много, то они делились на две партии

и начинали игру, несколько напомиравшую наш футбол, с той только разницей, что тут действовали не ногами, а руками. Обе партии носились за мячом по всей палестре, поднимая клубы

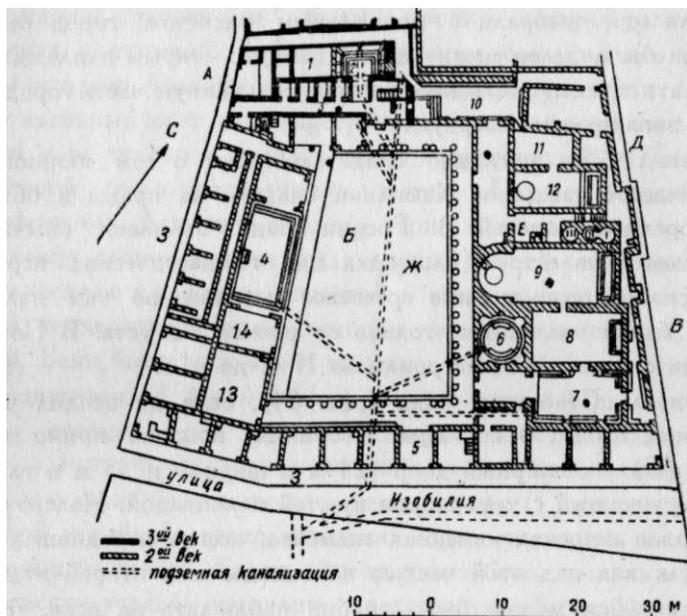

Рис. 84. Стабиевы бани (план).

А—бани III в. до н. э.: *1* и *2*—большие сводчатые комнаты (в I в. н. э. комнату *1* закрыли, а комнату *2* превратили в уборную); *3*—маленькие комнатки для мытья. *Б*—палестра: *4*—большой бассейн для плавания; *13*—раздевальня, *14*—маленький бассейн; *5*—главный вход. *Б*—мужские бани: *6*—фригидарий; *7*—раздевальня, *8*—тепидарий; *9*—кальдарий. *Д*—женские бани: *10*—раздевальня; *11*—тепидарий; *12*—кальдарий. *Е*—помещение стопкой и котлами. *Ж*—канализация. *З*—лавки.

пыли и обливаясь потом. Рядом с ними любители атлетических упражнений занимались подъемом тяжестей. На нашей палестре (рис. 85) с четвертой стороны (там, где не было колоннады) устроили широкую (в 2,48 м) дорожку из туфа, с высокими

закраинами, где были найдены тяжелые каменные шары, служившие для «выжиманья тяжестей».

Интересно, что Малые бани (рис. 86), строившиеся уже при римской колонии и, надо думать, с учетом вкусов нового населения, палестры не имели; здесь устроили только внутренний

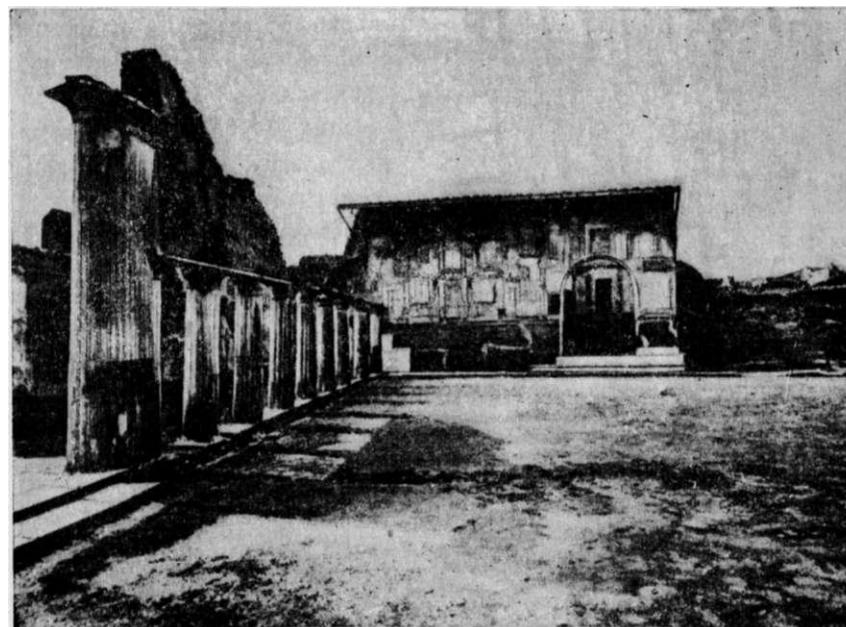

Рис. 85. Стабиевы бани. Палестра.

дворик с садиком (*7* и *8*) (рис. 86 и 87), размером 21,8 X 16,3 м; вокруг него шел портик, и на него же выходила открытая беседка, где можно было посидеть в прохладе и уединении. Вечерами беседка эта слабо и причудливо освещалась светильником, поставленным в нише тепидария (*5*) и бросавшим свой неверный свет внутрь (в тепидарий) и наружу (в беседку). Большое количество объявлений на стенах портика, — между прочим и о гладиаторских играх, — свидетельствует о том, что место это посещалось весьма охотно. Сюда приходили, по всей

вероятности, солидные люди старого римского склада, не увлекавшиеся гимнастикой и не любившие сутолоки и гама, обычно стоящие на палестре Стабиевых бань, куда нам еще предстоит вернуться.

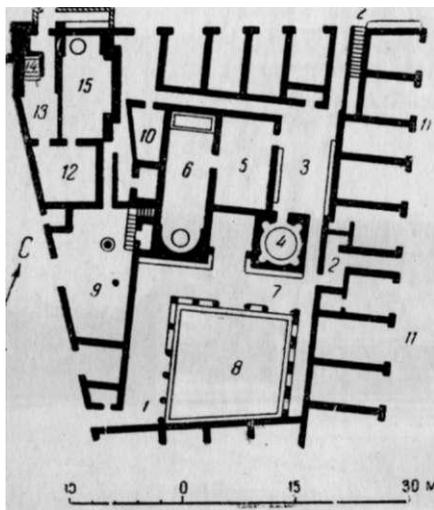

Рис. 86. Форумские бани (план) — 1 и 2 — входы с улицы; 3 — раздевальня; 4 — фригидарий; 5 — тепидарий; 6 — кальдарив; 7 — портик; 8 — садик; 9 — дворик перед женскими банями; 10 — место для топки и котлов; 11 — лавки; 12—15 женские бани; 12 — тепидарий; 13 — раздевальня; 14 — холодный бассейн; 15 — кальдарий; 16 — подставка для солнечных часов.

В прохладную погоду или если посетитель не удовлетворялся холодным купаньем, он шел в самые бани. Преддверием их служил аподитерий (от греческого слова «apodyo» — «снимаю», «раздеваюсь») — раздевальня (7) (рис. 84 и 88). Размеры раздевальни в Стабиевых банях — 11,5 X 9 м; в Малых — 11,5 X 6,8 м. Здесь на высоте 1,75 м шел ряд ниш, выступав-

На палестре, как правило, играли одетыми. Если было жарко, то игроки с палестры отправлялись в большую раздевальню (73) с невысокими (1,65 м) шкафами для платья, раздевались там, соскребали с себя грязь, омывались в мелком (0,65 м) бассейне (14) и оттуда шли в большой (12,7 X 8 м, глубина 1,5 м), открытый бассейн (4), выложенный белым мрамором (рис. 84). Здесь было очень приятно и выкупаться и поплавать в прогретой солнцем воде, все время втекавшей и вытекавшей через особые трубы. Поплавав, отдыхали; для сиденья внутри водоема специально устроены были две ступеньки.

В прохладную погоду или если посетитель не удовлетворялся холодным купаньем, он шел в самые бани.

ших из стены и опирающихся на тяжелую каменную доску; в них складывали одежду. В аподитерии Малых бань вместо ниш устроены были просто полки. Вдоль стен в обеих банях стояли в этой комнате низкие каменные скамейки с приступочками для ног. Так как воровство в итальянских банях было явлением обычным, то хозяева нередко оставляли здесь рабов

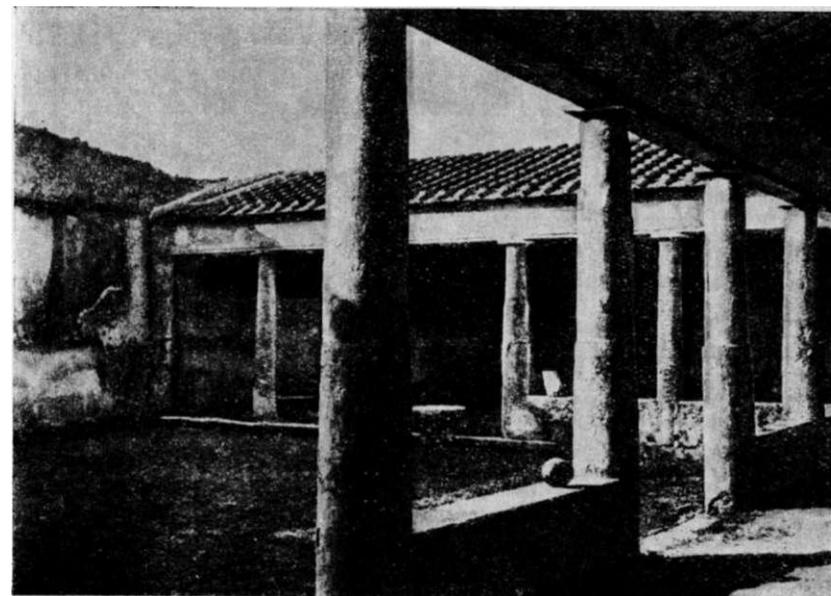

Рис. 87. Форумские бани. Портик и садик.

сторожить свою одежду. Имелся при банях и свой сторож — капсарий (от «сарза» — «большая коробка»), прятавший к себе за небольшую плату особо ценные вещи купальщиков.

Из аподитерия можно было идти в две стороны: или во фригидарий (6) (от «irigidus» — «холодный») — отделение с холодным бассейном, или в тепидарий (8) (от «tepidus» — «теплый») — теплое отделение (рис. 84).

Фригидарий невелик и представляет собой четырехугольник, внутри которого вписан круг. Круг этот почти целиком занят бассейном с холодной водой, которая льется из ниши напротив

дверей, а вытекает через отверстие в самом бассейне. Площадь фригидария несколько увеличивают четыре полукруглые ниши по углам четырехугольника. Фригидарий в Малых банях сохранился полностью, недостает только воды. Приведем его размеры: диаметр 5,74 м, высота ниши 2,2 м, диаметр ее 1,6 м; бассейн: в диаметре 4,31 м, ниже пола на 0,48 м, круглое сиденье шириной 0,28 м, под ним еще ступенька; глубина бассейна 1,3 м. Вода вливалась из медной трубы, шириной 0,13 м, вделанной напротив входа на высоте 1,2 м от пола; по мере надобности вода из бассейна выливалась через отверстие в дне его.

Дверь из раздевальни вела (в обеих банях) в тепидарий. Помещение это обычно небольшое (в Стабиевых банях 12,52 X X 6,86 м, в Малых — 10,4 X 5,6 м), имело своеобразное назначение. Здесь, как правило, никогда не мылись,* а только «прогревались». Римские медики считали, что для тех, кто устал, «самое лучшее посидеть в тепидарий, а затем, немного отдохнув, пойти в горячую баню» (Цельз). Сидели обычно не раздеваясь, чтобы скорее и лучше прогреться. В тепидарий Малых бань устроены для одежды ниши, выступающие из стены, как ниши в Стабиевом аподитерий. Стенки каждой ниши заканчиваются плоскими пилястрами, перед которыми стоят маленькие (0,61 м) терракотовые фигурки атлантов — мощных великанов, поддерживающих карниз на вытянутых и закинутых назад руках. Тут же сохранились три большие (1,8 м длины) бронзовые скамейки, подарок некоего Марка Нигидия Вакулы; он сообщает об этом в надписи на сиденье и намекает орнаментировкой скамей на свое имя («*vassula*» — «коровка»): ножки скамеек он заказал сделать в виде коровьей ноги и закончить их вверху головой коровы.

Посидев в тепидарий, отдохнув и вспотев, растершись и смазавшись оливковым маслом, посетители шли в кальдарий

* Большая, выложенная когда-то мрамором ванна, найденная в тепидарий Стабиевых бань, представляла из себя нечто вроде ванны, которая вставлялась в нише. По виду она была приспособлена для людей, которые не могли или не хотели мыться после жаркого отделения (кальдария) в холодном бассейне фригидария.

(от «*caldus*» — «горячий», горячая баня). В Стабиевых банях кальдарий очень разрушен, в Малых — сохранился довольно хорошо. Это продолговатое помещение (16,25 X 5,35 м), заканчивающееся с одной стороны полукруглой глубокой нишей, где на толстой подставке из лавы в 1 м высотой стоял огромный (2,34 м диаметром) мраморный таз глубиной 0,21 м. Из середины его била фонтаном тепловатая вода; под ним принимали

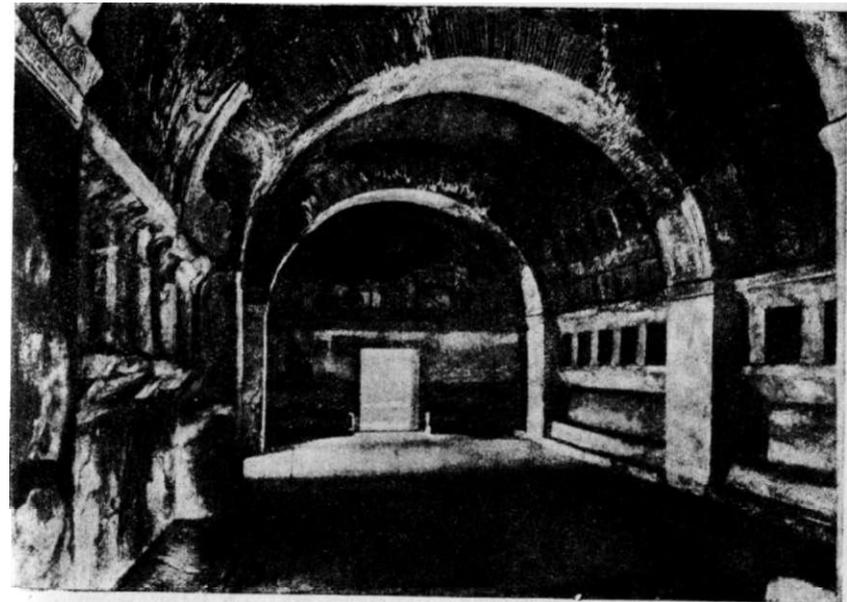

Рис. 88. Стабиевы бани. Раздевальня

душ, вымывшись в горячей мраморной ванне, которая занимала почти всю противоположную сторону кальдария (длина ванны 5,05 м, ширина 1,59 м, глубина 0,6 м); в ней могли мыться, сидя, человек десять; заднюю стенку ванны, чтобы к ней удобно было прислониться, ставили под тупым углом ко дну. Вода вливалась в кальдарий из ниши, расположенной в центре, так как все время вливалась и выливалась. Очень остроумно устроен сводчатый потолок; в кальдарии Малых бань: он весь разделан поперечными же-

лобками, идущими от карниза к карнизу; они подчеркивают форму потолка и в то же время образуют ряд маленьких стоков воды, образующейся здесь от оседающего пара.

План помпейских бань, в главных чертах, был стандартом для всех помещений такого назначения. По такому плану строил свои маленькие баньки при доме помпейский домовладелец, Плиний Младший — на своих загородных виллах, богатый африканский землевладелец, назначавший у себя в имени под баню 21 комнату, и бедный италийский колонист, устроивший при своей усадьбе среди германских лесов и болот крохотную баню на одного-двух человек. Различными, в зависимости от состояния строителей, были комнаты, прямого отношения, по нашим взглядам, к бане не имеющие, а также внутреннее убранство бани. Мы говорили уже, что бани у древнего италийца играли роль, совершенно несоизмеримую с той, какую они играют у нас. Поэт Марциал, перечисляя те жизненные радости, которыми он хотел бы пользоваться, рядом с книгами, дружескими беседами и прогулками, называет бани; а какой-то полуграмотный философ из Тимгада выводит на игровой доске краткий афоризм, объявляющий, что охотиться, мыться в банях, играть в кости — вот это жизнь. Не будем говорить о столице, где бани, выстроенные императорами, были подлинными домами культуры, но и в маленьких скромных Помпеях в баню шли не только вымыться, но и отдохнуть, развлечься и побеседовать с приятелями.

Строители бань стремятся украсить их по мере возможности: стенная живопись, мозаика, лепные орнаменты — все пущено в ход. Входя в баню, посетитель должен сразу почувствовать, что он попадает в атмосферу простой и легкой радости бытия, которую создают физическое благополучие и отдых, душевный покой и непринужденное общение с милыми людьми — пусть он оставит груз своих забот и обязанностей за порогом. Об этом языком рельефов и живописи говорят ему сами стены: легкие фантастические постройки, мифологические истории, фигуры вакхического хоровода, полубогаженные летящие женщины, изящная роспись веселых ярких тонов. Художник пом-

нит, что он отделяет бани; поэтому он особенно часто берет сюжеты, которые подчеркивают назначения данного места и говорят об изобилии воды: потолки и стены украшены изображениями плывущих кораблей, бьющих фонтанов, раковин, дельфинов и морских коней, которыми иногда правят маленькие амурчики. Посетителю фригидария он хочет внушить, что тот моется в прелестном саду под открытым небом: на стенах и в нишах изображены деревья и кусты, над ними голубое небо, кругом порхают птицы: среди зелени на тонких изящных ножках стоят чаши, похожие формой на чашечки цветов, вода бьет оттуда фонтаном. На куполе — по голубому фону золотые звезды.

Очень элегантно отделан аподитерий в Стабиевых банях: он разделен на три неравные части четырьмя, сильно выступающими пилонами, на которые опираются арки; на их боковых плоскостях вылеплены женские фигуры с дельфинами в руках, переходящими в арабески; сводчатый потолок украшен лепными кассетами разной формы (водной части аподитерия — это восьмиугольники, в четырехугольники); они представляют собой как бы рамку, заключающую в себе маленький, тоже лепной орнамент — розетку, амурчика, кого-нибудь из спутников Вакха; пол — серый мраморный, с дорожками из лавы вдоль стен.

Аподитерий Малых бань — попроще. Лучше всего украшена там глубокая оконная ниша: под самым оконным отверстием нарисована огромная маска Океана или какого-то речного бога; на стене ниши — тритоны с огромными сосудами на плечах, а вокруг них — дельфины. Само окно (величина 1 X 0,7 м) интересно тем, что оно было застеклено; большое, 0,013 м толщины, матовое стекло (куски его нашли тут же при раскопках) вставлено было в медную раму, вращавшуюся на двух цапфах, вделанных вверху и внизу по самой середине оконного проема. Находка эта делает несомненным употребление оконного стекла; застеклено было в Малых банях и большое окно в тепидарий. Под окном маленькая ниша для светильника — свидетельство того, что в банях мылись и поздно вечером. В Малых банях

нашли больше тысячи светильников, большей частью из простой обожженной глины.* Богато украшен и тепидарий Малых бань (в Стабиевых он очень разрушен, хотя кое-где и сохранились лепные орнаменты). Мы говорили уже об атлантах, стоящих перед нишами и поддерживающих сильно выступающий карниз, над которым идут лепные арабески — белые по белому фону. Стены выкрашены красным; потолок — весь в лепных украшениях по белому, светлоголубому и фиолетовому полю, разделанному на отдельные участки разной величины и формы. Превосходно подобранные краски сливаются в одно гармоническое целое.

Незадолго до катастрофы в Помпеях приступили к постройке новых бань. Интересно место, которое было для них отведено. Они находились, как и Стабиевы, в восточной части города, но севернее их, совсем рядом с богатыми кварталами города. Бани строились, видимо, с расчетом на их обитателей, как на главную клиентуру. Они далеко не были закончены ко дню гибели города, но и в своем незавершенном виде красноречиво свидетельствуют о любви к роскоши и об изнеженном вкусе своих будущих посетителей.

Сенека, восхищавшийся простотой сципионовой бани, описал для контраста бани современные: «Человек сочтет себя жалким бедняком, если по стенам его бани не вставлены сверкающие большие круги драгоценного мрамора, если александрийский мрамор не отделан инкрустацией из нумидийского, если бассейны наши, куда мы опускаем наше тело, выпаренное обильным потом, не выложены фассоским мрамором, который раньше был редкостью в храме, если вода льется не из серебряных кранов! Я говорю о простых банях... У Сципиона в бане высечены в каменной стене окна, а скорее щели, пропускающие свет без ущерба для зрения. Теперь назовут берлогою баню, где солнце не льется круглый день через широчайшие окна, где

* Для истории раскопок судьба этих светильников чрезвычайно характерна. Лучшие из них отобрали и отправили в Неаполитанский музей, остальные разбили и выбросили. Дело происходило в 20-х годах прошлого века, когда раскапывали эти бани.

нельзя одновременно и мыться и загорать, где из ванны нельзя глядеть на поля и на море».

Мы не знаем собирались ли помпейцы обзавестись серебряными кранами и облицевать стены новой Центральной бани (рис 89) дорогими сортами мрамора; внутренняя отделка

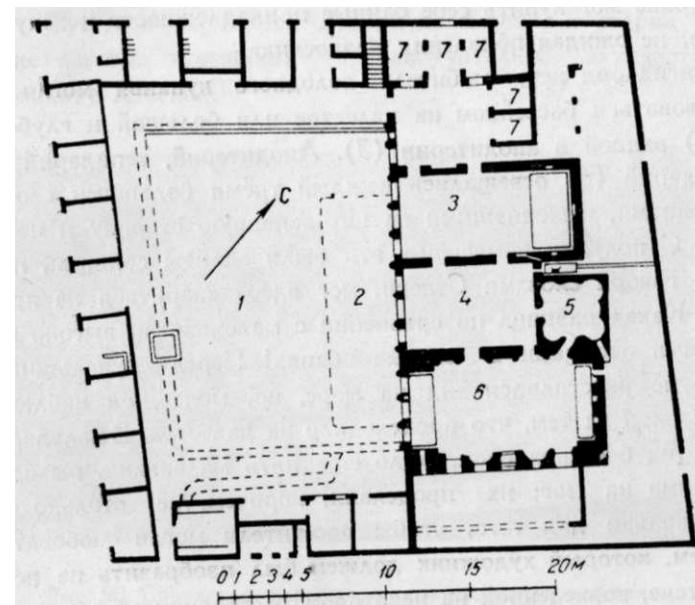

Рис. 89. Центральные бани (плав).

1—палестра; 2—бассейн для плавания и купанья; 3—раздевальня; 4—тепидарий; 5—лаконская баня; 6—кальдарий; 7—лавки.

новых бань еще только-только начиналась, но план этой новой постройки говорит о вкусах, значительно более прихотливых, чем у людей, которые довольствовались Стабиевыми или Малыми банями. Здесь имелась обширная палестра (1), на одной из сторон которой устраивали большой открытый бассейн для купанья и плавания (2). Палестру должен был окружать портик, для которого только с одной стороны успели вывести фундамент; палестра завалена цельными колоннами, частями

их, мраморными плитами: накануне катастрофы здесь кипела работа. Стабиевы и Малые бани окружены лавками, которые, разумеется, торговали всем, что нужно было для купальщиков, включая и съестное; в новых банях, кроме таких наружных лавок, имелись еще лавки (7) и внутри. Рассеянный посетитель уже в бане мог купить себе банные принадлежности и закусить тут же, не ожидая появления, разносчика.

Фригидария нет; любители холодного купанья могли довольствоваться бассейном на палестре или большой и глубокой (1,4 м) ванной в аподитерии (3). Аподитерий, тепидарий (4) и кальдарий (6) освещались каждый тремя большими сводчатыми окнами, выходящими на юго-западную сторону и на палестру. С полудня помещения эти были залиты солнцем; посетитель, говоря словами Сенеки, мог здесь «вариться на ярком свете». Какая разница по сравнению с маленькими, высоко проделанными оконцами в старых банях! Перед купальщиком, правда, не расстился вид на море, но, моясь, он наблюдал из этих окон за тем, что происходило на палестре. В кальдарий, кроме этих больших окон, было еще пять маленьких, выходящих прямо на юг; их проделали, впрочем, не столько для света, сколько для того, чтобы посетители могли любоваться пейзажем, который художник должен был изобразить на невысокой стене, возведенной на некотором расстоянии от этих окон. Назначением ее, кроме того, было еще скрыть от глаз людей, находившихся в кальдарии, работу истопников и банной прислуги, которые должны были проходить здесь под окнами. Вместо одной ванны, как в Стабиевых и Малых банях, здесь их три: две большие, где могли одновременно мыться 26—28 человек, и третья маленькая, заменявшая большой таз.

В этих банях мы найдем помещение, не встречавшееся нам ни в Стабиевых, ни в Малых банях, — это так называемая «Лаконская баня» (5). Сенека, имея ее в виду, пишет: «Нынче додумались здесь до температуры, похожей на температуру пожара: раба, уличенного в преступлении, достаточно выкупать здесь живьем». Помещение это, похожее с виду на фригидарий (такой же круг, вписанный внутри четырехугольника с четырьмя

нишами по углам), было самым жарким отделением; здесь не мылись, а парились в горячем сухом воздухе. Такая баня считалась полезной при некоторых заболеваниях; полагали, между прочим, что она способствует пищеварению, поэтому сюда шли лечиться от несварения желудка после слишком обильных пиршеств: «Тут-то и случаются внезапные смерти, и старик умирает, не оставив завещания», — нравоучительно замечает по этому поводу Ювенал.⁷⁶

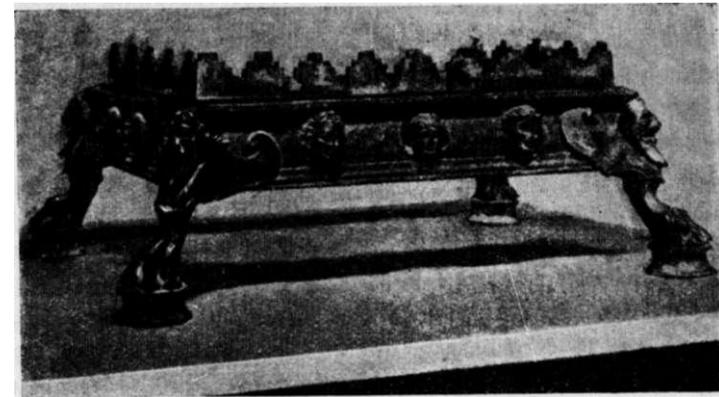

Рис. 90. Бронзовая жаровня для нагревания помещения.

Каким образом нагревались бани? Познакомившись с отоплением бань, мы узнаем и об отоплении домов: оно было в обоих случаях одинаковым.

Старым и обычным для большинства италийских домов способом было отопление жаровнями (рис.90); так же обогревались и бани. В тепидарий Малых бань и по сей час стоит, как стояла, медная жаровня, подаренная тем же Нигидием Ваккулой («Коровка»), который одарил тепидарий и скамьями. Жаровня представляет собой большой (2,12 X 0,77 м) резервуар с бронзовой решеткой на дне, куда клали сначала черепицу, потом пемзу, а затем уже насыпали горящие угли. Посредине этой жаровни Ваккула велел изобразить горельефом корову в каче-

стве своего герба. Такая же жаровня (тоже подарок Ваккулы) стоит в Стабиевых банях в очень открытой, выходящей на палестру комнате, куда ее вынесли из какого-то специально банного помещения, где она стояла, пока при ремонте бань в 80-х годах в них не устроили нового отопления. В тепидарии Малых бань подарок Ваккулы остался, потому что в этих банях новую систему отопления применили только для кальдария.

Система эта заключается в отоплении горячим воздухом; изобретателем ее считается Сергей Ората, старший современник Цицерона. Это был ловкий предприимчивый человек, прехвосходно умевший использовать в свою выгоду растущие причуды своих земляков: он устроил под Байями, самым роскошным римским курортом, устричные садки, дававшие ему большой доход; бани, нагревавшиеся горячим воздухом, которые, по словам Плиния, он «придумал», послужили ему новым источником наживы, так как сразу же пришлось по вкусу все более и более изнеживающимся «потомкам Ромула».

Новое отопление устраивали следующим образом. Возле помещения, которое желали отапливать, складывали в земле круглую или четырехугольную сводчатую печь. Над землей обычно выдавался только ее верх. Через одну из стенок, при этом не всегда напротив топки, шел канал, являвшийся как бы продолжением печи. Через него тепло попадало в подполье согреваемой комнаты. Подполье устроено особым образом: на четырехугольных или круглых столбиках, сложенных из отдельных кирпичей (реже из камня), промазанных глиной с волосом, кладется пол с таким расчетом, чтобы каждая кирпичная рифленая плита его легла на четыре столбика, закрыв собой только четверть верхнего, более широкого кирпича, венчавшего этот столбик. Таким образом, четыре столбика, образующие квадрат (они обычно отстояли друг от друга на 25—30 см), служили опорой для четырех смежных плит. Плиты эти заливали сначала глиной или особой смесью из песка и извести, затем усыпали мелким булыжником или битым кирпичом, заливали все цементом и затем укладывали уже верхний пол из

мраморных плит или мозаик. Делалось так для того, чтобы пол, медленно прогреваясь, долго сохранял тепло, не обжигал ног и не трескался от жара. Высота подполья — обычно около 0,75 м; в полу имеется отверстие, плотно закрытое плитой, через которое можно спуститься в подполье на случай какого-нибудь исправления или чистки его.

Следующим шагом в развитии этого отопления было такое устройство стен, при котором горячий воздух мог по ним циркулировать. Для этого между стеной и ее облицовкой прокладывали трубы, сложенные из полых кафлей в форме параллелепипеда каждая (высота кафли 20—30 см, ширина 8—12, толщина ее стенки 1,5—2 см, с отверстиями разной формы в середине узкой стороны). Кафли прикреплялись к стене железными крюками, а для того чтобы штукатурка на них держалась лучше, наружную сторону их делали всю в желобках. Трубы эти сообщались непосредственно с подпольем, горячий воздух шел по ним и прогревал стены, в которых делали еще и душники, чтобы впускать этот воздух прямо в комнату. Иногда всю стену превращали в своего рода огромную обогревательную трубу; с этой целью брали для облицовки особые «плиты с сосками» («*tegulae mammatae*», «*мамма*» — «сосок»), имевшие на каждом углу по острому выступу, похожему на сосок. При лицевании этими плитами, между ними и стеной оставалось полое пространство, по которому и шел горячий воздух. В Стабиевых банях после ремонта в 80-х годах новым отоплением снабдили тепидарий и кальдарий: в обоих помещениях устроено было подполье, обогревавшееся горячим воздухом; кроме того, в кальдарии в стенах проведены были трубы для нагревания, а в тепидарии использованы были плиты с сосками. В Малых банях таким образом обогревался один кальдарий. Можно не сомневаться, что в новых банях эту систему отопления собирались широко использовать.

Посмотрим теперь, как нагревали воду и подавали ее в ванны.

Согревание воды в обеих помпейских банях (в новых отоплении не успели еще сделать) производилось почти одинаково.

Рядом с кальдарием находилась печь, обогревавшая горячим воздухом подполье и стены. Над самой печью стоял большой (2,2 м в диаметре) котел I (рис. 84), откуда горячая вода поступала прямо в ванну. Второй котел II стоял над пустым круглым пространством, непосредственно соединявшимся с топкой; вода в нем была достаточно горяча. Пустое пространство под третьим котлом III сообщалось с подпольем кальдария; здесь вода была только тепловатой и отсюда она поступала в большой таз, где обмывались под душем после горячей ванны. Все три котла соединялись между собой.

Каким образом вода из этих котлов попадала в ванну и как ее смешивали до требуемой температуры? Ответ на эти вопросы нам дает усадьба под Боскореале, недалеко от Помпей, где сохранились не только котлы для бани (их было два — для горячей и; холодной воды), но и целая система труб с кранами (рис. 91). Над очагом стоит свинцовый котел (высота 1,95 м, диаметр 0,59 м), закрытый простой глиняной крышкой и вмурованный в нижней своей части (около 1 м). Он соединен тремя свинцовыми трубами с баком на кухне, получающим холодную воду со двора. Вода из бака наполняет котел, идя по средней трубе *АА*, имеющей один кран *а*. Нижняя труба *ВВ* разветвляется возле котла: левый рукав ее идет в котел, правый проходит через стену прямо в ванну. Кранов в этой трубе два: один *г* между котлом и развилкой, другой *д* выше развилки. Если этот последний закрывали и открывали кран *г*, в ванну набегала горячая вода; если же закрывали *г* и открывали *д* — шла холодная; открывая то один, то другой или оба одновременно, получали воду желаемой температуры. Верхняя труба *ББ* также разветвлялась: одно колено шло в котел, другое в нишу, где стоял большой таз. Здесь такие же два крана: один *б* — над развилкой, другой *е* — между ней и котлом; стоило закрыть *б* и открыть *е*, как начинала течь холодная вода; закрывали *е* и открывали *б* — и из котла в таз шла горячая вода. В помпейских банях этих труб не сохранилось, но система подачи воды была там, разумеется, такой же.

Сенека упрекал своих современников в том, что в банях им угодно «вариться». В его время любили и жаркую баню, и горячую воду, а так как в мраморной ванне вода быстро охлаждается, то придумали средство, устраняющее этот недостаток. Прямо над отопительным каналом, шедшим от печки, укладывали полуцилиндрический котел, одним концом своим сообщавшийся с ванной. Вода наполняла одновременно и ванну, и ко-

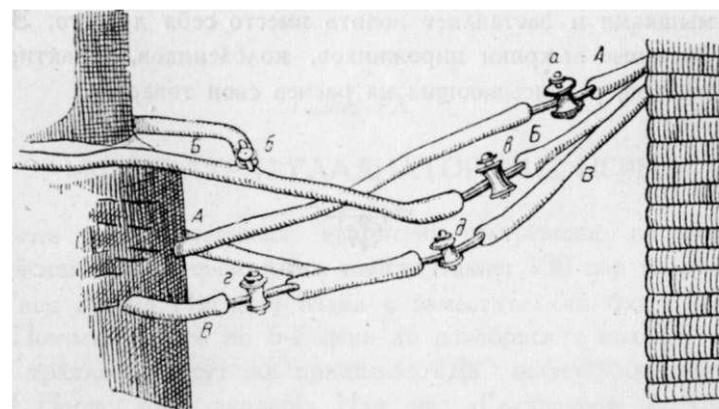

Рис. 91. Бак для бани из усадьбы под Боскореале.

тел, но в котле, находясь в непосредственной близости с огнем, она все время подогревалась и не позволяла стунуть воде и в ванне.

В заключение приведем живую сценку из жизни бань, нарисованную в несколько юмористических тонах Сенекой. «Я живу, — пишет он, — над самыми банями. Представь себе всевозможные звуки, от которых можно притти в бешенство. Вот, размахивая тяжелыми гирями, напрягаясь или делая вид, что они напрягаются, упражняются силачи: я слышу стоны, свист задержанного и, наконец, выдыхаемого воздуха, мучительно затрудненное дыхание. Вот пришел какой-то флегматик, которому довольно обычного массажа: я слышу, как хлопает по его плечам рука массажиста, и звук меняется, смотря по тому, уда-

ряет **ЛИ ОН** всей ладонью или складывает ее лодочкой; если тут подошел еще игрок в мяч и начал считать мячи — кончено! Прибавь еще скандалиста, пойманного вора и человека, который с удовольствием слушает в бане свой голос.* Прибавь еще тех, кто со звучным всплеском прыгает в бассейн, людей, которые говорят только во весь голос; подумай о цирюльнике, который выдергивает волосы: он возвещает о себе голосом тонким и пронзительным и умолкает только, когда выщипывает волосы под мышками и заставляет вопить вместо себя другого. Затем всевозможные выкрики пирожников, колбасников, трактирных разносчиков, расписывающих на распев свои товары».

Глава IX

АМФИТЕАТР И ГЛАДИАТОРСКИЕ ИГРЫ

Среди многочисленных надписей, пестревших на стенах помпейских домов, появлялись иногда такие: «30 пар гладиаторов Гнея Аллия Нигидия Майя с заместителями будут биться в Помпеях с 8-го по 6-й день до декабрьских календ; звериная травля». И тут же приписка: «Да живет квинкеинал Маий! Парис, будь здоров!» Или же: «Гладиаторы А. Суеттия Церта, эдила, будут биться в Помпеях с 8-го по 6-й день до декабрьских календ; звериная травля; тент». Следующее объявление даст возможность почти точной датировки: «20 пар гладиаторов Д. Лукреция Сатрия Валента, непряменного фламина Нерона, сына императора, и 10 пар гладиаторов его сына, Д. Лукреция Валента, будут биться в Помпеях с 6-го по 3-й день до апрельских ид; большая звериная травля; тент. Писал Эмилиий Целер, один, при лунном свете» (писец не упустил случая рекламировать свое искусство).

Эти и подобные им надписи красиво выводились красной краской в таких местах, где собиралось или проходило много народа: в дворике бань у форума, на стенах театра, базилики, У городских ворот, на могильных памятниках, расположенных по сторонам оживленной дороги, ведущей в город, на домах по такой людной улице, какой была Ноланская. Имя устроителя игр, выведенное очень крупными буквами и поставленное на

* Поэты имели обыкновение читать в бане свои новинки.

первом месте, сразу бросалось в глаза; все это были видные представители муниципальной знати, известные каждому человеку в Помпеях в качестве щедрых благотворителей, заботившихся о народных увеселениях и нуждах. Эти имена сразу останавливали внимание, и радостная новость живо облетала город; гладиаторские игры, если судить по количеству надписей и рисунков, относящихся к гладиаторам, были излюбленным зрелищем помпейцев. Они тоже, вероятно, как те поклонники арены, о которых говорит Сенека, мечтали «перескочить через дни, остающиеся до указанного срока».

Перед играми выпускали подробные афиши, продававшиеся с рук; об их виде и содержании можно судить по надписи, начерпанной каким-то любителем игр. Переживая виденное еще раз в воспоминании, он написал на стене всю афишу, снабдив ее еще примечаниями относительно исхода каждого поединка. Афиша составлена с расчетом на знатоков дела и сообщает, кроме имени устроителя игр и числа, когда они состоятся, имена сражавшихся в каждой паре и сведения, позволяющие взвесить шансы противников, — обстоятельство, необходимое для любителей пари. Приводим лучше всего сохранившуюся часть этой афиши:

T. M.
v. Pugnax Ner III
p. Murranus Ner III
O. T.
v. Cynus Iul VII II
m. Atticus Iul XIV
Ess.
m. P. Ostorius LI
v. Scylax Iul XXVI

Пугнакс («Драчун»), Мурран, Кикн («Лебедь»), Аттик, Осторий и Скилак («Шенок») — это имена гладиаторов. Ner и Iul означают, что одни из них вышли из школы Нерона, другие — из школы Юлия Цезаря; цифры указывают

число поединков, в которых гладиатор принимал участие; большие буквы, стоящие как заголовок над каждой парой, характеризуют вооружение гладиатора: фракиец (T. — Threx Пугнакс сражается с мурмиллоном (M.) Мурраном, а гоппомах (O. — Hoplomachus; гоппомах) в «О», потому что звук «г» дается не отдельной буквой, а значком придыхания, которое часто не обозначалось) Кикн с фракийцем Аттиком; есседарии (Ess. — Essedarii) Осторий и Скилак друг с другом. Буквы перед именами, поставленные уже после игр самим писавшим, говорят об исходе поединка: v. (vicit) «победил», p. (psriit) — «погиб», m. (missus) — «отпущен».

Афиша эта, которую со знанием дела обсуждал любой помпейский мальчишка, для современного читателя представляет ряд загадок: кто такие эти фракийцы, мурмиллоны и есседарии? какие школы были у гладиаторов и Юлий Цезарь? что значит «отпущен» и кто «отпускал» гладиаторов?

Мы имеем достаточно материала для ответов на эти вопросы; их дают литературные произведения, археологические находки, памятники изобразительного искусства. Чтобы они были вполне понятны, надо ознакомиться с происхождением гладиаторских игр, а затем с их организацией.

Гладиаторские игры вышли из тех кровавых поминок, которые устраивали по своим умершим древние народы: кельты, скифы, греки. У Гомера Ахилл⁷⁷ на костер Патрокла кладет, кроме «четырех крепковьюных лошадей» и двух собак, еще «двенадцать благородных юношей, сыновей горделивых троянцев». Со временем, вместо того чтобы резать рабов или пленных, Их стали заставлять биться друг с другом; умерший получал, таким образом, не только слуг и спутников в загробной жизни, но еще и развлекался зрелищем битвы, столь любезным ему при жизни. Греческие историки считали, что этот обычай кровавых поединков у могилы распространился в Италии от этрусков: на этрусских погребальных урнах мы действительно видим сражающихся гладиаторов; этрусские моги-

лы иногда украшены изображениями гладиаторских боев. Связь гладиаторских игр с поминками по усопшим неизменно сознавалась в древней Италии: в течение всей римской истории богатые и знатные люди устраивают гладиаторские игры в память дорогих усопших; это делали и Сципион Эмилиан, и Фавст, сын Суллы, и Цезарь, и Август. Умирая, люди завещают определенную сумму, чтобы их тут же, у погребального костра, помянули гладиаторскими поединками или же из года в год, пока хватит завещанной суммы, устраивали такие поминки в годовщину их смерти. Самое название этих игр — «*mimus*» «обязанность» — говорит о том, что их рассматривали, как некий долг в отношении умерших.

Начало гладиаторских игр в Риме было очень скромно: в 264 г. до н. э. сыновья некоего Брута Перы, «чтя отцовский прах», заставили биться три пары гладиаторов. Прошло почти полвека, прежде чем эти игры повторились, и опять-таки на похоронах; на этот раз бились уже 22 пары. Это зрелище, видимо, нравилось. Рост богатства позволяет устраивать его все роскошнее и роскошнее. Гладиаторские игры становятся чаще; гладиаторов выступает больше; бои растягиваются на несколько дней; их изображают на картинах; ими увлекаются. Теренций рассказывает, как публика, с одобрением прослушавшая первый акт его «Свекрови» (дело происходило в 164 г. до н. э.), узнав, что «будут гладиаторы», «полетела, крича, толкаясь, дерясь из-за мест», — изящной греческой комедии оказалось не под силу соперничество с кровавой бойней. В 105 г. до н. э. гладиаторские игры введены были в число общественных зрелищ: отныне государство в лице своих магистратов заботится об устройении их для народа. За частными лицами остается, разумеется, право устраивать гладиаторские игры на поминках по своим близким. Дать блестящие игры, поразить воображение народа их продолжительностью, количеством сражающихся, роскошью их вооружения — значило обратить на себя взоры и расположить к себе сердца. В конце республики гладиаторские игры стали одной из форм взятки, которой покупались голоса избирателей, и настолько действенной, что се-

нат запретил всем, выставляющим кандидатуру в магистраты, в течение двух лет, предшествующих выборам, давать гладиаторские игры. Императоры, ограничивая магистратов из боязни, как бы они не приобрели слишком большой популярности, сами давали игры небывалого дотоле размаха и невиданной роскоши. В списке своих побед и благодеяний, оказанных народу, Август упоминает, что он давал гладиаторские игры в Риме восемь раз, и участие в них принимали 10 тысяч человек (в среднем, следовательно, выступало каждый раз 625 пар гладиаторов). Флавиусы выстроили в Риме огромный амфитеатр (гладиаторским боям, происходившим раньше в Риме на рынках и на форуме, уже с конца республики отведены были особые здания, называвшиеся «амфитеатрами»), известный под именем Колизея и рассчитанный приблизительно на 100 тысяч зрителей: Траян, празднуя покорение Дакии (107 г. н. э.), в течение четырех месяцев вывел на арену 10 тысяч гладиаторов.

Игры в итальянских муниципиях, конечно, нельзя сравнивать с римскими. Но и здесь, однако, они составляли любимое развлечение, которое город устраивал для населения. Ведали этим городские власти. Вспомним помпейские объявления, — в качестве устроителей перед нами пройдут: Нигидий Маий, квинквеннал, т. е. человек, дошедший по лестнице муниципальных почестей до самой высшей ступени; эдил Суеттий Церт, фламин Децим Валент и др., которых мы знаем как людей, выставлявших свои кандидатуры в эдилитет и в дуумвират. Как поминки по молодом дуумвире Умбриции Скавре, устроены были его отцом гладиаторские игры. Изображение этих игр на памятнике Умбриция дает богатый материал для ознакомления с жизнью арены.

Магистрат, желавший расположить к себе народ, обеспечить себе продвижение по пути муниципальных почестей и вообще стать влиятельным и уважаемым человеком, не должен был пренебрегать устройством гладиаторских игр. В романе Петрония, где есть неподражаемые сцены, с изумительным мастерством раскрывающие внутренний мир маленьких людей ита-

Глава IX

лийского захолустья, старьевщик Ехион бранит одного из своих крупных сограждан: «Что доброго он нам сделал? выставил гладиаторов, которым грош цена, только дунь — свалятся...» Симпатии его на стороне «нашего Тита»: «горячая голова... через три дня, праздниками, будут замечательные игры... оружие он даст превосходное; убежать — это шалишь: бейся на смерть и так, чтобы весь амфитеатр видел... на веки вечные прославится». И когда на объявлении Суеттия Церта стоит приписка: «шерстобит, спишь», то, по всей вероятности, это насмешливое предостережение сопернику Церта (при выборе на какую-то муниципальную должность), которому рекомендуется обратить внимание на то, какими средствами последний добивается успеха.

Устроитель гладиаторских игр должен был иметь в своем распоряжении профессиональных бойцов-гладиаторов и место, где они будут биться, — амфитеатр. Какими возможностями располагал здесь помпейский магистрат, собиравшийся дать игры?

Чтобы получить гладиаторов, он должен был обратиться к хозяину и владельцу гладиаторской школы. Гладиаторы, прежде чем выступить на арене, должны были предварительно пройти курс фехтования под руководством мастеров-специалистов по разным родам оружия в особых заведениях, называвшихся «гладиаторскими школами». Еще раньше чем гладиаторские игры вошли в число государственных зрелищ, такие школы уже существовали: богатые и видные люди охотно заводили их, потому что во время политических неурядиц (а последний век республики был ими особенно богат) отряд таких молодцов мог сослужить немалую службу. Катилину упрекали в сношениях с гладиаторами; гладиаторская школа Цезаря в Капуе показалась его противникам столь страшной, что его заставили ее распустить; Помпей распределил гладиаторов между капуанцами — по два человека на каждый дом; накануне перехода через Рубикон Цезарь обсуждал план здания, которое он хотел выстроить в Равенне под гладиаторскую школу. В императорское время частным лицам запрещено было держать

гладиаторов в столице, но у самих императоров имелись там четыре школы; кроме того, они держали еще школы в других городах Италии. Некоторые из этих школ особенно славились прекрасной выучкой своих питомцев, которые и назывались по именам своих учредителей: «юлианцы» — гладиаторы из школы, когда-то основанной Юлием Цезарем, или «нероновцы» — из школы императора Нерона; тех и других мы неоднократно встретим в Помпеях.

Гладиаторы были не только военной силой, которую любой политический авантюрист мог использовать в своих целях, они были еще источником дохода, как всякая рабская и притом еще квалифицированная сила. Блистательные аристократы, включая сюда и самих императоров, извлекали из своих школ немало выгоды, причем это отнюдь не считалось зазорным. Но существовала целая категория людей, для которых содержание гладиаторской школы было единственным ремеслом и средством наживы; они назывались «ланистами» («lanista» — одного корня с «lanius» — «мясник») и, так же как содержатели публичных домов, всеми презирались. Тем не менее обойтись без помощи ланисты, который знал толк в гладиаторах, продавал их, покупал и отдавал в наем, бывало иногда невозможно. Ни у кого из помпейских богачей и аристократов не было собственной гладиаторской школы; откуда было взять те 20 или 30 пар с «заместителями», которые обещают уже знакомые нам объявления. И Нигидий Майй, и Суетий Церт, и Попидий Руф должны были обращаться к ланисте. Начинался настоящий торг человеческой кровью; магистраты для устройства игр получали обычно от городской казны определенную сумму, к которой те, кто желал блеснуть, прибавляли еще и свои деньги.

Гладиаторские игры стоили дорого: знакомый уже нам старьевщик из Петрония предполагает, что дуумвир его города истратил на игры 400 тысяч сестерций. При Марке Аврелии установлена была определенная такса с разрядами для игр и гладиаторов, выше которой ланиста не смел запрашивать, но в те времена, о которых сейчас идет речь, ничто не сдержива-

ло его жадности; особенно наживался он на известных бойцах, прославивших себя рядом побед. Один римский юридический памятник дает примерно среднюю цену на гладиаторов: за каждого убитого или тяжело раненого устроитель игр платил ланисте 4000 сестерций; за выступление каждого уцелевшего — 80 сестерций. Устроитель, естественно, был заинтересован в том, чтобы уцелело больше гладиаторов; публика, наоборот, хотела видеть жестокий бой, кровь и смерть. Перед началом игр поэтому принимались меры, которые должны были убедить публику, что все будет без обмана: жребием определялось, кто с кем из гладиаторов должен сражаться, устроитель игр осматривал оружие; вспомним, как Ехион ставит в заслугу «нашему Титу», что он даст превосходное, т. е. острое оружие, и что игры будут настоящей бойней, без пощады для побежденных.

Гладиаторские игры происходили в амфитеатре, и помпейский амфитеатр принадлежал к числу самых старых, чьи развалины сохранились до нашего времени. Находился он на краю города, почти у самой городской стены. Место это, со своими деревьями и одинокими маленькими домиками, тихое и уже почти не имевшее городского вида, оживлялось только в дни игр толпой зрителей и множеством торговцев, которые наскоро разбивали легкие палатки или ставили под навесами столики с едой и питьем. Построен он был в пору оживленной строительной деятельности в Помпеях, которая падает на первые времена сулловой колонии, Квинктием Вальгом и Марком Порцием на собственные средства в благодарность за избрание их в квинквенналы. Как гласит надпись, они «отдали это место на вечное владение колонистам». Рассчитан он был тысяч на 20 зрителей; по величине — это средний амфитеатр (рис. 92): большая ось всего здания равна 135,7 м, малая — 104 м; большая ось арены — 66,7 м, малая — 35 м (ср. Колизей: оси всего здания — 187,8 и 155,6 м; оси арены 85,8 и 53,6 м). Снаружи он имеет обычную для амфитеатра форму эллипса и кажется скромным и приземистым, потому что арена и ряд сидений расположены ниже уровня земли. Во

избежание расходов на слишком высокую стену, была выкопана яма в форме очень большой и глубокой миски: дно ее служило ареной (слово «арена» означает «песок»: площадку для гладиаторских боев и звериной травли усыпали песком), а бока — местом, где были устроены сиденья. Круглая каменная стена, поддерживаемая снаружи рядом аркад (рис. 93),

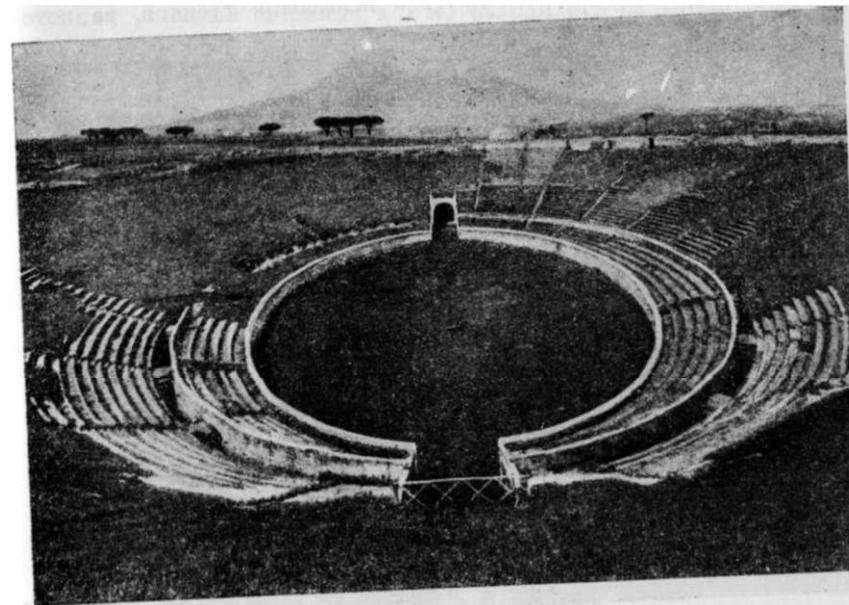

Рис. 92. Амфитеатр. Арена и сиденья.

служила опорой только для третьего и отчасти для второго яруса.

Арену от зрителей отделяла стена высотой в 2 м, расписанная сценами из гладиаторской жизни и звериной травли; в ее верхние травертиновые плиты вставлена была железная решетка для защиты от зверей, если бы звери вздумали кинуться с арены на публику. Места для зрителей распределялись между тремя ярусами: нижний (пять рядов) предназначался для членов городского совета, магистратов, особо уважаемых граждан и почетных гостей; здесь же находилось место устроителя,

игр; средний (12 рядов) — платный; верхний (18 рядов) — даровой. Над верхним ярусом шла широкая терраса с галереей, в которую проделаны были многочисленные проходы для зрителей верхнего яруса. Над галереей находились отдельные маленькие ложи для женщин, так как по указу Августа они могли присутствовать в амфитеатре только на самом веру. Один ярус отделялся от другого невысокой стенкой, за кото-

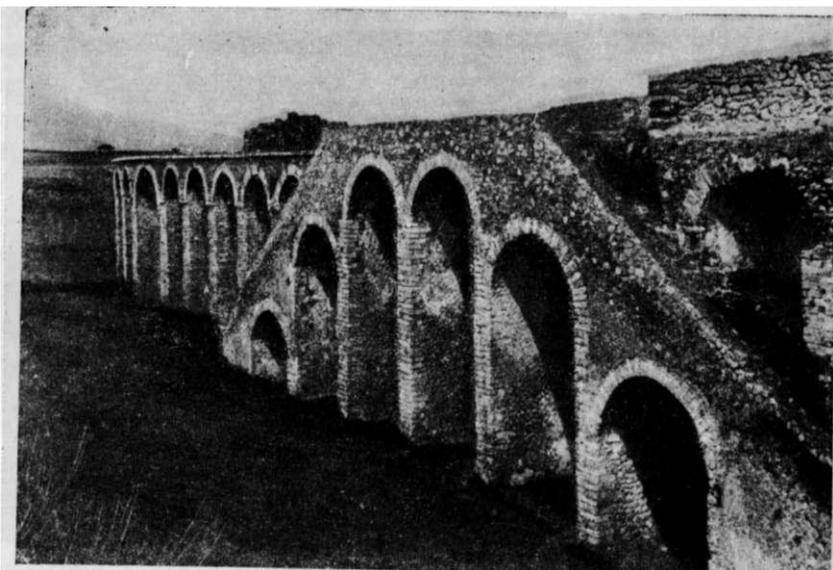

Рис. 93. Амфитеатр. Наружный вид.

рой шел узкий проход. Сиденья сделаны были не сразу при постройке амфитеатра: первоначально зрители усаживались просто по земляным склонам и деревянным скамьям, сколачиваемым от случая к случаю. Из надписей, выбитых по веру стены, отделяющей арену от зрителей, мы узнаем, что некоторые магистраты, по распоряжению городского совета, употребляли деньги, выданные на устройство игр, не на игры, а на устройство постоянных каменных сидений. Ко времени гибели города амфитеатр был совершенно закончен.

Мы говорили уже, что амфитеатр предназначался для 20 тысяч человек; в нем могло поместиться население целого небольшого города. Надо было думать о том, как избежать толкотни и давки при входе и выходе, и строители хорошо справились с этой задачей, остроумно комбинируя внутренние коридоры и наружные лестницы. Входов было шесть (рис. 94): два из них (каждый шириной в 5 м) находились на линии большой

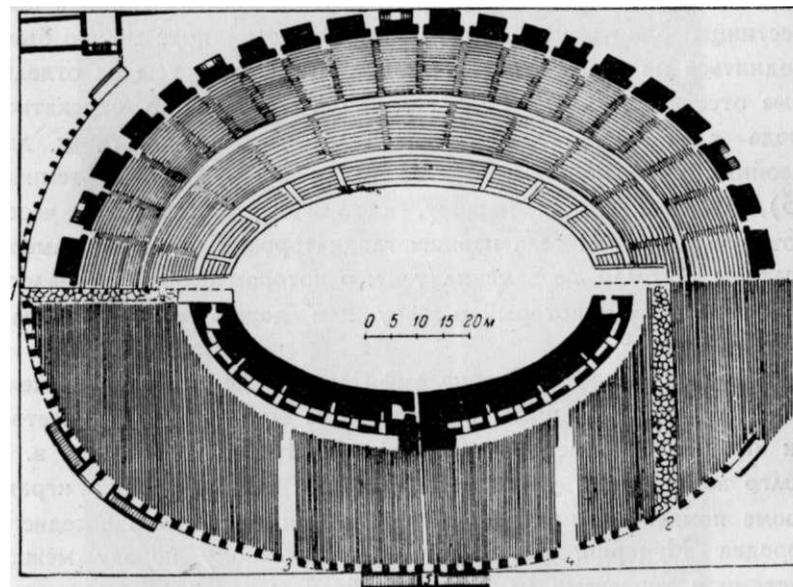

Рис. 94. Амфитеатр (разрез).

оси и вели прямо на арену (1 и 2). Через них входили, кроме зрителей, гладиаторы, через них же впускали на арену зверей. Так как амфитеатр с юго-восточной стороны находился слишком близко от городской стены, то здесь вход (2) сделали не так, как на противоположной стороне, а повернули его под прямым углом на запад. Параллельно этому колону, с той же западной стороны, устроены были два более узких прохода (3 и 4); они вели не на арену, а в коридор (рис. 94), идущий кругом всего здания и проделанный под нижними рядами второго яруса; два

таких же прохода были с восточной стороны амфитеатра. Против середины длинной оси коридор этот («тайник», по терминологии древних архитекторов) наглухо был замурован в обеих половинах — восточной и западной; таким способом рассчитывали избежать толкотни в тайнике и заставить публику пользоваться не особенно удобным ходом около городской стены. Толпа, влившись в тайник через все шесть проходов, расходилась по местам первого и второго ярусов, куда из тайника шли лестницы: одни вниз, другие вверх. В третий ярус можно было подняться из второго по лестницам, делящим ярусы на отдельные отсеки — «клинья»; но гораздо удобнее было спускаться сюда с верхней террасы, куда вело несколько лестниц: две двойные и две простые. Был еще один вход, узкий и темный (5), прямо с арены наружу, — это «смертная дверь», через которую выносили тела павших гладиаторов. Крыши над амфитеатром не было, ее заменял тент, о котором особо сообщалось в объявлениях и который в жару или дождь натягивали над зрителями.

Сохранилось изображение амфитеатра, сделанное в Помпеях неизвестным художником в одном доме возле театра. Сюжетом он избрал событие, случившееся при Нероне в 59 г. н. э. и долго волновавшее умы помпейцев. На гладиаторских играх, кроме помпейцев, присутствовали жители маленького соседнего городка Нуцерии. По какому-то ничтожному поводу между гостями и хозяевами началась перебранка; сначала органичивались словами, потом полетели камни и ножи. Художник изобразил дерущиеся фигуры на арене, на лестнице и вокруг амфитеатра. Из нуцерийцев многие были ранены и многие убиты. Дело дошло до Рима, и сенат запретил в течение 10 лет устраивать в Помпеях гладиаторские игры. По этому поводу какой-то досужий философ написал на стене одного дома: «Кампанцы, ваша победа была вам так же гибельна, как нуцерийцам».

Определенных дней в муниципиях для гладиаторских игр не было. В Помпеях их устраивают по разным случаям: по поводу открытия бань, освящения алтаря, поставленного императору,

«о здравии императора и его семьи», на поминках по уважаемому гражданине. Из объявлений мы узнаем, что они бывали в марте, апреле, мае, июле и в ноябре; длились 3—4 дня. В добавление к играм устраивали иногда звериную травлю, обрызгивали

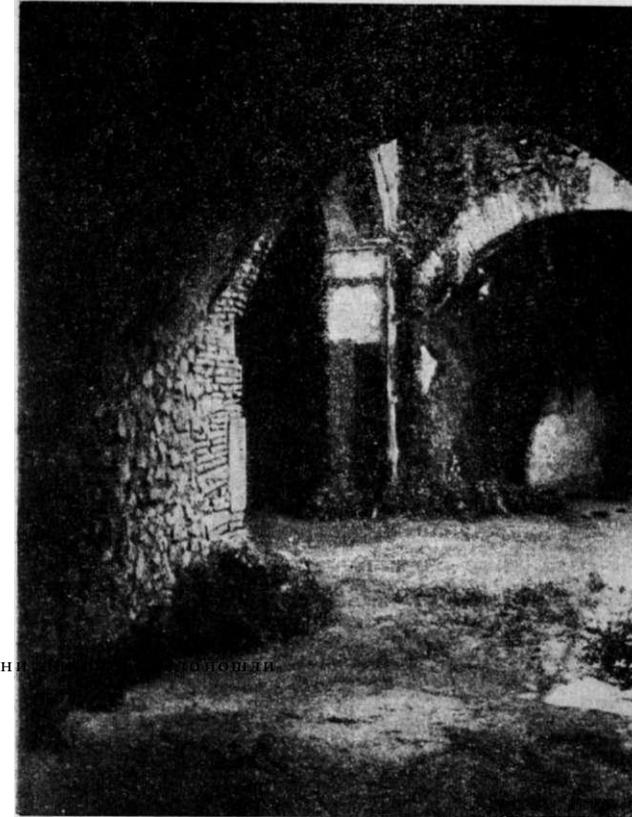

Рис. 95. Коридор под амфитеатром.

публику благовоными эссенциями и осыпали ее подарками. Клавдий Вер объявляет, что все эти удовольствия ждут помпейцев, «когда позволит погода»; «Нигидий Маий назначает игры «безотлагательно»: «будет тент», следовательно ни ливень, ни зной не страшны.

Гладиаторские игры начинались парадом бойцов; в пурпурных, шитых золотом одеждах появлялись они на арене, обходили ее кругом, уходили, появлялись в полном боевом облачении и, получив оружие, проверенное устройтелем игр, начинали поединок. Снаряжение их оказывалось довольно разнообразным: по мере того как расширялось знакомство римлян с окружающим миром и они входили в соприкосновение с новыми народами, на арене амфитеатра появлялось национальное вооружение этих народов. Гладиаторы древних времен республики были одеты в самнитские доспехи, почему и сами назывались «самнитами». Во время походов Суллы против Митрида в плену оказалось много фракийцев, и устройтелям игр пришла мысль выпускать гладиаторов, снаряженных по-фракийски. Завоевание Галлии⁷⁸ принесло на арену галльское вооружение; бои на колесницах появились после похода Цезаря в Британию и стали особенно популярны, когда Британия была окончательно завоевана. Роспись на стене помпейского амфитеатра, отделяющей арену от зрителей, живопись в помпейских домах, лепные рельефы с памятника молодого Скавра, в соединении с древними памятниками материальной культуры (мозаики, надгробия, посуда, светильники) позволяют нам довольно точно представить себе различные виды гладиаторского вооружения.

Начнем с картины в амфитеатре, изображающей приготовление к бою. Посредине стоит рослый молодец, который трубит в огромный рог (таких рогов нашли много в Помпеях), вызывая на бой противника. На обеих ногах у него высокие панножи; сзади служители держат шлем и маленький круглый щит. Это — фракиец. Картина из одного помпейского дома дополняет его облик, представив его в полном вооружении: на нем шлем с забралом, закрывающим все лицо, с высоким султаном и круглым козырьком, напоминающим широкие изогнутые поля шляпы; знакомые уже панножи на обеих ногах и в руке национальное оружие этого племени — кривой ятаган, который Плиний сравнивал с кабаньими клыками. Иногда он изгибался под прямым углом. По этому ятагану и высоким панножам на обеих ногах всегда можно узнать фракийца; круглый щит не всегда

обязателен; иногда он представляет собой половину небольшого цилиндра, разрезанного вдоль. Своеобразную юбочку, перехваченную широким поясом, и металлический рукав обычно на правой руке носили все гладиаторы.

Противником фракийца на обоих рисунках является самнит или, как называли этих гладиаторов в императорское время, «гопломах» (от греческого «hoplon» — «вооружение» вообще и «щит» в частности); у него панножи только на одной ноге, прямой короткий меч и очень большой щит тоже в форме разрезанного вдоль цилиндра. На рельефе Скавра изображены два гладиатора без шлемов с трезубцами — это ретиарии (от латинского «rete» — «сеть»). Голова у них обвязана ремнями и отчасти защищена еще высоким, особой формы металлическим наукавником, надевавшимся на плечо; оружие ретиария состоит из трезубца и сети, которую он должен накинуть на противника (чаще всего мурмиллона) и постараться свалить его на землю. О вооружении мурмиллонов мы почти ничего не знаем; известно только, что оно было галльским, так как другим названием мурмиллонов было «галлы». На шлеме у них находилось изображение рыбы *motmugos* или *motmylos*, от которой они получили свое название. Поединок мурмиллона и ретиария был рассчитан на то, чтобы представить зрителю мирную картину рыбной ловли: «Не тебя ловлю, а рыбу; убегаешь зачем, галл?», — пели ретиарии, дразня своих противников. В перистиле помпейского дома, где жили гладиаторы, довольно хорошими буквами на стене нацарапано: «объявление Марка Атия Прима: кто хочет хорошей рыбы, пусть требует у Асикия [Асикий, как засвидетельствовано другой надписью, был мурмиллоном]... знай — ты сам рыба». Иногда ретиарии сражались с несмурмиллонами, а с «преследователями» — «sequo» — «преследую»), одетыми так же, как гопломахи, но только с гладким шлемом, без гребня и без выступающего козырька, за который легко было бы зацепить сеть.

Кроме пеших гладиаторов, сражались еще всадники и есседарии, т. е. колесничники. Эти вероятности, ухваткам британских воинов, о которых Цезарь

рассказывает, что они могли повернуть колесницу тут же на месте, как бы мало оно ни было, пробежать по дышлу, встать на ярмо и мигом опять очутиться в колеснице. Что касается всадников, то один, правда поздний, писатель подробно рассказывает, как они выезжают на арену из противоположных ворот «на белых лошадях, в золотых шлемах, с оружием небольшим и удобным».

В гладиаторском вооружении, при всех его различиях, есть нечто общее: доспехи гладиатора, насколько можно судить по экземплярам, найденным в Помпеях, очень красивы и богато орнаментированы, но отнюдь не имеют целью сохранить ему жизнь. Грудь и спина у него совершенно открыты; он закрывает себя только щитом, но если противнику удалось найти открытое место или нанести такую рану, что щит вываливается, то все кончено. Жизнь гладиатора не дорожат, как жизнью солдата; его обязанность развлекать зрителей, и он развлекает их не только своей ловкостью и фехтовальным искусством, но и ранами, кровью, смертью.

Мы не раз упоминали уже о рельефах памятника Умбрикию Скавру (рис. 96). Они представляют собой идеализированную программу игр: сообщены имена гладиаторов, их школа (тут все юлианцы), число побед, одержанных раньше, а также исход последнего поединка. К сожалению, надписи значительно стерлись, и разобрать в них можно только немного. Интерес этих рельефов заключается не только в том, что на них изображены вооружение и доспехи гладиаторов: они позволяют заглянуть в их внутренний мир. Художник выбрал темой своей работы заключительный момент поединка, т. е. момент наивысшего трагизма для побежденного и наибольшего торжества для победителя. С острым вниманием настоящего мастера и спокойной объективностью бесстрастного наблюдателя сумел он языком движений и жестов передать чувства, волнующие его героев, без идеализации и лукавого мудрствования. Рельеф начинается изображением двух всадников — Бебрикса и Нобилиора (средняя полоса); первый числит за собой 15 побед, второй 11. Один просто налетает, другой довольно вяло

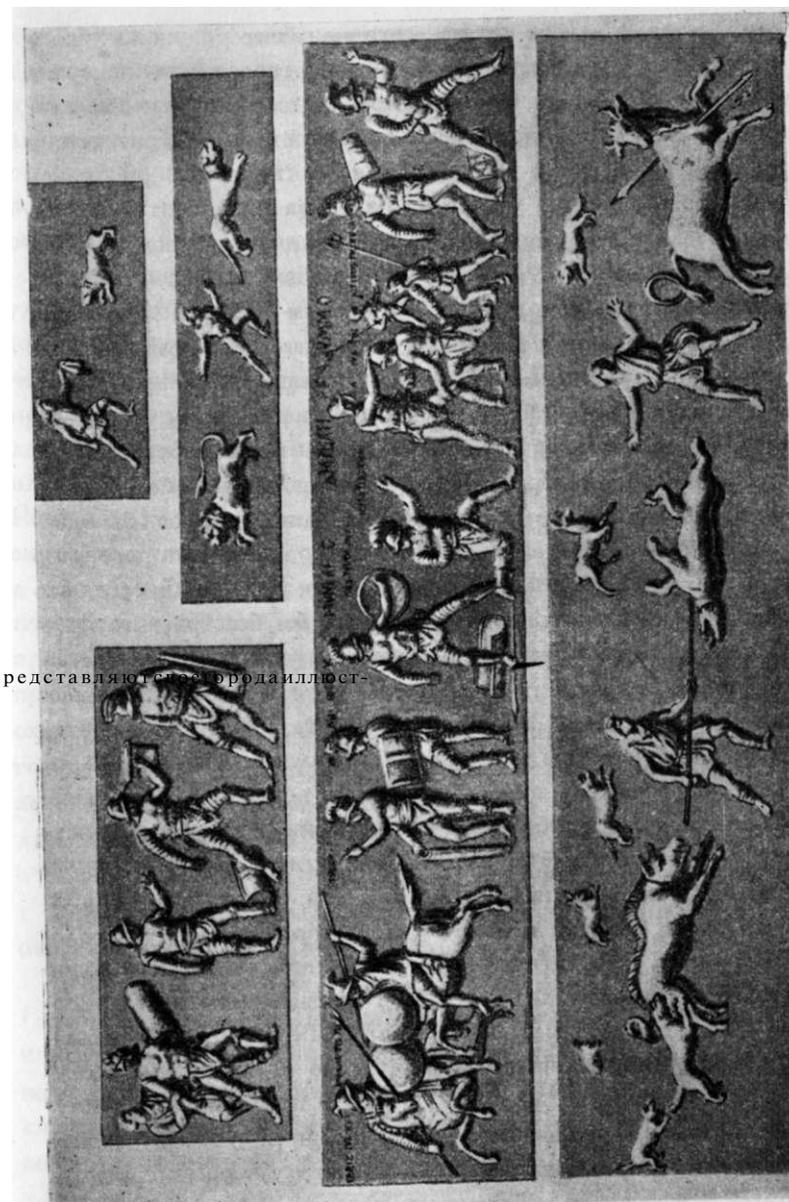

Рис. 96. Гладиаторские игры. Рельефы с памятника Умбрикию Скавру.

сопротивляется. Из всех групп — это наименее удачная: художник не захотел заглянуть в душу своих героев или не сумел этого сделать. Следующие пары гораздо выразительнее и красноречивее. В первой паре пешеходов впереди стоят гопломах, опытный боец 16 побед в тринадцатом Бонпуане выиграл: побежденный бросается от него; в грудь; кровь струится у него из раны; за ним стоит фракиец, его победитель. Оба держатся с таким достоинством и самообладанием, которое сделало бы честь любому философу-стоику. Гопломах поднял вверх руку с вытянутым пальцем: это означает, что он обращается к публике и просит у нее помилования: если зрители замашут платками или поднимут пальцы вверх, то он «отпущен» («missus» помпейской афиши); если пальцы опустятся вниз, это значит приказ победителю добить побежденного. Мудрец, которого Гораций изображает бестрепетно стоящим среди разваливающегося мироздания, не мог бы держаться спокойнее, чем этот раб-гладиатор, для которого мир сейчас тоже рушится. И философ, твердо усвоивший себе, что нельзя превозноситься в счастье, не был бы бесстрастнее победителя, ни единым движением не выражающего своего торжества.

Следующие группы полны движения, которое захватывает зрителя так же сильно, как неподвижность первой (не считая всадников). Любопытны фигуры победителя: художник дал их пять раз, постаравшись внести, насколько возможно, разнообразие в позу и в жесты бойца. Разнообразие это, однако, чисто внешнее, так как сущность, выражаемая этими жестами, одинакова: перед нами человек, живущий борьбой и для борьбы; сейчас он упоен победой и полон дикого торжества; ему в голову не приходит, что поверженный — это его товарищ. Слово дикий зверь, которому дали отведать крови, он не знает удержу своей свирепости: маленький ретиари (третья группа), кажущийся почти мальчиком сравнительно огромным секутором рядом, схватил за пояс и пил ему на ногу, словно боясь, как бы он не убежал; огромного гопломаха (продолжение рельефа вверху) распорядителю приходится удерживать действием и словом: он рвется убить раненого товарища, даже не дожидаясь решения зрителей; в сле-

дующей паре победитель замахивается на умирающего: сама смерть не вызывает в душе его ни жалости, ни уважения. Следует выделить победителя в четвертой группе; это — натура бо-
дующей паре победитель замахивается на умирающего: сама смерть не вызывает в душе его ни жалости, ни уважения. Следует выделить победителя в четвертой группе; это — натура бо-

Если фигуры победителей приоткрыли нам одну сторону гладиаторской души — ее свирепость и тщеславие, то побежденные позволяют догадываться о других ее чувствах: о чисто человеческом ужасе перед смертью, о страхе перед грозным противником и о своеобразном чувстве чести, которое не покидает человека до последней минуты. Особенно много пафоса вложил художник в третью группу (не считая всадников). Ретиарию не удалось набросить сеть на противника, но он нанес ему своим трезубцем столько ран, что тот истекает кровью и не в силах уже держать щит. Зрителям он не понравился: они потребовали его смерти, но трезубец не такое оружие, чтобы прикончить им человека; поэтому приколоть побежденного приказано секутору Ипполиту. Раненый с последней мольбой охватывает колени товарища, но тот деловито отгибает ему голову назад и вонзает меч в горло. Очень выразительна и последняя сцена: смертельно раненый гладиатор последним усилием заносит щит так, чтобы упасть на него и умереть, «как в битве следует бойцу». Цицерон, следивший за гладиаторами с присущей ему внимательностью к людям, видимо правильно отметил, что они «падают с честью».

Рельефы Скавра дают также изображение звериной травли («охоты»]—«venatio»), которую в добавление к гладиаторским играм обещают обычно помпейские объявления. Видов ее было несколько: иногда стравливали зверей разной породы; в нашем амфитеатре изображена, например, схватка быка с молосским догом, а на рельефах Скавра — антилопа, загнанная собаками, и дикий кабан, ими преследуемый. Чаше, однако, противником зверя выступал бестиарий («bestia» — «зверь») — гладиатор,

специально обученный борьбе со зверем. В Риме для них существовала особая школа. На памятнике Скавра изображено несколько таких бестиариев: один идет на медведя, дразня его лоскутом материи (обстоятельство, позволяющее довольно точно определить время наших рельефов: прием этот вошел в практику арены только при императоре Клавдии⁷⁹); другой уже одолел медведя и вонзает в грудь упавшего зверя копьё. Особенно выразительна следующая фигура: рослый юноша в одной рубашке, перехваченной поясом, изумленно разводит руками: настоящий предок испанских матадоров, он нанес мастерской удар огромному быку; копьё направленное в грудь, вышло насквозь, но пораженный на смерть бык не рухнул тут же. а пронесся, обливаясь кровью, мимо победителя.

Звери в амфитеатре выступали иногда в роли палачей: им отдавали на растерзание преступников, осужденных на смертную казнь. Выпускали их совершенно безоружными или давали в руки легкое копьё. Совершенно обнаженный человек, поразивший таким копьём волка и теперь беспомощно, словно моля о пощаде, протягивающий руку к несущемуся на него дикому кабану, изображает, повидимому, такого преступника. На рельефе повыше лев и тигр кидаются бежать в разные стороны от такого же обнаженного человека. Что означает это изображение, остается для нас загадкой.*

Кто же были эти люди, выходившие почти обнаженными против страшных зверей, хладнокровно избивавшие друг друга и смотревшие в глаза смерти со спокойным мужеством подлинного героизма? Кое-что нам уже рассказал о них рельеф Скавра; дополним его литературными источниками и надписями.

Состав гладиаторов был достаточно пестрым: в гладиаторские школы отправляли преступников, как отправляли их для работы в рудниках и каменоломнях; сюда посылали также

* Рельеф этот натолкнул Бульвера-Литтона в его романе «Последние дни Помпеи» на мысль лишить льва, инстинктом чующего приближение какой-то катастрофы, чего-то грозного, обычной его свирепости. Лев не бросается на Главка (героя романа, осужденного по ложному обвинению на растерзание зверям), а бежит от него.

военнопленных, рассчитывая, таким образом, всего вернее от них отделаться. Тит по завоевании Иерусалима послал всех мужчин, начиная с 17-летнего возраста, или в египетские рудники, или в гладиаторские школы. Хозяин, мог продать ланисте любого раба. Только Адриан положил конец этому произволу, разрешив продавать раба в гладиаторскую школу или с согласия продаваемого, или если раб совершил преступление. Наконец, мы найдем здесь и свободных людей. Риторические декламации любили изображать благородного юношу, жертвующего собой, чтобы достойным образом похоронить отца или спасти друга. Действительность бывала грубее и прозаичнее: бедняку, не имевшему ни кола, ни двора, гладиаторская школа обеспечивала пожизненно кров и пищу. Больше того, она манила его надеждой обогатиться: гладиатор-победитель всегда получал от устроителя игр в подарок чашу, часто очень дорогую, с золотыми монетами, а школа соблазняла красотой наряда, кружила голову обещаниями успеха и славы. Слепленный всем этим, неопытный и легкомысленный юноша, часто притом находившийся в безвыходном материальном положении, первоначально не замечал темных сторон гладиаторской жизни, а их было немало.

Разнокалиберная толпа будущих гладиаторов подчинялась дисциплине, строгой до жестокости; свободные люди, поступая в гладиаторскую школу, отказывались от своей свободы, принося страшную клятву, что они разрешают «жечь себя, связывать, сечь и убивать». Положение их, по существу говоря, равно положению раба.

Ученики гладиаторской школы проходят сложный курс фехтовального искусства у особых мастеров-специалистов по тому роду оружия, с которым они впоследствии выйдут на арену. Их день занят упражнениями на деревянных мечах, Первоначально они учатся наносить меткие удары высокому, шестифутовому столбу, вкопанному на площадке для упражнений; затем начинают фехтовать с опытными бойцами. Настоящее оружие им выдают только на арене: римляне не забывали Спартака. Гладиаторов кормят пищей грубой, по мнению гост-

рономов, но обильной и сытной. Любопытно, что она — по преимуществу растительная: бобы, мучное, ячневый хлеб (отсюда их прозвище «ячменники»). Они находятся под постоянным присмотром врача. Знаменитый Гален начал свою врачебную карьеру с гладиаторской школы.

Сама школа представляет собой здание казарменного типа с маленькими, неизменно охраняемыми входами. У императорских школ стоит военная стража. В Помпеях раскопали гладиаторскую школу; под нее при Нероне была отведена большая прямоугольная площадка, расположенная за Большим театром. Ее со всех сторон окружала крытая; колоннада, и она служила для театра своего рода фойе. Двор вместе с колоннадой занимает площадь 56 X 45 м; за колоннадой идет двухэтажное здание; здесь имеются 70 каморок, каждая не больше 4 м и предназначена для двух человек. Окно нет ни в одной коморке; в нижнем этаже они все выходят в сворчателенне — на балкон, обращенный тоже в сторону двора. Гладиатор отрезан от внешнего мира, а в школе за ним всегда присмотр. Кроме этих каморок, имеются еще: большая кухня, склады для всех запасов, небольшая конюшня и карцер, где нашли четыре незакованных в колодки скелета и страшное приспособление, достаточно свидетельствующее о том, как жестоко наказывали провинившегося гладиатора: это деревянная доска с набитой на нее железной полосой; в эту полосу вделаны кольца, через которые пропусклась железная штанга, наглухо запиравшаяся замком. Человек, забитый в эти колодки, мог только лежать или сидеть и то в положении очень неудобном. Мучения его еще увеличивались, если он оказывался не один, а колодки эти были рассчитаны на десять человек.

Ремесло гладиатора было ремеслом презираемым. «Кто скажет, что гладиатор не обесчещенный человек?», — восклицал воин, которого пираты, взяв в плен, продали ланисте. Бывший гладиатор, как бы он ни разбогател, не может войти в сословие всадников, не говоря уже о сенаторском. Какой-то богатый человек из захолустной Сассины, даря своим согражданам участок земли под кладбище, оговорил, что он запрещает хоронить

на этом кладбище людей, живших зазорным ремеслом, висельников и гладиаторов-добровольцев. «Рабское оружие», «позорная смерть», «презреннейший ученик» гладиаторской школы, — патетическая декламация риторической школы не пользовалась бы такими выражениями, если бы говорящий не рассчитывал на сочувственное восприятие слушателей. И при республике, и при империи отношение к гладиаторам одно и то же: «замаранный человек, достойный своей жизни и места», — так говорит о гладиаторе Луцилий во II в. до н. э.; для Цицерона — это «потерянные люди»; и Ювенал считает гладиаторскую школу последней ступенью человеческого падения.

И, тем не менее, это только одна сторона. Этими презренными париями интересуются и восхищаются. О них говорят на рыночных площадях и при дворе; Гораций и Меценат обсуждают достоинства двух противников; художники (ремесленники и мастера) из жизни гладиаторов черпают сюжеты для своих работ. Великолепная выправка этих людей, их ловкость и отвага, презрение к смерти и хладнокровная готовность к ней создают вокруг них своеобразный ореол. Дети играют в гладиаторов, как у нас играют они в солдат; юноши из знатнейших римских семей учатся у них фехтованию; императоры выступают на арене. Не одно женское сердце было покорено этими мужественными бойцами. Помпейские стены сохранили свидетельства увлечений гладиаторами. Помпейцы знают не только их имена, но и подробности их карьеры, которые складываются в настоящую профессиональную биографию: учился в такой-то школе, столько-то раз выступал, одержал столько-то побед, получил помилование при поражении или, хотя и не победил, но и сам остался непобедленным. На стенах рисуют гладиаторов; иногда сопровождая рисунки надписями, например: «Вот непобедимый Гермаиск». Обсуждаются подробности поединка; гладиатор, бежавший от своего противника, покрыл себя позором, и мы узнаем, что в ноябре 15 г. н. э. «Оффициоз бежал».

Из Помпей до нас дошло много надписей, сделанных самими гладиаторами в гладиаторской школе и в одном доме,

который служил им по какой-то причине квартирой. Надписи эти чрезвычайно интересны, потому что они несколько приоткрывают нам тот мир, о котором мы знаем так мало, — мир мыслей и чувств гладиатора.

Нельзя сказать, чтобы он был очень богат и разнообразен. Заметим, однако, сразу, что эти рабы и подонки общества в большинстве своем грамотны: некоторые, правда, пишут беспомощными каракулями, но очень многие выцарапывают на штукатурке стен и колонн буквы четкие и даже изящные; много надписей или вполне или почти правильны, и только изредка пишущий оказывается не в силах справиться со словами.

Большинство надписей очень короткие: это имена. Помпейским гладиаторам присуща была слабость, свойственная многим людям, для которых процесс писания представляет собой нечто необычное: они желают увековечить свои имена. Надо сказать, что судьба исполнила их желание в гораздо большей степени, чем они рассчитывали. Имена эти конечно, ничего не говорят о духовном облике своих носителей, но они ценны потому, что дают возможность определить их сословие, а иногда и национальность. Большинство носит только одно имя, следовательно это рабы. Встречаются и свободные люди, скорее всего, судя по громкому звуку родового имени, — вольноотпущенники: колесничник Марк Требеллий, или, как он пишет на народной латыни, Треблий, и фракиец Марк Огульний. Встречается еще несколько свободных, но относительно них мы не можем положительно утверждать, что это гладиаторы, а не кто-нибудь из людей, причастных к гладиаторскому миру.

Стены служили гладиаторам (в этом отношении между ними и рядовыми помпейцами не было разницы) своего рода записной книжкой, куда они заносили свои воспоминания и счета, записывали достопамятные факты из своей жизни и жизни приятелей, сплетни и шутки: Флор записывает, что 26 июля он одержал победу в Нуцерии, а 14 августа — в Геркулануме; гладиатор Прим, важно приняв полную титулатуру римского гражданина — Марк Атий Прим, издает, как полагается на-

стоящему магистрату, «эдикт»: «желающие рыбы пусть обращаются к Асикию» (выше говорилось уже о смысле этой шутки); мурмиллон и всадник Сам (любопытное свидетельство того, что гладиатор иногда объединял две «специальности»; здесь же мы встречаем еще Церинфа — фракийца и мурмиллона одновременно) уведомляет. Иногда гладиатор вместе со своим именем соединяет еще и другое: Келад и Крескент — это друзья или противники, которым судьба когда-то назначила сражаться? В данном случае вероятнее первое: Келад и Крескент — фракиец и ретиарии; гладиаторы, принадлежавшие к этим отрядам, никогда не выступали друг против друга. Оба они — дон-жуаны и сердцееды, связаны были, видимо, общими интересами. Дружеские союзы и объединения известны нам в гладиаторской среде; они вполне естественны среди людей одной профессии и жизни. Что должны были они испытывать, когда жребий соединял их как противников в смертельном поединке?

От гладиаторских шуток нечего, конечно, ожидать аттической соли. Они бывают грубы и непристойны, но иногда довольно¹ забавны. У гладиаторов было в обычае рядом со своим именем выставлять число своих выступлений и побед (извинительное тщеславие побуждало их почти всегда ставить знак равенства между обоими событиями). Об «эдикте» Прима уже говорилось. Келад и Крескенту, записным волокитам, которые, повидимому, не прочь были прихвастнуть своими победами, товарищи не давали прохода: Крескент именуется «господином ночных девиц» и «запоздалым их врачом», Келад дразнит, что он «предмет девичьих вздыханий» и «краса девиц».

Среди этих немудрых надписей есть несколько, сразу оставивших на себе внимание, настолько выделяются они из своего окружения: это стихи из вергилиевой «Энеиды» и воспоминания из Горация: гладиатор нацарапал на стене имя его возлюбленной Лалаги. Греческие имена, во множестве встречаемые в надписях, не всегда, видимо, были псевдонимами; среди гладиаторов здесь были люди из Греции и с Востока, знавшие

по-гречески; вот кусок гомеровского гекзаметра, вот греческие слова, транскрибированные по-латыни; любопытна надпись: еврей, вероятно александриец, вспоминает в своем горьком заключении о Библии и дважды выписывает название первой ее книги — книги Бытия (Genesis), сопровождая это слово эпитетом «megiste» («величайшая»).

Авторы таких надписей должны были чувствовать себя среди товарищей-гладиаторов сиротливо и одиноко. Им было душно в этом тяжелом воздухе жестоких профессиональных интересов, грубой шутовщины и невзыскательных романов; и если эти люди знали лучшее прошлое и злая память воскрешала перед ними «былой блеск их судьбы, занятия наукой, родной дом, семью и друзей — все, что не суждено им было больше увидеть», то именно в этих душах, слишком утонченных для гладиаторской школы, постепенно нарастало и зрело то неистовое отчаяние, которое видело и находило выход и утешение в одной смерти. Крайности сходятся: гладиаторская жизнь была невыносима и для диких и грубых варваров-военнопленных, привыкших к ничем не; ограниченной свободе. Именно эти люди изобретали самые неожиданные и страшные способы самоубийства. Сенека оставил рассказ о двух таких потрясающих случаях: гладиатор, с которого не спускали глаз, покончил с собой в уборной — единственном месте, где он оставался один; оружия при нем, разумеется, не было; он удушил себя, засунув в горло губку, надетую на палочку и употреблявшуюся для самых грязных надобностей; другого везли в амфитеатр в сопровождении стражи; он притворился спящим, голова его опускалась все ниже и ниже, наконец, он просунул ее в колесо между спицами (колеса были высокие, значительно поднимавшиеся над кузовом) и сломал себе шейные позвонки. Бывали случаи, что люди, попавшие в гладиаторскую школу, умирали, передувив руками один другого.

Чрезвычайно любопытна надпись — только одно имя философа Сенеки, выписанное красиво, хотя и с пропуском букв (пропуск впрочем дополнен). Сенека был единственным чело-

веком в римском обществе, который возмущался гладиаторскими играми: «Человек священен для человека, — пишет он, — а его убивают на забаву и потеху». Как далеки мы от золотого века, когда «жалели бессловесную тварь. Теперь человек убивает человека не из гнева или страха, а просто, чтобы посмотреть, как он умирает». Жестокость толпы, которой «бросают людей как бросают их львам и медведям», вызывала в нем горячее негодование. Он предлагал бороться с этим «застарелым злом» и «развращенностью нравов» с помощью правительственных декретов, подкреплять которые должны убеждения и советы, сами по себе бессильные. Человеку, написавшему имя философа, эти взгляды его, видимо, были известны. О чем думал он, выводя полностью на стенах гладиаторской квартиры: «Луций Анней Сенека»? Обращался ли к далекому, никогда не встреченному им другу, не подозревавшему даже о существовании писавшего? Искал ли утешения в сознании, что есть на свете душа, сочувствующая и жалеющая? Одно голое имя не позволяет ничего утверждать, давая только простор для догадок.

W

Глава X

ДЕРЕВЕНСКИЕ УСАДЬБЫ

Усадьба под Боскореале

В полутора километрах к северу от Помпей, у самых склонов Везувия, откуда открывается широкий вид на весь Неаполитанский залив, возле маленького нового городка Боскореале лежала деревенская усадьба, которую раскопали в 1895 г. находку эту можно считать одной из самых счастливых: среди ряда сельских усадеб, открытых в окрестностях Помпей и Стабии, нет ни одной, которая сохранилась бы так хорошо, как эта. Усадьба под Боскореале не только позволяет проникнуть в ее хозяйственную жизнь, но и дает ключ к пониманию этой жизни в остальных усадьбах. Совокупность полученных сведений позволяет нам представить себе вполне конкретно, чем было сельское хозяйство Кампании в I в. н. э.

Древний италиец любил деревню; если его удерживали обстоятельства большую часть времени в городе, особенно таком большом, как Рим, то каждую свободную минуту он стремился провести в стороне от его сутолоки и шума, на лоне природы. Гористые окрестности Рима, побережье Лация и Кампании были усеяны дачами и сельскими усадьбами; восклицание Горация: «О деревня, когда же я увижу тебя!», подхватили бы от всего сердца многие, причем не только из его современников. Письма Цицерона и Плиния Младшего достаточно свидетель-

ствуют о горячей любви, которую люди того времени испытывали к своим деревенским уголкам, о покое и уюте, которыми они там наслаждались, о радостной их заботе сделать еще краше, еще лучше эти места, где, по словам Плиния, они пользовались «полнотой телесного и душевного здоровья».

Ошибкой было бы, однако, думать, что италиец-горожанин являлся в деревню только как дачник — отдохнуть и набраться сил. В большинстве случаев он был неплохим, а то и вовсе хорошим сельским хозяином, который о хозяйстве своем никогда не забывал, если даже и делал вид, как это бывало с Плинием Младшим, что оно лежит на нем тяжелой обузой и мешает целиком отдаться занятиям, более высоким, например литературе или философии. Каждая сельская усадьба состояла обязательно из двух половин: «городской», где хозяин отдыхал, занимался, принимал гостей и развлекался, и чисто хозяйственной, «деревенской» — с хлевами, сараями, помещениями, где приготавливали и где хранили вино и оливковое масло (коровье античность употребляла только в лекарствах), с амбарами и кладовыми, кухней и каморками для рабов. Ревнителю старинной простоты и строгости, правда, уже в конце республики, находили, что их современники уделяют слишком большое внимание городской половине в ущерб деревенской и что, по замечанию одного цензора, у них в усадьбах «больше подмечают, чем пашут». Иначе было в старину, когда «усадьбу хвалили, если там была хорошая кухня для челяди, ясли, возле которых могло поместиться много скота, и погреба для вина и масла, соответствующие величине имения». Хозяин, строивший усадьбу под Боскореале, придерживался, видимо, старинных правил: значительная часть ее отведена под хозяйственные нужды. Он помнил, однако, совет старого Катона: «Если ты хорошо построишься, хорошо поставишь помещение для себя, если житья тебе будет ладно, то ты станешь охотнее и чаще приезжать — поместье от этого станет лучше, промахов в хозяйстве будет меньше и доходу ты получишь больше»; выстроил для себя помещение, небольшое, но удобное и уютное: с баней, маленькой, но оборудованной в миниатюре как самые

хорошие бани, с несколькими спальнями, украшенными стенной росписью, и просторной столовой. Никаких затей не было, но небогатый человек со скромными вкусами мог чувствовать себя здесь вполне комфортабельно.

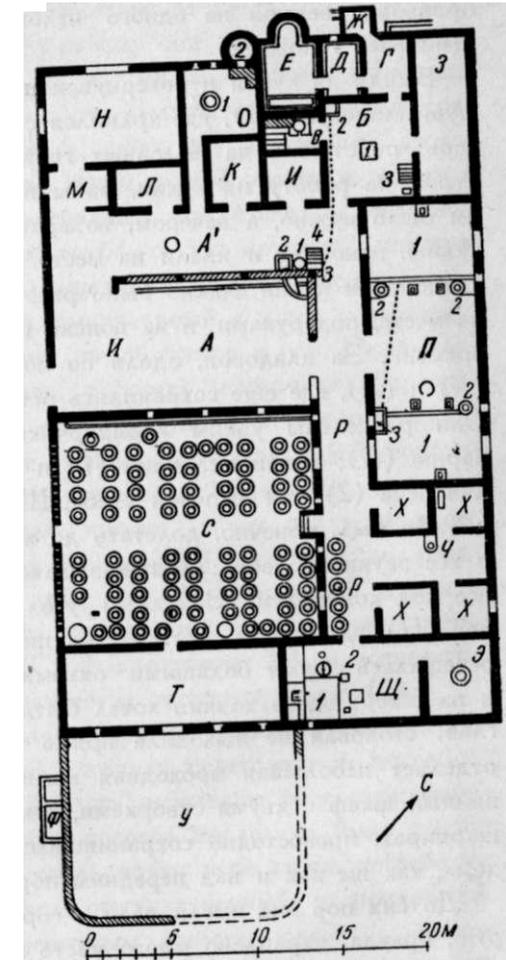
Усадьба под Боскореале (рис. 97) занимает вытянутый прямоугольник площадью 40 X 25 м. Телега, въехавшая через широкие створчатые ворота, выкрашенные красной краской, оказывалась среди двора, окруженного с трех сторон портиком (А)² крыша которого опиралась на невысокие (2,75 м) колонны, соединенные между собой низенькой (ниже 1 м) стенкой. В портик выходили открытые на юг жилые помещения, которыми сейчас мы и займемся, начав с кухни.

Кухня в сельской усадьбе имела совсем иное значение, чем в городском помпейском доме: сюда сходились все рабы поесть и отдохнуть после дня тяжелой работы в поле; здесь в долгие зимние вечера и ночи они мастерили разную нехитрую утварь для хозяйства — плели корзины, вили веревки, тесали кольца для изгородей и виноградников. Сельская кухня должна быть большой; этому учат и агрономы Рима. Наглядное подтверждение этому мы видим в нашей усадьбе: вместо крохотной каморки, где не повернуться, как это постоянно бывает в Помпеях, перед нами обширное, около 30 кв. м помещение (Б). Посередине — большой, очень низкий квадратный очаг (1) (0,8 м каждая сторона) из огнеупорных плит, на котором нашли угли и посуду; напротив в стене маленькая сводчатая ниша (0,55 м ширины; несколько меньше по высоте), — это ларарий, где еще сохранились следы стоявших здесь бронзовых фигурок. Позади очага, если стоять к нему лицом, в правом углу, остатки лестницы (3), ведущей во второй этаж. Напротив нее по диагонали большой свинцовый чан для воды (2). Рядом с кухней хлев (3) длинный и узкий (9 X 3 м). О такой непосредственной близости этих двух помещений пишет и Витрувий; он, правда, говорит о стойле для волов, тогда как в нашем хлеву, судя по найденным скелетам, помещались лошадь, свиньи и куры. Очаг в кухне был сложен прямо против входа в хлев: к животным

шли и тепло и свет; итальянские животноводы считали, так же как и современные, что скотине вредно стоять в темноте и холоде.

Рис. 97. Усадьба под Боскореале (план).

А — двор. А' — портик:
1 — круглая цистерна для дождевой воды; 2 — водоем для стирки, 3 — свинцовый бак; 4 — лестница к нему.
Б — кухня; 7 — очаг; 2 — бак для воды; 3 — лестница в мезонин. В — помещение с топкой; Г — Д — баня: Г — раздевальня; Д — тепидарий
Е — кальдария; Ж — уборная; З — хлев; И — кладовая; К — Л — спальни; М — прихожая перед столовой; Н — столовая; О — мельница и пекарня: 1 — мельница, 2 — печь; П — виноградная давальня: 1 — давящие площадки; 2 — чаны для виноградного сока; 3 — чан для второсортного вина; Р — коридор; С — винный погреб; Т — сарай; У — ток; Ф — бассейн для воды; Х — коморка для рабов; Ч — коридор между ними; Щ — Э — маслодельня: 1 — площадка, где давили масло; 2 — чан для масла.

По другую сторону кухни было помещение (В) с топкой, обогревавшей маленькую баню (Г, Д, Е), предназначавшуюся для хозяина. Баня, как мы это видели в помпейских домах и как это водилось исстари (Витрувий только формулировал старинную практику), находилась рядом с кухней и состояла из обыч-

ных трех комнат: раздевальни (Г), откуда можно пройти в уборную (Ж), тепидария (Д) и кальдария (Е) с большой бронзовой ванной на одного человека, украшенной четырьмя львиными головами.

Выйдя из кухни и повернув направо, мы войдем в небольшую кладовую (Я), где хранился сельско-хозяйственный инвентарь; по стенам, на железных гвоздях висели серпы. Выходя утром на работу из кухни, рабы по дороге разбирали то, что им было нужно, а вечером, возвращаясь, тоже по дороге на кухню, заносили и клали на место взятое; при таком соседстве кладовой и кухни можно было рассчитывать, что все окажется на месте, под руками, и на поиски не придется тратить попусту времени. За кладовой, вдоль по портику следуют две спальни (К) и (Л), где еще сохранились остатки незатейливой росписи. Они разделены узким коридорчиком, который ведет в пекарню (О); в ней мельница (1) и выступающая наружу круглая печь (2) для выпечки хлеба. Шум вращающихся жерновов должен был, конечно, долетать до хозяйского слуха, равно как и все звуки со двора: не показываясь, хозяин желал держать все под контролем. Западный угол занят просторной столовой (Н), где нашли остатки трех пиршественных лож. Комната освещалась двумя большими окнами, выходящими на запад и на север; здесь хозяин хотел быть подальше от любопытных глаз; столовая не выходила прямо в портик, как спальни: ее отделяет небольшая проходная комната (М), где стоял деревянный шкаф с двумя створками, открывавшимися на костяных шарнирах, превосходно сохранившихся. Надо всей этой частью дома, так же как и над передним портиком, шел второй этаж.

До сих пор мы имели дело с городской половиной, в которую, правда, вкраплено много чисто хозяйственных помещений: хлев, «деревенская» кухня, пекарня, кладовая. Теперь мы переходим к другой, значительно большей части, занятой исключительно хозяйственными постройками, — к деревенской усадьбе.

Здесь мы видим прежде всего точило (П), представляющее собой вытянутый прямоугольник (16 X 7 м без малого), середина которого занята резервуарами для виноградного сока

и приспособлениями для винного пресса; по обоим узким концам находятся давяльные площадки (1), приподнятые над серединой точила на 0,25 м и отгороженные от нее толстой стенкой, высотой в 0,45 м. Таким образом они были превращены в своеобразные чаны, откуда не мог ни вывалиться виноград, гудами сваливаемый под пресс, ни вылиться виноградный сок, вытекавший из под этого пресса, пока ему не давали стока. Площадки сделаны были с наклоном к этой стенке и заканчивались желобом, откуда виноградный сок стекал с северной площадки по двум свинцовым трубам в два круглых глиняных чана (2), вмурованных под площадкой в пол. Под южной площадкой стоял один такой чан, вмурованный и в пол и в стенку, что давало возможность ввести желоб прямо в чан. Сюда сливали чистый виноградный сок, который, перебродив, превращался в хорошее вино; слив его, приступали к приготовлению вина для рабов: виноградные выжимки заливали водой, подбавляли винного отстоя, все это смешивали, оставляли на ночь, а на следующее утро давили ногами, затем жали прессом. Полученную жидкость спускали с северной площадки по свинцовой трубе, проложенной под землей (наружный диаметр 0,08 м; на плане обозначена пунктиром), в большую прямоугольную яму (размеры: 1,7 X 2 м, глубина 3,8 м, отверстие 0,9 X 0,6 м), выложенную камнем и оштукатуренную (3).

Чрезвычайно интересно очень простое приспособление, с помощью которого вино прямо с точила перегоняли в погреб.

Над баком (3) в точиле имелось небольшое отверстие; наискось от него, в стене винного погреба проделано было другое отверстие; прямо под ним, вдоль почти всей стены погреба, на расстоянии 1 м от земли шел оштукатуренный и прикрытый выступающим из стены черепичным навесом желоб с отверстиями, которые можно было открывать и закрывать и откуда по свинцовым трубам, соответственно удлиненным или укороченным, вино лилось в любую посудину, стоявшую в погребе. В желоб оно поступало из чанов, стоявших на точиле, с помощью таких же труб, пропущенных в упомянутые отверстия и перекинутых через коридор.

Для хранения вина по другую сторону коридора (Р) было устроено особое помещение (С). В Помпеях имелись винные погреба в нашем смысле слова, т. е. подвальные помещения. Как правило, однако, кампанские виноделы хранили вино не под землей, а в постройках надземных; в усадьбе под Боскореале «погреб» тоже находился не в земле, а был приподнят даже над уровнем двора; поднявшись по трем ступенькам, мы оказываемся в очень просторном (13 X 15 м) помещении, не имеющем крыши. Это кампанский обычай, засвидетельствованный Плинием Старшим: считалось, что «самые благородные вина должны после разлива находиться под открытым небом, подвергаясь действию солнца, луны, дождя и ветров». Правильными рядами, засыпанные песком почти до горлышка (находясь в земле, вино не подвергается воздействию различной температуры) стояли здесь винные амфоры. Помещение для вина должно было хорошо проветриваться: кроме трех больших и пяти маленьких окон, в наружной стене погреба был сделан ряд узких, во всю ее длину идущих щелей; при малейшем ветре в помещении получался сквозняк.

В древней Италии очень любили сладкий, почти приторный сироп, который получался от кипячения виноградного сока до 2/3, а то и до Уз первоначального объема. В больших имениях для приготовления такого напитка отводили особое помещение, но в усадьбе под Боскореале для него назначили уголок в «погребе»: выкопали яму, утвердили над ней большой свинцовый круглый чан (диаметром 1 м, глубиной 1,35 м); а в стене напротив сделали внизу небольшое отверстие, через которое с улицы и разводили под чаном огонь.

Оливковый сад при усадьбе был значительно меньше виноградника; в этом убеждает значительно меньшая величина маслодельни (Щ и Э). Прежде чем класть оливки под пресс, их разминали с помощью особой мельницы, называвшейся «трапетом»; она стояла в Э. Полученное тесто клали на точильную площадку (1) уже знакомого нам вида (2 X 2,25 м; сравним точильные площадки для винограда около 4,5 X 4,5 м, приподняты над полом на 0,4 м); масло стекало отсюда

в круглый глиняный чан (2) — «двойню» (он назывался так потому, что внутри был перегороден пополам тонкой стенкой). Перед ним стоял круглый и глиняный, но небольшой сосуд, вмурованный в пол; туда сливали, вероятно, масло самого высокого сорта.

Между маслодельней и точилом находились каморки для рабов (X). Судя по их крохотным размерам, они предназначались для одного, много для двух человек; по всей вероятности, их занимали люди, приставленные работать на маслодельне; работа эта требовала постоянного присутствия и большого внимания: надо было поддерживать идеальную чистоту, осторожно переливать масло из одного сосуда в другой, убирать выжимки и сливать отстой. Каморки разделял глухой коридор (Ч), где на каменном выступе стояла ручная мельница; в свободное от своих непосредственных занятий время маслоделы могли намолоть себе муки. Маленький светильник, для которого сделана была в стене специальная ниша, освещал это темное помещение. Вся эта часть усадьбы особенно оживлялась осенью, когда давили виноград, и глухой зимой во время приготовления масла (оливки, обычно снимали в Италии в ноябре — декабре). Над X, Ч и прилежащей частью коридора (Р) был надстроен второй этаж: столовая с широким окном на погреб и четыре спальни — явно помещение для хозяина.

Кампания была страной не только виноградников и садов; ее хозяйственный пейзаж неизменно включает в себя хлебные поля, и присутствие хлебных культур в усадьбе под Боскореале засвидетельствовано наличием тока и сарая для хлеба.

Ток (У) представляет собой прямоугольную площадку (11 X 13,5 м), приподнятую над уровнем земли на 1 м (так же как и погреб С и сарай Г). Дождевая вода стекала с него через глиняную трубку в бассейн (Ф), устроенный под площадкой. Земля на току была не просто убита, как это рекомендовалось Катонем, а залита особой массой из гипсового цемента, смешанного с толченым кирпичом, которую употребляли обычно для простых комнатных полов. Сарай (Т), с открывавшейся на ток широкой дверью и четырьмя, снаружи узкими,

но расширявшимися внутрь, окнами (чтобы нельзя было пролезть вору, но чтобы в то же время было достаточно света и воздуха), предназначался для хранения хлеба перед молотом (в нем нашли много бобов и каштанов, а также, по предположению Николы, по крайней мере, 80 для него: тугопечалы и части тегеги, разное железо и т. п. Хлебный амбар находился, вероятно, как это и советуют латинские агрономы, в верхнем этаже.

Интересно, какие меры были приняты для того, чтобы снабдить усадьбу водой: ни водопровода, ни источника здесь не было. В распоряжении хозяина имелась только дождевая вода, которую он и постарался максимально использовать. Под крышей портика (A') шел желоб, откуда вода через свинцовую трубу (диаметр 0,1 м, длина 0,23 м) вливалась в круглую цистерну (1); возле нее находился вмурованный в стену низкий водоем (2), вероятнее всего для стирки. Под ним нашли большое бронзовое ведро, которым доставали воду из цистерны. В углу, возле колонны, на столбе, прислоненном к ней, стоял большой свинцовый бак (0,45 X 0,5 м, глубина 0,33 м), куда воду наливали ведрами из цистерны, поднимаясь к нему по лестнице (4). От этого бака (3) шла под землей труба к баку (2) на кухне, снабжавшему водой кухню и баню. Кроме того, над (X) был устроен большой открытый бассейн для дождевой воды.

Усадьба под Боскореале прославилась совершенно неожиданной и богатейшей находкой: в каменной оштукатуренной яме, предназначавшейся под вино для рабов, нашли скелет человека, который, или обеспамятев искал здесь спасения, или же, упав, на бегу, не смог отсюда выбраться. При нем были завернутые в шерстяную материю наспех собранные вещи, которые он захватил с собой: различные золотые вещи, тысяча золотых монет (Нерона, Гальбы, Отона, Вителлия и Веспасиана) и серебряная чеканная посуда (всего 41 предмет) работы греческих и римских мастеров времени конца республики и первых лет империи.

Римское общество любило такую посуду. О Цезаре рассказывают, что он с увлечением скупал, наряду со старинными статуями и картинами, чеканное серебро. Иметь серебряную по-

суду работы старинных мастеров было предметом гордости для любителя, и Марциал весело смеется над хозяином, который, стилистический из Приамова⁸² кубка вином, таким же молодым, как Астианакт.⁸³ Тримальхион заявил своим гостям, что он «с ума сходит по серебру» и развернул перед ними свою диковинную мифологическую ученость, объясняя вычеканенные на посуде изображения. В Риме имелись особые лавки такой посуды, находившиеся в «Загородках» — месте, которое при империи превратилось в излюбленное место для прогулок и в роскошный базар. Герой одного из стихотворений Марциала проводит здесь целый день, рассматривая, критикуя, измеряя и взвешивая, и уходит, купив две грошевые чашки.

Несчастный, погибший в усадьбе под Боскореале, был, видимо, любителем-коллекционером с большими средствами и большим вкусом. В его коллекции есть вещи редкой художественной ценности. Очень хорош фиал (посуда, похожая на глубокое блюдо), на дне которого имеется сильно выступающий рельеф мощной женской фигуры. Это символ Александрии: голова ее покрыта шкурой слона; бивни и загнутый кверху хобот величаво заканчивают изображение; в левой руке она держит рог изобилия, полный винограда, с полумесяцем Исиды наверху; в складках туники всевозможные плоды и колос египетского хлеба, которым кормился Рим; ее сопровождают животные и птицы, спутники разных богов; на правом плече словно страж города, сидит лев Кибелы.⁸⁴ На другом фиале — портретное изображение мужчины, может быть самого хозяина: безбородое лицо в морщинах, выразительное и лукавое, с большими оттопыренными ушами.

Превосходны сосуды и кубки, на которых вычеканены различные животные и птицы: молочный поросенок со связанными ножками, покорно ожидающий своей участи; заяц, подвешенный за задние лапки; гусь, растянувший крылья; тростниковая корзина, наполненная раками, из которых значительная часть высыпалась и ползает по земле. На одном сосуде журавли и

аисты ищут еды, кормят птенцов и дерутся друг с другом. Изумительны точность наблюдения и выразительность, с которой переданы движения птиц.

Особо следует отметить кубки с изображениями скелетов. На одном — скелеты великих поэтов Греции: Еврипида,⁸⁵ Менандра,⁸⁶ Архилоха,⁸⁷ последний держит лиру, Менандр — зажженный факел и женскую маску, которую он любовно рассматривает. На другом кубке — Зенон⁸⁸ с сумкой и палкой указывает на Эпикура,⁸⁹ готовящего себе обед; возле Эпикура маленький поросенок. Все это украшено надписями, утверждающими тщету жизни: «вот, что такое человек», — бормочет высокий скелет, разглядывая череп; «наслаждение — цель жизни», — восклицает Эпикур; «радуясь при жизни — завтра неизвестно»; «завтра — слишком поздно: живи сегодня». Эта невзыскательная философия, не ломавшая головы над смыслом жизни и считавшая смерть только стимулом для наслаждения, была, видимо, общежитской для средних слоев римского общества того времени. Вспомним скелет на пиру у Тримальхиона и выложенный мозаичной череп на одном помпейском столе.

Вспомним теперь пристальнее в характер хозяйства, которым руководила и средоточием которого являлась наша усадьба.

Это — хутор: раскопки не обнаружили рядом никаких других строений. Сразу же за стенами усадьбы идет возделанная земля. Обработка ее производилась характерным для древней Италии способом: поле представляло собой ряд высоких гребней, чередовавшихся с глубокими бороздами. Тут же росли и деревья; по отпечаткам сучьев, оставшимся в золе, ясно, что рядом с высокими толстыми деревьями стояли какие-то другие, поменьше и потоньше; очевидно, перед усадьбой был раскинут *arbustum* (виноградник, где лозы вились по деревьям). Таким образом, один и тот же участок земли использовался хозяином для тройных целей: для посадки деревьев, дававших топливо, листья для корма скота, а в некоторых случаях и плоды (в качестве опоры для винограда сажали иногда смоковницы); для посадки лоз и для посева каких-то огородных и полевых культур. Запомним это.

Сама усадьба занимает большую площадь, 1014 кв. м, и представляет собой почти правильный прямоугольник (из него выдается ток и абсида кальдария). Значительная часть этой площади занята, как мы видели, постройками чисто хозяйственными. Достаточно одного взгляда на план, чтобы определить главную отрасль здешнего хозяйства — это виноградарство и виноделие. Размеры отдельных хозяйственных строений только подтвердят правильность этого вывода: винный погреб занимает площадь в 192,4 кв. м, а виноградное точило с двумя прессами 102,1 кв. м; под помещение, где изготовлялось оливковое масло, отведено только 53,6 кв. м; под сарай, над которым находился хлебный амбар, — только 55,8 кв. м; хлев занял без малого 28 кв. м. Перечисление этих хозяйственных строений и размеры их дают и общую картину хозяйства, в состав которого, помимо виноградарства, входят и разведение маслин, и полеводство, и скотоводство. Удельный вес и значение этих хозяйственных статей даны нами в порядке их последовательного перечисления.

Что нового открывает нам эта картина? Каждый студент-историк первого курса скажет, что в древней Италии, начиная со II в. до н. э. занимались, главным образом, виноделием и приготовлением оливкового масла; человек же более искушенный в вопросах древней истории, сообщит, что хозяйственной специальностью Кампании было как раз виноградарство и выпуск вин, пользовавшихся, действительно, мировой известностью. И, тем не менее, усадьба под Боскореале дает материал, позволяющий (особенно в соединении с материалом других усадеб) прийти к выводам, которые до известной степени должны внести коррективы во взгляд на общее состояние италийского сельского хозяйства II в. до н. э. — I в. н. э., и, в частности, на хозяйство кампанское.

Прежде всего, эта усадьба (а вместе с ней и другие) решительно зачеркивает старое, высказанное Моммсенем положение о том, что древняя Италия в лице своих крупных землевладельцев отказалась от полеводства и перешла к разведению садовых культур (в широком смысле слова), с одной стороны, и к

крупному пастбищному скотоводству — с другой. Сельские усадьбы, найденные под Помпеями, целиком опровергают этот взгляд, и на поддержку им идут наши литературные источники: Катон, имевший в Кампании, может быть, не одну усадьбу, и Плиний Старший, знавший, конечно, кампанское хозяйство, как очевидец. Такой округ, как Кампания, должен был представлять собой сплошной виноградник и сад. Между тем мы постоянно встречаемся со свидетельствами о здешнем полевом хозяйстве. Хлеб неизменно присутствует в поле зрения Катона; несколько глав, превосходных с точки зрения агрономической, он посвящает как раз хлебному полю. Двести лет спустя после Катона, Плиний Старший сообщает подробности кампанского севооборота. Из замечаний, рассеянных в его «Истории», мы узнаем о богатстве полевых культур в этом крае: здесь сеют ячмень, просо, пшеницу. Кампанское просо славилось своей белизной. Лучшая полбяная крупа изготовлялась там же. В Кампании же сеяли пшеницу самого высокого сорта. Можно думать, что в нашей усадьбе хлеб сеяли не только для собственного употребления (мы увидим дальше, что персонал ее был вовсе не так велик); во всяком случае, она располагала большим количеством хлеба, если хозяин счел нужным устроить ток около 150 кв. м и хлебный амбар почти в 60 кв. м.

Итак, полевое хозяйство оказывается неотъемлемой частью кампанского сельского хозяйства. В разрез с этим утверждением стоят как будто факты, приведенные выше и подтверждающие правоту старых ученых, говоривших о превращении италийских полей в сады и виноградники. Как согласовать эти данные, кажущиеся на первый взгляд несовместимыми?

Вспомним, что *arbustum* в нашей усадьбе посажен на поле, обработанном, как это совершенно ясно из данных раскопок, для какого-то посева. Вспомним одно место из катоновского «Земледелия» (гл. 27): «Делай посев: сей кормовую смесь, вику, греческое сено, чечевицу — это на корм волам. Делай подсев на пару, копай ямы для маслин, вязов, виноградных лоз и смоковниц; сажай их в то же самое время, как сеешь полбу». Место это, насколько мне известно, в специальной историче-

ской литературе пропущено; между тем важность его для вопросов хозяйственных чрезвычайна. На наших глазах происходит превращение хлебного поля в маслинник и в *arbustum* (вязы и смоковницы сажают как опору для лоз). В подкрепление можно еще привести совет Катона молодому хозяину: «С первой молодости надлежит хозяину засаживать имение. Насчет построек следует думать, а чтобы сажать, об этом думать нечего: надо действовать. Когда возраст дойдет до 36 лет, тогда надо строиться, если имение у тебя засажено».

Речь идет явно о засаживании поля садовыми культурами; как мы уже говорили, Катон имел в виду как-раз Кампанию. Дело происходит примерно в половине II в. до н. э.; сто лет спустя, Варрон риторически воскликнет: «Разве Италия не засажена деревьями так, что кажется сплошным фруктовым садом?» Италия, — пусть даже не целиком, но в какой-то немалой и важной части своей, — стала, повидимому, «сплошным фруктовым садом». Обстоятельство это не исключало, однако, и наличия хлебного поля: дело в том, что и сад, и нива помещались на одном **И** том же участке. Катон говорит об этом не вполне ясно, но у Колумеллы⁹⁰ имеется ряд мест, свидетельствующих о наличии таких комбинированных культур, и так как говорится об этом, как о чем-то само собой разумеющемся, то, очевидно, это соединение поля и сада, поля и виноградника было чем-то давнишним и обычным. Оливковый сад специально разбивался на две части: одну засеивали, другая оставалась под паром. Виноградный сад и поле на одном месте находим мы и при усадьбе под Баскореале, что совершенно не противоречит указаниям латинских писателей-агрономов.

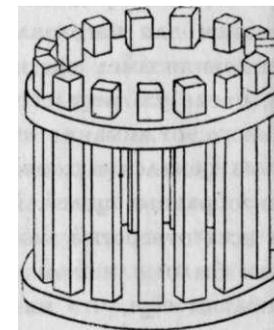
Давно уже прошли те времена, когда, увлекаясь Бюхером, говорили об оikosном хозяйстве в древности. Гуммерус, внимательно прочитавший Катона, Варрона и Колумеллу, заставил признать всю значимость тех советов, где говорится, как важно для имения, чтобы поблизости от него пролегали хорошие пути сообщения, сухопутные или водные, чтобы рядом находились места, где можно сбывать свои продукты и покупать то, в чем усадьба нуждается. Никто не будет утверждать сейчас.

что кампанская усадьба представляет собой замкнутое хозяйство, стремящееся целиком удовлетворить самостоятельно все свои нужды. Не следует, однако, утверждать и другую крайность, как это делает в последней своей работе о помпейских виллах Каррингтон (Carrington, стр. 110—130), говорящий, что хозяева крупных усадеб стремятся специализироваться на какой-либо одной отрасли хозяйства. Мы имеем в усадьбе под Боскореале, несомненно, крупное хозяйство, в котором представлены, правда в разных масштабах, все четыре главных отрасли кампанского хозяйства.

В связи с этим стоит остановиться на некоторых моментах хозяйственного анализа нашей усадьбы, сделанного Тенни Франком (Frank, стр. 265 и сл.). Говоря о тесных взаимоотношениях, существовавших между нашей усадьбой и Помпеями, откуда хозяин приглашал живописцев и водопроводчиков, где он покупал строительные материалы, фабричную посуду и сельско-хозяйственный инвентарь, он пишет: «Хозяин заботился о производстве однородных продуктов и не беспокоился о том, удовлетворит ли его именование всем домашним нуждам. Главным делом усадьбы было производство вина... Обеспечено было производство некоторого количества масла... О разведении скота заботились мало, и, повидимому, нужда в сене была здесь незначительной. Поучителен обзор кладовой с инвентарем. Обилие мотыг, кирок и садовых ножей, так же как и отсутствие кос, молотков и ножниц указывают на те узкие границы, внутри которых проходит работа усадьбы. Небольшая мельница и печь свидетельствуют о количестве зерна, достаточном для домашних нужд. Но ортодоксальное представление о том, что в таком доме должен быть целый штат рабынь — пряж и ткачих, ни в чем не находит себе подтверждения. Земля вблизи Везувия была слишком плодородна, чтобы отдавать ее под пастбище: в усадьбе не было, вероятно, своей шерсти, и одежда покупалась».

Археологический материал, находящийся в нашем распоряжении, полностью опровергает слова об «узких границах», в которых укладывается хозяйственная деятельность нашей усадьбы. Небольшие размеры печи и мельницы свидетельствуют только

о малом населении усадьбы, но не о малом количестве зерновых: размеры тока и амбара говорят как раз против такого мнения. Утверждение об отсутствии скотоводства в нашей усадьбе также неправильно: в ее инвентаре, исчерпывающий список которого сделан археологом Паскви, указывается цельная большая коса, употреблявшаяся для косьбы соломы и травы,* и обломки кос, а кроме того, ножницы с треугольными лезвиями, такие, которые и поныне употребляются для стрижки овец; указываются также веретена — цельное и в кусках. Штата пряж не было; население усадьбы, как мы увидим дальше, вообще было немногочисленно, но шерсть здесь пряли. Чтобы держать овец, не надо было отводить для них специального пастбища: они паслись на парах, их кормили листвою и сушеными стеблями бобовых растений, служивших одновременно зеленым удобрением. Катон недаром держал у себя при оливковом саде стадо овец в 100 голов и заботился о заготовлении листвы; овцы не требовали почти никаких дополнительных расходов, и в то же время значительно повышали доходность имения и шерстью, и молочными продуктами. Не держать их было бы просто не рационально.

Рис. 98. Прибор для отдавливания сыров.

О наличии стада овец в нашей усадьбе свидетельствует хлев, а о хозяйственном использовании этого стада — один, необычного вида прибор, найденный в виноградном точиле (рис. 98). Он состоит из двух досок эллиптической формы (большая ось 0,8 м, малая 0,7 м), соединенных между собой крепкими деревянными клепками, шириной в 0,08 м, вделанными в нижнюю доску на некотором расстоянии друг от друга; высота клепок 0,66 м. В приборе хлыва (толщина 0,08 м) захватывалась лишь небольшая часть стебля. Оставшуюся солому скашивали косами.

ствиями по числу клепок; она надевается на них и может по ним ходить вверх и вниз. Паскви, верно определивший назначение этого прибора как пресса, ошибся, думается мне, в определении его специального назначения, причислив его к утвари виноградного или масличного точила и назначив ему в качестве работы дожимание «мешков с оливковым отстоем». Не говоря уже о необычности такой процедуры, о которой не упоминает ни один из наших источников, самые размеры этого прибора не годятся для такого большого виноградного и масличного хозяйства, как наше: трудно представить себе, чтобы, располагая таким оборудованием для изготовления вина и масла, какое у него было, наш хозяин имел еще нужду в этом карликовом прессе. И, наконец, очень уж нецелесообразен был бы такой пресс для окончательного отжимания оливкового отстоя (амигса): отстой этот весьма ценился в хозяйстве и бывал употребляем для самых разнообразных целей. При отжиме на этом прессе он лился бы изо всех отверстий между клепками; поставить же этот прибор в чан было слишком неудобно для самого процесса работы. Прибавим еще, что ни один из наших писателей-агрономов при всей подробности их изложения, не упоминает о таком прессе ни в инвентаре виноградного хозяйства, ни в инвентаре маслодельни. Была, однако, отрасль хозяйственной деятельности, при которой такой пресс был существенно важен и даже необходим, — это сыроварение. Колумелла подробно и вразумительно рассказывает об изготовлении сыров: «деревенские жители не допускают, чтобы сыворотка лениво стекала сама по себе: как только творог станет чуть поплотнее, на него кладут тяжесть, которая и выдавливает сыворотку; затем, вынув творог из форм или корзиночек..., его раскладывают по очень чистым полкам..., а когда он отвердеет, давят его еще сильнее». Колумелла, правда, нигде не говорит о чем-нибудь, вроде нашего прибора, но в данном случае решающего значения это обстоятельство не имеет: скотоводство со всеми его отраслями не было специальностью Колумеллы; он не вникал здесь во все подробности и не был в нем таким знатоком, каким был, например, в виноградарстве. Кроме того, наш «давилник» мог быть чисто местным,

помпейским изобретением. Выгоды его при изготовлении сыров очевидны: он экономит время и силы; сыровар помещает в этом приборе под гнетом сразу несколько сыров; сыры не пересыхают, оставаясь все время в сыворотке, из них вытекающей; постепенно оказываются готовыми один круг за другим. Большие размеры кухонного очага (1 кв. м) и всей кухни вообще (29 кв. м) делают ее как раз местом, очень пригодным для ведения молочного хозяйства. В качестве погреба можно было использовать пустые, темные и холодные пространства под давальными площадками.

Где же находились в усадьбе овцы и сколько их было? То обстоятельство, что овечьих скелетов в усадьбе найдено не было, еще ничего не доказывает. Катастрофа случилась в конце августа, и овцы в ту пору стояли, разумеется, не в хлеву, а находились под открытым небом, может быть даже относительно далеко от дома. Решающее значение имеет здесь хлев и его форма. Он был просторен (28 кв. м) и выстроен так, как рекомендовалось строить именно овчарни: вытянут в длину, с дверью в длинной стене, чтобы овцы, наткнувшись с разбегу, как на волнорез, на близкую противоположную двери стену, равномерно распределялись бы по всему хлеву, а не сбивались кучей в одной его части. К моменту катастрофы здесь были три лошади, свинья с поросятами и множество кур и цыплят. Лошади были, конечно, временными постояльцами; куры и свиньи могли прекрасно уживаться вместе с овцами. Если для свиньи закуты и для дров, помещавшихся возле кухни, отвести даже 4 кв. м, то остающихся 24 кв. м совершенно достаточно, чтобы вместить, по крайней мере, 40 овец. Мы имеем, таким образом, хозяйство, включившее в сферу своей деятельности все главные отрасли хозяйства древней Италии, стремящегося к тому, чтобы быть независимым (идеал античного хозяйства), но отводящего виноградарству большое место.

Каково же было то земельное пространство, на котором развертывалось это хозяйство?

Вопрос об италийском землевладении, которое принято вообще считать крупным, не может сейчас решаться с той беза-

пелляционностью, с какой решали его в прошлом столетии. Слово «крупный» слишком отвлеченно, оно нуждается в некоей конкретизации: в старой Саратовской губернии крупным считалось имение, площадь которого выражалась не меньше, чем четырехзначной цифрой; на севере Черниговской губернии крупным было владение в 200 десятин. Катон, несомненно, был крупным землевладельцем, располагая виноградником в 25 га и оливковым садом в 60 га. Сколько же земли было у хозяина усадьбы под Боскореале?

В ней полностью, со всеми долями (большие глиняные сосуды), сохранился винный погреб; Паскви определил, сколько долив содержало вино (их оказалось 72 из общего числа в 84) и высчитал их емкость, выразившуюся в среднем в 750 гл (в переводе на римский счет 125 мехов). Исходя из этого количества, попробуем высчитать размеры виноградника при нашей усадьбе.

Мы располагаем для этого несколькими цифрами: Греции, отец Агриколы, которому впоследствии Тацит доведется зятем, считал, что самый плохой (в смысле малой урожайности) сорт лоз должен дать, при хорошем уходе, с югера 1 мех вина. У Колумеллы мы найдем две цифры. Три меха с югера — идеальная норма, которая в его хозяйстве, несомненно, была достигнута, но для большинства виноградарей оставалась недостижимой мечтой. Сам Колумелла в спокойные минуты признавал это: его слова о том, что виноградник, дающий меньше 3 мехов с югера, следует выкорчевать, сказаны в восторге творческого вдохновения, когда, глядя на изумительные результаты своей многолетней работы, он счел возможным забыть о том, что происходит в других виноградниках. Страницей выше он дал цифру более скромную: 2 и даже 1 1/2 меха с югера. Правильность этих последних цифр подтверждается еще следующими соображениями. Доли для вина выделялись, конечно, стандартных размеров, причем таких, чтобы хозяину не надо было ломать голову, сколько этой винной посуды ему надо приобрести для своего виноградника. Расчет должен быть прост: на югер по долию; сколько югеров, столько

и доливов. Вместимость доливов в нашей усадьбе подкрепляет эти соображения: 10—11 гл — это чуть-чуть поменьше 2 мехов, т. е. урожая с югера; при хорошем урожае все доли были полны; при среднем — часть посуды оставалась пустой, но хозяин никогда не оказывался в беспомощном положении из-за нехватки винной тары. Исходя из этого положения, мы получаем для нашей виллы виноградник в 72 югера.

Не будем, однако, спешить с выводами. Мы не знаем, сохранился ли в этих 72 глиняных сосудах урожай только одного года. В виноградарском хозяйстве было весьма обычным явлением оставлять непроданной некоторую часть вина от прошлого года и даже от прошлых лет, выжидая более высоких цен. Сколько доливов у нашего хозяина было занято старым вином? Ясно, что ответить на этот вопрос мы не можем, и всякая названная цифра будет здесь совершенно произвольной. Попробуем подойти к решению вопроса о земельной площади усадьбы другим путем: путем установления ее рабочей силы.

Для рабов здесь были отведены четыре маленьких комнатки (8,1 кв. м каждая); впоследствии к ним прибавили еще пятую, отгородив дощатой перегородкой часть коридора, по обе стороны которого расположены были эти коморки (факт сам по себе очень любопытный, так как он свидетельствует о росте и процветании хозяйства, требовавшего добавления рабочих рук). В каждой комнатке стояло по одной кровати, кроме последней, добавочной, где помещалась большая кровать для взрослого и маленькая для подростка. В обычае было, чтобы рабы спали по двое. Таким образом, мы получаем 10 взрослых рабов. В это число не входят, конечно, вилки с женой, жившие в мезонине над воротами, и раб, которого Паскви помещал в комнатке, похожей на переднюю и расположенной перед триклинием. Раб этот, на обязанности которого лежало следить за всеми, кто входил и выходил, не может быть причислен к производственному персоналу настоящих рабочих, — это сторож: в усадьбе, конечно, должен был находиться человек, который оставался здесь круглые сутки и сторожил ее, когда все уходило на работу. Поэтому мы его и не будем принимать в расчет.

Помещение рядом с кухней, где хранился сельскохозяйственный инвентарь, нет никаких оснований, как это делает Паскви, считать спальней; здесь не обнаружено никаких следов ни кровати, ни светильников, ни того убогого скарба, который составлял хозяйство раба. Большое количество сельскохозяйственных инструментов, развешанных по стенам и лежавших кучей в углу (причем инструментов железных), не оставляет сомнения в назначении этой комнаты: перед нами кладовушка, куда пряталась всякая рабочая снасть и которую настоятельно советуют иметь в усадьбе латинские писатели-агрономы. Больше помещений для рабов в усадьбе нет; остальные комнаты, по характеру своего убранства, для рабов отнюдь не предназначались, — это «господская половина». Нельзя думать, что для рабов отведен был и мезонин, находившийся над маслодельней и комнатами рабов: такие мезонины, обычно надстраиваемые с двух противоположных сторон усадьбы, играли, кроме своего прямого назначения, еще роль сторожевых вышек, откуда хозяин и его доверенные лица могли наблюдать за тем, что происходит в усадьбе и вокруг нее; рабам на таком дозорном посту, конечно, не было места. Таким образом, мы принуждены остаться при том числе рабочего персонала, какое было уже указано нами выше: при 10 взрослых работников. Все ли они, однако, были мужчинами?

В усадьбе к моменту катастрофы находилась хозяйка. Она ипогиблздесь: гипсовый отлив, сделанный по способу Фиорелли, сохранил нам тонкое и красивое изображение женщины, сев был с севера; деревенские строения расположены вокруг обширного двора (Б), колонны которого, простые и двойные, сделаны из кирпича. Стены голые, никогда не имевшие украшений; 1 и 2 — хлевы, а, б, в водопой: вокруг В и Д расположены комнаты рабов и виллика, кладовые, склады и рабочие помещения; В — сыроварня; это, правда, только гипотеза, основывающаяся на том, что здесь нашли огромный бронзовый котел (1,06 м диаметром и 0,32 м высотой, с двумя ручками); Г — считают тюрьмой для рабов, потому что здесь лежали колодки, похожие на те, которые были в гладиаторской казарме. 14 и 15 — мельница и пекарня; лестницы в г и д свидетельствуют о наличии второго этажа,

тельно. Катон вычисляет персонал для виноградника и оливкового сада; Сазерна (писатель конца II — начала I в. до н. э.) дает свои нормы для *arbustum*. В обычае этой части Кампании, как показывают находки в нескольких усадьбах, было устраивать большие виноградники не в виде *arbustum*, а как *vinea*, т. е. так, чтобы лозы вились не по деревьям, а по шпалерам и кольям. В усадьбе под Боскореале виноградное хозяйство сочеталось с масличным, с полевым и с овцеводческим. Один и тот же кусок земли находился под маслинником или *arbustum* и служил в то же время хлебным полем и пастбищем; другой — под виноградником. Высшая цифра, которой можно определить величину усадьбы, — 100 югеров.

Доходность этого имения была велика. Мы можем определить только ту валовую сумму, которую хозяин получал с виноградника. Количество вина, находившееся у него в погребе, должно было дать ему при низких ценах (300 сестерций за мех) 37 500 сестерций (300 X 125), что по тем временам было отнюдь немало. К этому надо присчитать еще доход от масла и от молочного хозяйства.

Усадьба в долине Сарно

Рассмотрим еще одну усадьбу, лежавшую в 2 км от Помпей, в долине Сарно, начав с ее плана (рис. 99).

Глиняные кирпичи, сев был с севера; деревенские строения расположены вокруг обширного двора (Б), колонны которого, простые и двойные, сделаны из кирпича. Стены голые, никогда не имевшие украшений; 1 и 2 — хлевы, а, б, в водопой: вокруг В и Д расположены комнаты рабов и виллика, кладовые, склады и рабочие помещения; В — сыроварня; это, правда, только гипотеза, основывающаяся на том, что здесь нашли огромный бронзовый котел (1,06 м диаметром и 0,32 м высотой, с двумя ручками); Г — считают тюрьмой для рабов, потому что здесь лежали колодки, похожие на те, которые были в гладиаторской казарме. 14 и 15 — мельница и пекарня; лестницы в г и д свидетельствуют о наличии второго этажа,

Глава X

от которого ничего не осталось; Д — винный погреб, 25 — точило: между ними (27) сарай, под которым в 78 г. лежало множество бревен.

Усадьба эта чрезвычайно интересна и по своим размерам и по своему не совсем обычному плану. Главный вход (А), через который, по мнению одного исследователя, въезжали телеги, ведет не прямо в открытый двор, как это обычно, а в портик, куда проезд загорожен огромной глиняной бочкой (б), служившей для водопоя. Открытый двор (Б) занимающий очень большую площадь (около 280 кв. м), недоступен для повозок, будучи огражден со всех сторон барьером, пусть даже самым низким. Усадьба явно строилась с таким расчетом, чтобы телегам сюда и въезжать было нельзя: это скотоводческая ферма, куда через главный въезд (А) вгоняют овечьё стадо, для которого, в качестве зимнего загона и предназначен открытый двор. Зерно и сено хранились в италийских усадьбах, обычно, во втором этаже; в данном случае телеги могли подъезжать прямо снаружи к усадьбе с южной стороны, где в д сохранилась лестница, свидетельствующая о наличии здесь второго этажа; лестница эта вела и в жильё вилика, который, таким образом, имел перед глазами, с одной стороны, весь двор (хлев, загон и рабочие помещения), а с другой — виноградное точило и погреб.

Такое устройство двора, при котором телегам въезд в усадьбу был недоступен, заставляет думать о какой-то совершенно специфической направленности хозяйства, требовавшей ничем нарушаемого простора, который со двора все, что могло бы тревожить и нарушать текущую здесь жизнь. Поэтому те места, куда должны были подъезжать телеги (виноградное точило и сарай, куда складывали лес), оказались вынесенными за ограду и представили собой как бы особый мирок. Для какой же деятельности предназначал хозяин свою усадьбу?

Ответ, думается, надлежит искать в той части ее, где находилось то, что могло доставлять материал для работы и прибыли. Такой частью был очень большой хлев (2), занимающий около 80 м; 30-метровое помещение (/), которое обычно счи-

тается комнатой привратника (зачем было привратнику сидеть у ворот, куда входил только скот, и занимать при этом столько места?), соединявшаяся с хлевом, было, конечно, его отделением. В усадьбе обнаружены [именно в помещении (2)] ске-

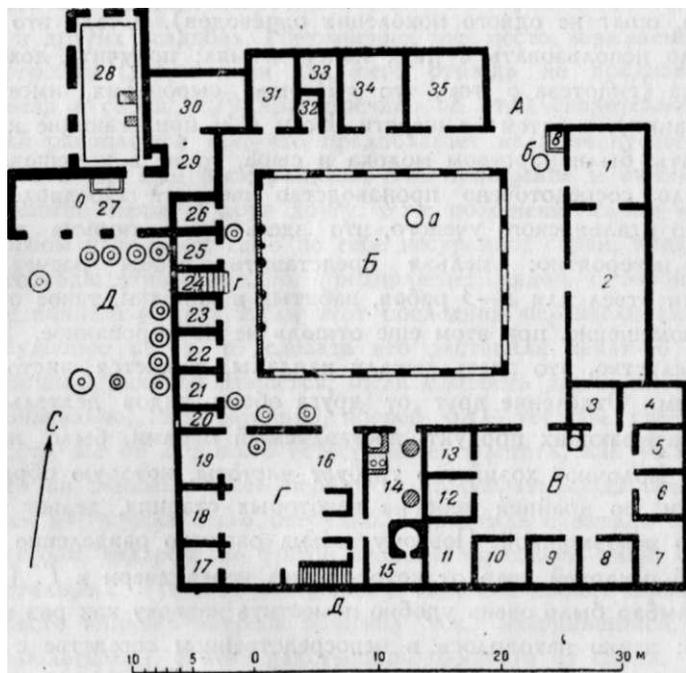

Рис. 99. Усадьба в долине Сарно (план).

А—главный въезд; Б—двор, а, б и в—водопой; В—сыроварня; Г—помещение для обработки шерсти; Д—винный погреб; 1 и 2—хлевы; 3—13—помещения для рабов и разных хозяйственных нужд; 14—15—мельница и пекарня; 16—26—коморки для рабов и разные кладовушки; 27—сарай; 28—виноградная давяльня; 29—35—хозяйская половина.

леты лошадей и крупного рогатого скота. Обстоятельство это не говорит ничего против того, что, главным образом, в усадьбе держали овец. Мы видели уже по усадьбе под Боскорееале, что и там в овчарне стояли лошади: овцы в это время находились

на пастбище. Помещение, вероятно, и было временно предназначено под конюшню и стойла для волов; (2) было овчарней, где помещалось стадо, по крайней мере в 100 голов (обратим внимание на план овчарни: тоже вытянутое в длину строение, как и в Боскореале; совет Колумеллы имел под собой, очевидно, опыт не одного поколения овцеводов). Стадо это надлежало использовать в двух направлениях: получить доход от молока (гипотеза о том, что в *B* была сыроварня, имеет все основания), а затем от шерсти. Если *B* и прилегающие к нему комнаты были царством молока и сыра, то не в помещении ли *Г* было сосредоточено производство шерсти? Предположение одного итальянского ученого, что здесь была тюрьма для рабов, невероятно: нельзя представить, чтобы расчетливый хозяин отвел для 2—3 рабов, забитых в колодки, такое обширное помещение, при этом еще отнюдь не изолированное. То обстоятельство, что здесь лежали кандалы, является чисто случайным. Отделение друг от друга обоих видов деятельности, обрабатывающих продукт, доставляемый овцами, было необходимо: молочное хозяйство требует чистоты, которую обработка шерсти, по крайней мере на некоторых стадиях, делает совершенно невозможной. Поэтому весьма разумно разделение обеих частей пекарней, жар от которой шел через двери в *Г*. (Хлебный амбар было очень удобно поместить наверху как раз в этом месте: зерно находилось в непосредственном соседстве с мельницей и пекарней). Вокруг (*B*) расположены были комнаты (3—13), служившие частью для молочного хозяйства, частью, как жилье для рабов (одну из этих комнат и можно было бы занять под тюрьму для рабов). Помещения вокруг *Г* (16—19) были кладовыми для шерсти и пряжи.

Количество работников исчисляется для этой усадьбы в 30 человек. Из этого числа значительная часть были женщины. Разница в размерах комнат, предназначенных для рабов, объясняется, вероятно, тем, что в больших помещениях хозяин селил женатых, а в меньших холостых рабов.

Как возникло и сложилось это хозяйство? К глубокому сожалению, отчет о раскопках мало говорит о том, имеются ли

следы переделок и перестроек в этой усадьбе. Известно только, что часть западного перистилия, столь отличавшаяся от трех остальных, пристроена позднее. Первоначально перистиль с этой стороны был открыт и главный въезд был там, где сейчас комната 25. Винный погреб занимал часть перистилия, как это бывает и в других усадьбах. Несомненно, что место, занимаемое винным погребом (*Д*), искони для него отнюдь не предназначалось: въезд в сарай (27) красноречиво об этом свидетельствует: сарай расположен так, что предполагает наличие свободного перед ним пространства. Это помещение и винный погреб взаимно мешают друг другу. Уже положение сарая между погребом и точилом само по себе несуразно: сарай, куда в случае непогоды убирали хлеб, предполагает рядом с собой ток, но не винный погреб. Если этот последний перенесли сюда, в это неудобное место, то сделать это заставила какая-то серьезная причина, каковой думается, была близость давилни (28). Первоначально, следовательно, погреб был устроен где-то поблизости же от 28; всего естественнее полагать, как уже сказано, что он занимал часть перистилия: перегнать сюда вино по трубам из точила было нетрудно. Перистиль с запада был совсем открыт; недаром же с этой стороны он совсем иной, чем с трех остальных. Тут же помещался и главный въезд: вероятно в 25. Место винного погреба занимал ток, находившийся, как ему и полагалось, в непосредственной близости от сарая.

Причины, заставившие хозяина привести усадьбу в тот вид, в каком мы ее застаем, совершенно ясны, и мы о них уже вскользь упоминали: он не только не желает, чтобы его «овечьему хозяйству» что-либо мешало, он расширяет его — обстоятельство чрезвычайно важное, так как оно красноречиво свидетельствует о доходности овцеводства и о росте шерстяной промышленности в крае.

Усадьба Менандра

Скажем еще несколько слов об усадьбе Менандра (рис. 100) (известна находкой большого количества серебряных вещей), в которой между собой соединились городская дом и де-

ревенская усадьба (дом лежит в черте города, но на самой окраине). Находится он в конце улицы Изобилия и представляет собой конгломерат помещений, постепенно разраставшийся и ко времени гибели города занимавший больше половины

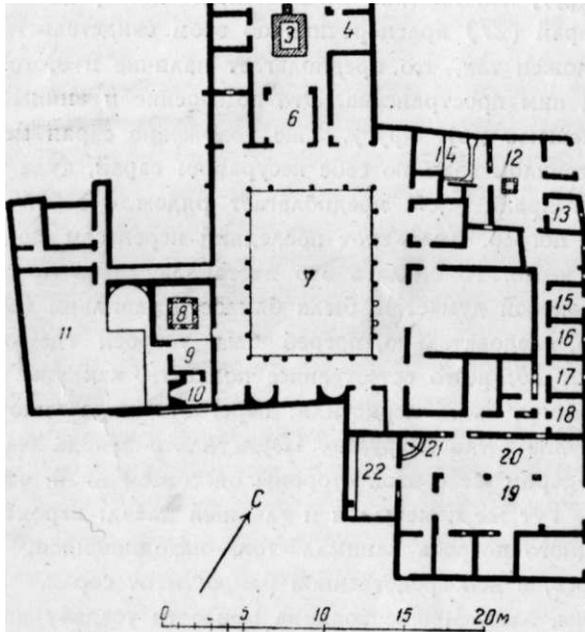

Рис. 100. Усадьба Менандра (план).

1—11—хозяйская половина; 12—атрий Эроса; 13—спальня Эроса; 15—18—каморки для рабов; 19—двор; 20—портик; 21—корыто; 22—хлев.

квартала. Часть дома, отведенная под нужды сельского хозяйства, лежит на восточной и юго-восточной стороне; пристроена она была в половине I в. н. э. Дом принадлежал богатому и знатному роду Поппеев, имевших землю вблизи города. Хозяева занимали «господскую половину» (1—11), а управление хозяйством поручали своему вольноотпущеннику Эросу,

который занимал на «сельской половине» небольшую спальню (13) и атрий (12), служивший в то же время и складочным местом для железных сельскохозяйственных орудий. Из атрия дверь вела в коридор, куда выходили четыре каморки (15—18), предназначенные для рабов; при таком расположении помещений рабы оказывались неизменно под присмотром Эроса, который мог наблюдать за ними из атрия. За помещением для рабов шел двор (19), куда въезжали с улицы через широкие ворота. Двор с двух сторон был окружен портиком (20), над которым находился второй этаж. Под портиком нашли железные части двух телег, корыто для водопоя животных (21) и скелет сторожевой собаки, погибшей при извержении Везувия. За портиком был хлев (22).

Можно легко представить себе, как шла жизнь в этой части дома. Рабы под надзором Эроса уходили с рассветом на работу и к вечеру возвращались домой. В одной из комнат, выходящих во двор, они обедали; если дело было зимой, оставались еще работать при огне и затем расходились по своим конуркам. Хозяева—городские люди с литературными вкусами (дом их украшен, между прочим, портретом греческого поэта Менандра)—видимо хозяйством не интересовались; они отвели под него часть дома почти совсем обособленную и находившуюся вовсе вне поля их зрения: все было сдано на руки Эросу.

ЛИТЕРАТУРА

Классовский В. Помпея и открытые в ней древности. 1-е изд., 1847; 2-е изд., 1849; 3-е изд., 1856; 4-е изд., 1883.

Левшин А. Прогулки русского в Помпеи. СПб., 1843.*

Починков А. А. Помпеянские росписи. 1937.

Стрельцов А. Помпеи в их прошлом и будущем. М., 1888.

Carrington R. C. Pompei. Oxford, 1936. (С прекрасной библиографией).

Carrington. Studies in the Campanian Villae Rusticae. Journal of Rom. Stud., 1931.

Duhn F. Pompei. 3-е Aufl., Leipzig, 1918.

Frank, T. An economic history of Rome. 1927.

Gummerus. Der Gutsbetrieb bei Cato, Varro u. Columella. 1906.

Ippel. Pompei. Berlin, 1926.

Mau A. Pompei im Leben und Kunst. Leipzig, 1912.

Maiuri A. Pompei. 1929.

Maiuri A. Pompei. 1936. (Путеводитель).

Отчеты о раскопках .Notizie degli Scavi", начиная с 1912 г.

Pasqui A. La villa pompeiana della Pisanella presso Boscoreale Mon. Ant. v. VII, 1897.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Спартак — знаменитый вождь большого восстания рабов I в. до н. э.**

² **Сенека — римский философ-моралист I в. н. э.**

³ **Плиний Младший — римский прозаик I в. н. э. Славу ему создали его «Письма», сообщающие о многих событиях его времени.**

⁴ **Марциал — римский поэт I в. н. э., автор многих язвительных эпиграмм.**

⁵ **Стаций — римский поэт I в. н. э.**

⁶ **Дион Кассий — историк (II—III в. н. э.). Написал по-гречески историю Рима до 229 г. н. э.**

⁷ **Светоний — современник Плиния Младшего. Составил биографии 12 цезарей.**

⁸ **Лукания — область в южн. Италии.**

⁹ **Фло — римский историк II в. н. э.**

¹⁰ **Ливий — знаменитый римский историк (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.), написавший историю Рима от основания города до 9 г. н. э. Некоторые части ее сохранились до нашего времени.**

¹¹ **Тарквинии — город в Этрурии (в нынешней Тоскане).**

¹³ **Ганнибал — знаменитый карфагенский полководец III в. н. э. Во время Второй Пунической войны (пуны = карфагеняне) он вторгся в Италию и в течение 17 лет опустошал ее.**

¹³ **Сулла — видный государственный деятель Рима в I в. до н. э., глава аристократической партии.**

¹⁴ **Митридат — Понтийский царь (132—63 гг. до н. э.)**

¹³ **Сервиева стена — стена вокруг древнего Рима, постройку которой приписывали римскому царю Сервию (VI в. до н. э.).**

¹⁸ **Сибарис — греческий город в южн. Италии.**

¹³ **Меркурий — бог торговли у римлян.**

¹⁷ **Умбры — одно из итальянских племен.**

¹⁸ **Давны — одно из племен, населяющих Древнюю Италию.**

* Первая русская книга о Помпеях, написанная для своего времени очень хорошо. Следует обратить внимание на то, что А. Левшин первый указал на необходимость рассматривения каждого дома, как некоего комплекса. Итальянские археологи при

- ²⁰ Медуза — сказочная женщина-чудовище со змеями вместо волос.
- ²¹ Силен — сказочное демоническое существо, спутник Диониса.
- ²² Эмилий Павел — полководец и государственный деятель древнего Рима II в. до н. в.
- ²³ Витрувий — римский архитектор I в. н. в.
- ²⁴ Траян — римский император (98—117 гг. н. в.).
- ⁸⁸ Юпитер — главное божество римлян. Ему вместе с Юноной и Минервой (покровительница наук и ремесл) воздвигнут был храм в Риме на холме, называвшемся «Капитолием».
- ²⁶ Аполлон — бог музыки и поэзии.
- ²⁷ Эней — мифический основатель римского государства. Он — сын Анхиза и богини Венеры один из блестящих троянских героев. После гибели Трои он бежит оттуда с отцом Анхизом и сыном Асканием и после многих скитаний пристает к Италии, где и основывает свое царство. С III в. до н. э. в Риме утвердилось предание, считавшее римлян потомками троянцев; род Юлиев, к которому принадлежал Цезарь, считал Энеева сына своим родоначальником. История Энея рассказана знаменитым римским поэтом Вергилием в «Энеиде», национальной эпосе римлян.
- ²⁸ Альба — древнейший город Италии.
- ²⁹ Ромул — мифический основатель города Рима.
- ³⁰ Герод — греческий писатель III в. до н. э. Автор живых бытовых сценок.
- ³¹ Августин — церковный писатель IV в.
- ³² Квинтилиан — писатель I в. н. э. Он был школьным учителем; его сочинение «Об ораторском образовании» содержит ряд педагогических наставлений.
- ⁸⁸ Исида — египетская богиня, почитание которой было очень распространено в древней Италии.
- ³⁴ Петроний — римский писатель I в. н. э. Его роман приключений «Сатирикон» сохранился только в отрывках. Главную часть этих отрывков составляет «Обед у Тримальхиона», богатого высочки, бывшего раба, безмерно хвастливого, совершенно необразованного, но добродушного и, по тем временам, человеческого. За столом его собираются разные «мелкие люди»: каменотес со своей женой, бывший носильщик, старьевщик и т. п. Их беседа, живая, яркая и красочная, дает много материала для характеристики городской жизни в Италии.
- ³⁵ Сатурналии — у древних римлян праздник в честь бога Сатурна, сопровождавшийся пирами и весельем. Приходился на вторую половину декабря и продолжался несколько дней.
- ³⁸ Калигула — римский император (37—41 гг. н. э.). Известен своим самодурством и жестокостью.
- ³¹ Гесиод — греческий поэт VIII в. до н. в. Написал поему «Труды и дни», где описывает жизнь трудового крестьянина.

- ³⁸ Тибур — маленький городок возле Рима, ныне Тиволи.
- ³⁹ Саллустий — римский историк I в. до н. с. В числе его работ имеется одна, посвященная заговору Катилины.
- ⁴⁰ Палатинский холм — один из семи холмов Рима. На нем находился императорский дворец.
- ⁴¹ Катон Старший — государственный деятель и писатель II в. до н. э. Сохранился его трактат о сельском хозяйстве.
- ⁴² Вакх = Дионис — бог вина.
- ⁴³ Самний — гористая местность в Италии к северу от Кампании.
- ⁴⁴ Апулия — область в южн. Италии.
- ⁴⁵ Арретинская посуда — очень красивая столовая посуда из красной глины. Название получила от города Арретия (теперь Арещо в Тоскане), где изготовлялась.
- ⁴⁶ Деметра — греческая богиня земледелия.
- ⁴⁷ Апулей — римский писатель II в. н. э. В его романе «Золотой осел» рассказаны приключения человека, колдовством превращенного в осла.
- ⁴⁸ Плавт — римский писатель III в. до н. э., автор знаменитых комедий.
- ⁴⁹ Овидий — римский поэт I в. н. в.
- ⁵⁰ Милет — древний греческий город в Малой Азии.
- ⁵¹ Энеида — см. прим. 27.
- ⁵² Венера Помпейская — богиня производительных сил природы.
- ⁵³ Фидий — знаменитый греческий скульптор V в. до н. э.
- ⁵⁴ Немесида — богиня возмездия у древних греков.
- ⁵⁵ Нерон — римский император (54—58 гг. н. э.).
- ⁵⁶ Проперций — римский поэт I в. н. э.
- ⁶⁷ Делос — маленький греческий остров в Эгейском море. Вел обширную торговлю.
- ⁵⁸ Истрия — полуостров, омываемый Адриатическим морем.
- ⁵⁹ Аквилея — город в северном углу Адриатического моря.
- ⁶⁰ Александрия — главный город в Египте.
- ⁶¹ Лукреция — жена Тарквиния Коллатина (VI в. до н. э.). Муж ее в числе прочей молодежи находился под Ардеей (город недалеко от Рима), осажденной римским войском. Как-то раз он и его товарищи завели речь о своих женах, и чтобы проверить, как они ведут себя, поздним вечером прискакали в Рим. Лукреция сидела в кругу служанок и прядла; жены других весело пировали с гостями. Сын римского царя Тарквиния Гордого, бывший в числе приехавших, влюбился в Лукрецию и явившись через несколько дней в дом Коллатина, ее обесчестил. Лукреция покончила с собой, рассказав мужу и отцу о нанесенной ей обиде. Смерть ее послужила сигналом к свержению царской власти в Риме.
- ⁶² Варрон — римский писатель и ученый I в. до н. э. Занимался, между прочим, вопросами этнографии и быта древней Италии.

⁶³ Пирр — царь эпирский (IV в. н. э.) (Эпир — северо-западная область Греции).

⁶⁴ Фесей и Минотавр. Фесей — мифический афинский царь, отправившийся на о. Крит с намерением убить Минотавра, получеловека, полубыка, который жил в лабиринте и которому каждый девятый год посылали из Афин человеческие жертвы. Дочь Критского царя, Ариадна, дала отважному юноше Фесею клубок ниток, с которым он и прошел по лабиринту и, убив Минотавра, нашел обратный выход. Ариадна уехала с Фесеем, но он бросил ее на пустынном острове. Здесь ее нашел Дионис, женой которого Ариадна и стала.

⁶⁵ Коринф — город древней Греции.

⁶⁶ Аппиан — историк II в. н. э. Написал историю гражданских войн в Риме.

⁶⁷ Марс — бог войны.

⁶⁸ Кифара — струнный музыкальный инструмент.

⁶⁹ Гораций — знаменитый римский поэт (65 г. до н. э. — 8 г. до н. э.).

⁷⁰ Меценат — государственный деятель эпохи Августа (I в. до н. э.).

Известен покровительством, которое оказывал Вергилию и Горацию.

⁷¹ Тибулл — римский элегик I в. до н. э.

⁷² Геспериды — сказочные хозяйки дивного сада, расположенного на крайнем Западе, там, где солнце вечером опускается в море. В их саду росло дерево с золотыми яблоками, которые сторожил всегда бодравший дракон. Геракл (= Геркулес) поразил его и сорвал яблоки.

⁷³ Икар — сын знаменитого мастера Дедала, который, чтобы вырваться из плена, сделал крылья себе и сыну, скрепив перья воском. Икар поднялся слишком высоко к солнцу, воск на его крыльях стал таять, и он упал в море.

⁷⁴ Диоклетиан — римский император (284—305 гг.).

⁷⁵ Каракалла — римский император (211—217 гг.).

⁷⁶ Ювенал — знаменитый римский сатирик I—II в. н. э.

⁷⁷ Ахилл — главный герой Илиады. Его друг Патрокл был убит вождем троянцев Гектором.

⁷⁸ Галлия — нынешняя Франция.

⁷⁹ Клавдий — римский император (41—54 гг.).

⁸⁰ Нестор — старший по возрасту из греческих вождей, пришедших под Трою.

⁸¹ Дидона — мифическая царица Карфагена, возлюбленная Энея.

⁸² Приам — престарелый царь Трои.

⁸³ Астианакт — сын Гектора, погибший младенцем при взятии Трои.

⁸⁴ Кибела — азиатская богиня, почитание которой было широко распространено по римскому государству.

⁸⁵ Еврипид — знаменитый греческий трагик V в. до н. э.

⁸⁶ Менандр — греческий поэт IV в. до н. э., автор комедий.

⁸⁷ Архилох — знаменитый греческий лирик VII в. до н. э.

⁸⁸ Зенон — греческий философ IV в. до н. э., основатель стоической школы.

⁸⁹ Чпикур — греческий философ IV в. до н. э., основатель эпикурейской школы, основным положением которой считали предписание наслаждаться жизнью.

⁹⁰ Колумелла — знаменитый римский агроном I в. н. э.

ПЕРЕВОД ИТАЛЬЯНСКИХ НАЗВАНИЙ УЛИЦ В ПОМПЕЯХ

Via dell'Abbondanza	— улица	Изобилия.
Via di Nola или via Nolana	—	Ноланская улица.
Via di Stabia или via Stabiana	—	Стабиева улица.
Via degli Augustali	—	улица Августалов.
Via di Mercurio	—	улица Меркурия.
Strada Marina	—	Морская улица.
Vico Storto	—	Кривой переулок.
Via Consolare	—	Консульская улица.
Via delle Scuole	—	Школьная улица.
Vico degli Scheletri	—	переулок Скелетов.
Vico del Baccone pensile	—	переулок Висячего балкона.
Via dei panattiere	—	Хлебная улица.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава I. Гибель Помпей	5
Глава II. История раскопок	14
Глава III. Кампания и Помпеи	27
Глава IV. Город	36
Общий план (36). Стены (40). Улицы (50). Водо- снабжение (54). Форум (65).	
Глава V. Городское управление и выборы	84
Глава VI. Промышленность и торговля	102
Хлебопечение (103). Рыбный соус „гарум" (118). Шерстяная промышленность (122). Рынки (132). Тор- говые и деловые люди (142).	
Глава VII. Дома и обстановка их	151
Комнаты италийского дома (162). Меблировка (190). Стенная роспись (197).	
Глава VIII. Бани	235
Глава IX. Амфитеатр и гладиаторские игры	255
Глава X. Деревенские усадьбы	282
Усадьба под Боскореале (282). Усадьба в долине Сарно (303). Усадьба Менандра (307).	
Литература	310
Примечания	311
Перевод итальянских названий улиц в Помпеях	315

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского Совета
Академии Наук СССР*

»
Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Художник *М. П. Цыбасов*
Корректоры *И. А. Малевич* и *А. С. Шамова*

*

РИСО АН СССР N 3163.
Учизд. д. 22/,-

Подписано к печати 17-ХІ 1948 г. Печ. д. 197,-+3 вклейки.
м 28530. Тираж 8 000 Зак. 4312.

Типография № 2 Управления издательств и полиграфии Ленгорисполкома